

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

ФЕВРАЛЬ

2001

ШВАТ

5761

№ 2 (106)

ТУ БИШВАТ

По старой еврейской традиции число 15 записывается буквами **еи**, а читается это сочетание двух букв как «Ту». Таким образом, Ту бишват – это 15-й день месяца шват. Ровно середина месяца, полнолуние, долгота дня к этому времени года увеличивается более чем на два часа. Там, на родной заповеданной земле, кончился период дождей, почва подготовилась к новому урожаю. Все живое с Б-жьего благословения готово возродиться под солнечными лучами. И потому этот день называют также новым годом деревьев.

Праздник отмечается с незапамятных времен. Хотя предписаний о нем в письменной Торе нет, он упоминается в Мишне. Как и прежде, евреи в эти дни стараются есть те плоды, которыми Тора прославляет Израиль – «страну пшеницы и ячменя, и виноградных лоз, и смоковниц, и гранатовых деревьев, масличных деревьев и (финикового) меда».

По традиции к праздничной трапезе подают пшеничные и ячменные лепешки; благословение на вино произносят раньше, чем благословение на фрукты. Многие в праздничной трапезе определилось сравнительно недавно, чуть больше четырех столетий назад. После изгнания из Испании каббалисты, последователи рабби Акивы и Шимона бар Йохая, собрались в городе Цфат, что в Верхней Галилее. Новый год деревьев они стали встречать праздничным сейдером, подобным тому, что мы привыкли видеть в Пейсах: выпивая традиционные четыре бокала вина, в определенном порядке поедая фрукты, которыми богат Израиль, читали стихи Торы, где упоминаются израильские растения, фрагменты Талмуда, и, конечно, Зогар, главной книги каббалы.

Отмечая новый год деревьев, люди обращаются к заветам Торы, в которой человек сравнивается с фруктовом деревом, – у них действительно есть много общего. При выращивании дерева очень важны первые годы. Надо правильно посадить его, выбрав нужное место, соответственно сориентировав. Особенно заботливо ухаживая за ним вначале, человек обеспечивает себе возможность потом долгие годы пользоваться его замечательными плодами. Крона таких деревьев могуча, а корни – особенно крепки. У человека тоже все закладывается в детстве – это базовый период жизни. Усваивая заветы Создателя, совершая достойные дела, мы в конце концов отдаем все мироздание в руки наших детей – не цветов, а плодов нашей жизни. От их воспитания зависит будущее мира, его мощь и сила. Очень важно, чтобы они росли, имея достойный пример. С первого дня для ребенка важно, что он получает и что перед собой видит. Это скажется на всем его будущем. Таков первый урок, что преподносит нам Ту бишват.

Посадив дерево, удобрив и обильно полив землю, человек продолжает за ним ухаживать и в дальнейшем. Так, и воспитывая своего ребенка, мы не должны забывать, что еще годы и годы он будет строить свою жизнь, глядя на нас. К сожалению, родители часто об этом забывают. В суете и суете жизни они привыкают думать: «Ребенок чем-то занят – очень хорошо». Родители довольны, что им не морочат головы, ведь в жизни столько забот! Так постепенно складывается ситуация, когда родители и дети живут каждый своей жизнью. Часто телевизор, пресловутый «ящик», становится и единственным источником информации, и средством развлечения. Ни родители, ни тем более дети не задумываются, сколько дурного закладывается в головы духовно слабых, не умеющих размышлять. Конечно, знакомство с новостями полезно, но как оценить, измерить то отрицательное влияние, что оказывают на неокрепшие души сцены насилия,

террора, нескромных, грубых интимных сцен. На родителях лежит обязанность максимально защитить души своих детей от негативных влияний окружающей среды. Даже малозначительное воспитательное действие, словно живительная капля дождя, может в дальнейшем дать обильные всходы, определить едва ли не всю жизнь человека, «и во всем, что ни сделает, он преуспеет». В этом второй урок Ту бишват.

Ухоженное дерево постоянно растет, и нет такого момента, когда его рост прекращается без каких-либо причин. Так и человек не должен останавливаться в своем росте, развитии, какого бы уровня он ни достиг. Пока здоровье позволяет, есть силы духовные и физические, человек должен продолжать работать. «Все! Хватит! Поработал, пора отдыхать!» – заявлять такое без достаточных оснований преступно перед нашим Творцом. Наблюдая растущее плодоносящее дерево, человек извлекает уроки, питает свой разум, совершенствуется. Как назначение каждого дерева расти и регулярно приносить плоды, так и человек постоянно должен подниматься духовно, не останавливаться, не довольствоваться достигнутым. Не должен наступить такой момент, когда человек решит, что уже всему научился, всего достиг. Конечно, со временем могут снизиться активность, измениться физиологические параметры, но стремление к росту должно оставаться с Б-жьей помощью. Это третий урок, который мы получаем от окружающей нас природы в праздник Ту бишват.

Основу нашего рациона составляют злаки, овощи, белковая пища. Плоды фруктовых деревьев дают нам витамины, необходимые микроэлементы и массу удовольствия. Точно так же каждый из нас должен жить не только для себя, мы должны доставлять удовольствие своей семье, друзьям и прежде всего Б-гу, сотворившему нас, вселившему в нас духовное начало. Праведно поступает тот, чьи поступки радуют окружающих и тем самым Б-га. «Жизнь дается один раз» – это верно. Но ошибочно думать, что ее следует использовать только для получения максимума удовольствий. Приносить удовольствие близким и друзьям – вот высшее наслаждение. Как сказал поэт: «Все, что отдал, то – твое». Тогда, как и деревья, своим временным присутствием мы украшаем этот мир.

Вновь возвращаясь к Горе, источнику нашей жизни с Всевышним, в этот праздник природы мы укрепляем наши корни, и от того, как крепки и прочны будут они, зависит здоровье всего нашего дерева: мощь кроны, обилие и сладость плодов. Дерево еврейства рядом с другими деревьями образует сад, свежая атмосфера которого дает надежду на сохранение жизни на земле.

Áéàáí úé ðàáàèí Ðíññè Ááðè Éàçàð

УРОКИ ТОРЫ

ИТРО

В интерпретации событий, связанных с дарованием Торы, есть два момента, вызвавших спор между рабби Акивой и рабби Ишмаэлем. Расхождения в мнениях этих великих мудрецов вызваны глубинными различиями в их подходе к служению Б-гу. Вот о чем они спорят: во-первых, что ответили Б-гу сыны Израиля, принимая десять заповедей, и, во-вторых, как понимать выражение Торы, что они «видели звуки (грома)», — видели ли они звук в буквальном смысле или же только слышали его? Начиная с этих, казалось бы, второстепенных деталей, беседа раскрывает фундаментальные темы, в частности, объясняет отличия восприятия праведника и раскаивающегося.

ЧТО ОТВЕТИЛИ ЕВРЕИ?

«И говорил Всесильный все эти слова, сказав...», — так в Торе начинается рассказ о даровании десяти заповедей (Шмойс, 20:1). Обычно в языке Торы слово, переводимое «сказав», употребляется в значении «сказать для передачи кому-то». Например, фраза «и говорил Б-г Моше, сказав...» означает, что Моше должен передать слова Б-га сынам Израиля. Но к данному случаю такое толкование неприменимо, поскольку при даровании Торы Б-г сам говорил со всеми евреями. Мы не можем понимать это и в смысле «сказал для передачи грядущим поколениям», ибо, согласно традиции, души всех когда-либо живших евреев собрались у горы Синай, чтобы воспринять откровение.

Поэтому комментарий Мехилта толкует термин «сказав» так: в ответ на каждую заповедь сыны Израиля отвечали Б-гу, обещая делать все, что от них требуется.

Но относительно того, как именно отвечали сыны Израиля, Мехилта приводит два мнения. Рабби Ишмаэль говорит, что на предписывающие заповеди они отвечали «да», а на запрещающие — «нет» (иначе говоря, они будут делать то, что Б-г заповедует и не будут делать того, что Он запрещает). А рабби Акива считает, что они отвечали всегда только «да» — как на предписывающие, так и на запрещающие заповеди (что означает: они будут выполнять волю Б-га, в какой бы форме она ни выражалась). Но в чем расходятся эти два мнения? Ведь по существу оба они говорят об одном и том же.

ЗВУКИ ГРОМА

И в другом расходились мнения рабби Акивы и рабби Ишмаэля относительно событий дарования Торы. Из текста мы узнаем, что «весь народ видел звуки (грома) и молнию» (Шмойс, 20:15). Но тут возникает вопрос: как можно увидеть звук?

Рабби Ишмаэль говорит: «Они видели то, что обычно видят, и слышали то, что обычно слышат». То есть он понимает глагол «видеть» как относящийся в данном случае к звукам грома, но не к молнии. В свою очередь рабби Акива говорит: «Они видели то, что обычно слышат, и слышали то, что обычно видят», что означает: они действительно видели звуки и не видели, но слышали молнию.

Известно, что Б-г не совершает чудес без причины. Следовательно, можно заключить, что чудеса, описываемые рабби Акивой, были существенной частью дарования Торы. Иначе говоря, состояние сынов Израиля при даровании десяти заповедей было настолько возвышенным, что их чувства чудесным образом преобразились. Если так, то мы должны понять стих «они видели звуки грома и молнию» как относящийся к возвышенному, экстатическому состоянию сынов Израиля. Но тогда как понять мнение рабби Ишмаэля, который, комментируя этот стих, говорит об абсолютно естественном явлении?

ЧТО ЦИТИРУЕТ РАШИ?

Поскольку эти расхождения касаются одного и того же предмета и обнаруживаются у тех же оппонентов, можно заключить, что их мнения относительно ответа евреев отражают особое понимание каждым из них слов о видении грома. Одно влечет за собой другое.

В своем комментарии Раши на слово «сказав» приводит мнение рабби Ишмаэля – «евреи отвечали “да” на предписывающие заповеди и “нет” на запрещающие». В то же время, поясняя фразу «они видели звуки», он цитирует первую часть объяснения рабби Акивы, а именно, они видели то, что обычно слышат.

Комментарий Раши последователен, и может показаться, что две эти проблемы не связаны, если он позволяет себе цитировать мнение одной стороны по одному вопросу и другой – по другому. Но это не так, ибо Раши цитирует только половину объяснения Рабби Акивы, упуская слова «сыны Израиля слышали то, что обычно видят». А ведь именно эта часть приводит рабби Акиву к мнению, что сыны Израиля отвечали «да» и на запрещающие заповеди, из-за чего он и расходится во мнениях с рабби Ишмаэлем. А причина такого цитирования Раши заключается в том, что именно эти объяснения наиболее подходящи для буквального понимания текста, – как известно, толкование Торы на уровне простого смысла и есть главная задача Раши.

ЗРЕНИЕ И СЛУХ

Сначала установим различия между зрением и слухом. Во-первых, впечатление от увиденного для человека куда сильнее, чем от услышанного, – настолько, что «свидетель события не может быть судьей по делу, связанному с этим событием». Ибо никакие контраргументы не могут убедить его изменить сформировавшееся мнение о виденном собственными глазами. Но если человек лишь слышал о каком-то событии, то разум его открыт для восприятия противоположных свидетельств, и он способен на беспристрастную оценку услышанного. Во-вторых, видеть можно лишь физические объекты, но слышать можно и неосознаваемое, к примеру, звуки, слова.

Эти два момента связаны. Поскольку человек является физическим существом, то совершенно естественно, что именно физическое, материальное производит на него наиболее сильное впечатление. Духовное же постигается лишь благодаря слушанию и пониманию, следовательно, впечатление от духовного слабее.

Вышесказанное объясняет природу духовного подъема сынов Израиля вследствие дарования Торы. Они видели то, что обычно слышат, – то есть духовное стало столь же осязаемым и определенным, как и знакомый мир физических объектов. На самом деле сущность Б-га открылась их взорам, когда они услышали слова: «Я (сущность) Г-

сподь (Который распространяется за пределы мира) Б-г твой (Который присутствует в этом мире)».

Во время такого откровения мир воспринимается таким, каков он на самом деле есть, – не как независимо от Б-га существующее явление, но как нечто полностью устраненное перед Ним. А если так, то откуда мы узнаем, что мир действительно существует, а не является лишь иллюзией? Из стиха «в начале Г-сподь сотворил небо и землю». Другими словами, сыны Израиля «слышали то, что обычно видят», то есть у них было лишь интеллектуальное понимание, а не вызванное собственными ощущениями того, что физический мир существует.

ОБЪЯСНЕНИЯ РАББИ ИШМАЭЛЯ

Но если так, то какой подъем переживали сыны Израиля по мнению рабби Ишмаэля, считающего, что они слышали и видели то, что обычно слышат и видят? И как это могло быть при величайшем в истории откровении?

Объяснение такое: самое главное откровение при даровании Торы выражено словами «и спустился Г-сподь на гору Синай» Шмойс, 19:20). То есть высшее опустилось. А чудом являлось уже то, что сам Г-сподь мог быть раскрыт в рамках природы. Именно в силу этого стал возможен столь необычный факт – сыны Израиля, не претерпев каких-либо изменений в органах чувств, ощущали самую суть Г-спода. Это потрясло их и испугало настолько, что они «задрожали и встали (упали) поодаль» (Шмойс, 20:15).

ПЕРВОСВЯЩЕННИК И КАЮЩИЙСЯ

Почему рабби Ишмаэль и рабби Акива придерживаются противоположных взглядов относительно природы подъема, испытанного сынами Израиля на Синае? Рабби Ишмаэль был Первосвященником (коген гадоль), и по природе своей должен был являться «святым для Г-спода его» (Ваикра, 21:7). Служение его было служением праведника, чья задача приносить святость в этот мир, то есть привносить высшее в низшие миры. Именно в силу этого он усматривал величайшее чудо в том, что Г-сподь сам сошел в этот мир – настолько, что Его можно было воспринимать обычными органами чувств: «они видели то, что обычно видят».

А рабби Акива был баал-тшува – раскаивающийся, или возвращающийся, и происходил от людей, обращенных в иудаизм. Он начал учить Тору лишь в возрасте сорока лет. Возвращением пронизан весь дух его служения. Он испытывал желание подняться выше этого мира (и, как известно, мечтал о мученической смерти во имя Б-га, которую и вынес с честью). Поэтому для него величайшим чудом было преодоление всех обычных ограничений – «они видели то, что обычно слышат».

ДВА АСПЕКТА ЗАПОВЕДИ

У каждой заповеди есть два аспекта:

1. Элемент, объединяющий все заповеди, – все они являются приказами Б-га.
2. Индивидуальные характеристики каждой заповеди – каждая из них относится к разным видам деятельности человека и освящает различные стороны этого мира.

Рабби Акива и рабби Ишмаэль выделяли различные аспекты заповедей. Для рабби Ишмаэля высшим проявлением Б-жественного являлось его распространение в этом ограниченном мире, поэтому главным образом он обращал внимание на детали заповедей (как каждая из них освящает свою часть этого мира). Исходя из этого он придерживался мнения, что евреи отвечали «да» на предписывающие заповеди и «нет» на запрещающие. Иными словами, их ответы подчеркивали отличие одного типа заповедей от другого.

А для рабби Акивы важнее всего было то, что выходит за пределы этого мира и его ограничений. Следовательно, существенным элементом заповедей, с его точки зрения, является то, что их объединяет, а именно, что каждая из них воплощает ничем не ограниченную волю Б-га. Поэтому он считает, что в первую очередь евреи реагировали на это, отвечая «да» как на предписывающие, так и на запрещающие заповеди.

ХАРАКТЕР РАББИ АКИВЫ

Мы можем лучше понять сказанное рабби Акивой. Когда он говорит, что евреи отвечали «да» на запрещающие заповеди, можно предположить: так делалось не просто потому, что они ощущали в этих заповедях нечто общее, присущее всем выражениям воли Б-га. Скорее причина в том, что даже в запрете они видели только положительное – ту святость, которую приносит акт самоограничения.

Это следует из второй части объяснения рабби Акивы относительно услышанного на Синае (которую Раши в своем комментарии опускает) – евреи «слышали то, что обычно видят». Поскольку существование физического мира воспринималось ими только умственно, а единственной реальностью для чувственного восприятия было существование Б-га, то они не могли почувствовать существование предметов и явлений, находящихся в противоречии со святостью, например «других богов». Они воспринимали лишь акт утверждения, содержащийся в заповеди «Да не будет у тебя других богов».

Эта позиция рабби Акивы очень четко просматривается в таком рассказе из Талмуда (трактат Макот). Как-то раббан Гамлиэль, рабби Элазар бен Азария, рабби Иегошуа и рабби Акива отправились в путь (было это после разрушения второго Храма) и, дойдя до горы Скопус, в знак траура разорвали одежды, а когда дошли до Храмовой горы и увидели лисицу, выбегавшую из Святой Святым, то начали плакать – все, кроме рабби Акивы, который засмеялся. Его спросили: «Почему ты смеешься?» «А вы почему плачете?» – спросил он. «Написано, – ответили ему, – “посторонний, который приблизится (к Святой Святым), да будет предан смерти” (Бамидбар, 1:51), – а теперь лисы туда входят! Как же нам не плакать?» Сказал им рабби Акива: «Именно поэтому я смеялся. Ибо написано: “И Я взял Себе верных свидетелей – Урию-священника и Захарию сына Йеверехайагу” (Ишайягу, 8:2). Какова же связь между Урией и Захарией, если первый жил во времена первого Храма, а второй пророчествовал в эпоху второго? Тора связывает оба их пророчества. Урия сказал: «И будет Сион из-за вас перепахан, как поле». А Захария говорил: «Еще будут старики и старухи сидеть на площадях Иерусалима». Пока не исполнилось пророчество Урии, я боялся, что не исполнится пророчество Захарии. Теперь же, когда первое сбылось, я уверен, что сбудется и второе».

Даже в самый тяжелый период еврейской истории, когда лисы бегали в Святой Святым, рабби Акива видел только доброе. Он увидел доказательство того, что исполненное надежды видение Захарии осуществится.

ЗНАЧЕНИЕ КОММЕНТАРИЯ РАШИ

Два вида служения, которые олицетворяют рабби Акива и рабби Ишмаэль, то есть служение праведника и служение раскаявшегося, могут быть доступны для понимания того, кто в какой-то степени уже продвинулся на пути самосовершенствования. Но «пятилетнему ребенку» (как в буквальном смысле – говоря о возрасте, когда еврейские дети начинают изучать Тору, так и в более общем – о человеке, стоящем в начале пути духовного восхождения), которому и предназначен комментарий Раши, нужно привести только часть объяснения рабби Акивы, а именно: «они видели то, что обычно слышат». Ибо начало служения, как указано в первой главе Шулхан Орух, заключается в том, что «я поставил Г-спода постоянно перед собой». Именно в стремлении сделать Б-жественное (обычно воспринимаемое интеллектуально как нечто такое, о чем «слышат») столь же реальным, как зримое, когда человек в буквальном смысле слова видит Б-га своими собственными глазами.

Но Раши не цитирует вторую часть предложения «они слышали то, что обычно видят». Поскольку каким бы реальным Б-г не виделся человеку, в начале его служения мир все еще представляется реально существующим, и физические действия – такие, как еда и питье, – вызываются физическими желаниями и не совершаются исключительно во имя небес.

Таким образом, поскольку существование физического мира все еще является для такого человека независимой реальностью, и он по-прежнему может воспринимать нечто плохое, Раши приводит комментарий рабби Ишмаэля, утверждающего, что сыны Израиля «отвечали “нет” на запрещающие заповеди».

Хотя Раши цитирует рабби Акиву в отношении того, что сыны Израиля «видели то, что обычно слышат», эта часть соответствует и мнению рабби Ишмаэля, ибо его комментарий адресован человеку, достигшему того уровня праведности, когда он может воспринимать Б-жественное. И это даже при всех ограничениях нашего, низшего из миров, который олицетворяет выражение, что он «слышит то, что обычно слышат» (то есть когда Б-жественное настолько скрыто, что подтвердить его существование можно лишь в результате усилий интеллекта). Но в начале этого пути человек должен относиться к Б-гу на уровне «он видит то, что обычно слышат» (то есть когда Б-жественное легко ощущается).

Вывод из этого комментария Раши для каждого человека такой. Когда мир воздействует на него, он должен постараться сделать свое восприятие Б-жественного присутствия столь же ясным, как зримое. Но это лишь предварительная стадия, отталкиваясь от которой ему нужно выбрать один из двух путей самосовершенствования – путь праведности рабби Ишмаэля (притягивать Б-жественное в низшие уровни этого мира), или путь раскаяния рабби Акивы (поднимать мир до самого высшего уровня ощущения Б-га, чтобы этот путь воспринимался исключительно как проявление Б-жественного). И поскольку оба эти пути являются путями Торы, то оба они истинны, и человек в своей духовной жизни должен соединить оба эти подхода.

МИШПАТИМ

Эта недельная глава начинается словами «И вот законы, которые ты разъяснишь им (буквально – «поставишь перед ними»). Конец фразы привлекал внимание многих комментаторов.

Есть несколько толкований слов «разъяснишь им», и они взаимосвязаны.

Безусловно, нуждается в разъяснении и термин «законы», на иврите – мишпатим. В Торе «мишпатим» обозначает общие правила, регулирующие отношения между людьми, то есть общее, или социальное, законодательство. Не будь они даны Всевышним, такие законы могли бы быть логически выведены самим человеком благодаря здравому смыслу.

Иной характер носят «свидетельства», на иврите – эйдот, такие, как законы Субботы и праздников: хотя они и доступны пониманию, но никогда бы не были установлены человеком самостоятельно; а также «установления», на иврите – хуким, – заповеди, в принципе не поддающиеся рациональному объяснению. Почему же тогда только «законы» выделены из всех заповедей? Отвечая на этот вопрос, Ребе исследует сложное соотношение между выполнением и пониманием Б-жественных заповедей.

ЗНАЧЕНИЕ «ПЕРЕД НИМИ»

«И вот законы, которые ты разъяснишь им» (Шмойс, 21:1). Мудрецы по-разному толковали слова «им» (буквально – «перед ними»). Согласно первому толкованию всякий правовой спор между евреями должен рассматриваться «ими», то есть в еврейском суде, где дела разбираются в соответствии с законами Торы. Такие дела нельзя отправлять на рассмотрение к нееврейским судьям, даже если их право в данном случае соответствует закону Торы.

Второе толкование говорит о том, что обучающий Торе должен ученику «показывать лицо» заповедей (основывается на слове «лифнейхем», «перед ними», дословно «перед их лицами»), то есть обосновывать установления заповедей, чтобы ученик понимал их, а не воспринимал как догму.

Третье объяснение, данное Алтер Ребе (Тора Ор, Мишпатим), говорит о том, что «перед ними» означает «обращенный к себе», (основывается на вербальной схожести слов «лифнейхем» – «перед ними» и «липнимиусам» – «обращенный к себе», к собственной внутренней основе). Таким образом, стих означает, что знание Б-га должно проникать в самую глубину еврейской души. В Иерусалимском Талмуде (трактат Авода Зара, 2:7) встречается аллюзия, соотносящая фразу «Ты разъяснишь» (тасим) со словом «сокровищница» (сима). Отсюда следует, что сокровищница Торы должна пробудить сокровищницу души – ее самые сокровенные глубины (Зогар, часть 3, 73а. Ликутей Тора, Ваикра, 5в).

ТРИ ВИДА ЗАКОНОВ

Разные толкования одних и тех же слов в Торе внутренне взаимосвязаны. В чем же связь между этими тремя объяснениями? И почему слово «им» (перед ними), как бы оно не истолковывалось, должно быть привязано к «законам»?

Тора содержит три вида заповедей: законы, свидетельства и установления (там же, комментарии к Дворим, 6:20). Установления – заповеди, недоступные нашему пониманию, мы выполняем потому, что они даны Всевышним. Свидетельства имеют разумное объяснение, но с точки зрения рассудка их необходимость неочевидна. Не установи их Всевышний, человек не дошел бы до их создания. Законы же – это такие заповеди, к которым человека привел бы разум, даже не будь они раскрыты Б-гом. Как

говорят мудрецы: «Если бы Тора не была дана, мы научились бы скромности у котов, а честности у муравьев...» (Эрувин, 100б). Почему же все-таки Тора выделяет именно законы, чтобы «разъяснить им»?

Если взять первое толкование слов «им» (перед ними), здесь все ясно. Только в сфере законов (мишпатим) еврейское и нееврейское право могут совпадать. Отсюда необходимость убеждать – именно в случае с законами, чтобы споры, относящиеся к ним, разбирались именно в еврейском суде. Что касается свидетельств и установлений, то раз они исходят только от Б-жественного откровения, подобные споры принципиально не могут рассматриваться в нееврейском суде, законы которого основываются исключительно на человеческом разуме.

Со вторым толкованием не так-то просто. Если «разъяснить им» значит, что обучать надо, объясняя, то речь скорее идет не о законах, а о свидетельствах и установлениях, трудных для понимания. Понятно, что законы должны объясняться. Но не важнее ли было бы требовать обучения свидетельствам (поддающимся объяснению, хотя и не являющимся необходимыми) и установлениям (недоступным разуму) с помощью объяснений, насколько это возможно, все же доводя их до разума?

Не все понятно и с третьим толкованием. Совсем необязательно пробуждать сокровенные глубины души, чтобы выполнять законы, верные с точки зрения разума. Но то, что надо соблюдать свидетельства и установления, одним лишь разумом не постичь. Требуется мобилизация, подъем, согласие всех духовных сил, чтобы выполнять их с чувством причастности к происходящему, а не просто по принуждению. Так что связь между законами и словами «им» (перед ними) кажется неуместной.

ДЕЙСТВИЕ И НАМЕРЕНИЕ

В Б-жественной заповеди «главное – это исполнение». Если, к примеру, человек сознательно подготовился к надеванию тфилин, но в последний момент воздержался и не надел их, заповедь не считается выполненной. Если, даже не имея правильных намерений, он все-таки надевает тфилин, заповедь считается выполненной, и человек должен сказать на нее благословение.

Однако верно и то, что Б-г хочет, чтоб каждая частичка тела и души человека участвовала в выполнении мицвы (заповеди): не только сила действий и мысли, но и эмоции, разум, воля, даже чувство наслаждения. Это относится не только к тем заповедям, что явно предусматривают ощущение и понимание (как, например, заповеди любить, бояться, знать Всевышнего и верить в Него), но и ко всем остальным, в том числе и к требующим конкретных действий. Самые глубинные сферы человеческого существа должны быть задействованы в выполнении заповеди (мицвы), особенно чувство наслаждения, чтобы человек выполнял заповедь с удовольствием и открытым сердцем (см. Рамбам, Законы лулава).

Верно это и для установлений, по определению находящихся за пределами понимания. Соблюдать их без правильного ощущения и понимания происходящего, словно у человека нет выбора, кроме как отдаться воле Б-жьей, нехорошо. И нельзя сказать: «Я не понимаю их, но у Всевышнего, наверное, были причины, чтобы дать мне подобные заповеди, и мне этого достаточно». Такое отношение нельзя назвать безусловным повиновением. Это то же, что сказать: буду соблюдать только то, что приемлемо для меня, но решать, что приемлемо для выполнения, а что нет, позволю высшему по сравнению с моим разуму. На самом деле настоящее принятие установлений

выходит за рамки рационального сознания и не ставит никаких условий, а желание служить Всевышнему ради Него Самого настолько сильно, что даже разум с готовностью откликается на голос Того, Кто стоит выше него.

В свете сказанного становится понятным трактовка мудрецов термина «установление» (Раши, Бамидбар, 19:2): «это указ передо Мной: ты не имеешь права его обсуждать». И все же она кажется несколько странной: раз «самое важное – это соблюдение», было бы естественнее сказать: «ты не имеешь права послушаться его». Однако имеется в виду, что простого физического исполнения недостаточно, и необходимо согласие разума. Требуется нечто большее, чем скрывать сомнения, и большее, чем благоразумно отступить перед мудростью Б-га. Простая вера поглощает разум, не оставляя возможности сомнению.

Вот почему установления требуют, чтобы проснулось все самое сокровенное в еврейской душе. Иначе будет оставаться место для «размышлений» и сомнений, даже если внешне еврей будет продолжать соблюдать мицвот. А так его мысли и чувства подогреваются внутренним воодушевлением. Такова связь между вторым и третьим толкованиями слов «им» (перед ними): «Духовная сила» ведет к «пониманию», к восприятию заповеди и разумом, и сердцем.

Но вопрос – почему вышеприведенные три разъяснения Тора относит к законам, а не к установлениям, что, кажется, было бы правильнее, – остается открытым. В понимании законов трудностей не возникает, и разум – без всяких духовных усилий – заставляет человека с готовностью им повиноваться.

ВЕРА И РАЗУМ

Ответ может быть найден в другом комментарии мудрецов к тому же стиху. Заметив, что эта недельная глава начинается словом «и» («И вот законы»), они сказали: «И это указывает на продолжение предыдущей темы» (Шмойс Раба; Танхума и Мехилта). Другими словами, законы, о которых говорится в нашей недельной главе, есть продолжение десяти заповедей, данных, как и они, на Синае.

Десять заповедей делятся на две категории. Первые относятся к высшим принципам единства Всевышнего. А в других закреплены простые законы общества, например: «Не убивай», «Не кради» – заповеди, назначение которых очевидно. Соединив эти крайности – основы веры и законы рассудка, Тора учит нас, что даже такие заповеди, как «Не кради», должны выполняться не только потому, что они основаны на разумном подходе к жизни, но потому, что они – воля Того, кто сказал: «Я – Б-г, Всесильный твой».

То есть когда мудрецы сказали, что слова «И вот законы...» продолжают десять заповедей, они имели в виду, что законы надо соблюдать не потому, что они разумны, а потому, что они были даны Всевышним на Синае.

Теперь становится ясным первое толкование о том, что нельзя направлять спор между евреями на рассмотрение в нееврейский суд. Даже если законы совпадают на практике, тем не менее закон, источником которого является разум, отличается от основанного на словах «Я – Бог, Всесильный твой». Решения такого суда исходят не от Торы.

Третье толкование тоже становится понятным. Даже те законы, что могли бы соблюдаться только по рациональным причинам, должны выполняться согласно

внутреннему велению души. Законы должны соблюдаться, как свидетельства и установления: не только по приказу разума, но по внутреннему зову души, который оживляет любую сферу человеческого существования.

Это же объясняет одновременно силу второго толкования и его тонкость: законам надо обучать так, чтобы ученик понимал их. И суть в том, чтобы, с одной стороны, он не относился к ним как к простому велению разума, а с другой – не думал о них, как о чем-то иррациональном. Их надо соблюдать с умом, но не из-за того, что они имеют разумное обоснование. Разум должен направляться тем, что лежит за его пределами.

Почему же человеческий разум не самодостаточен? Во-первых, потому что он не обладает силой абсолютной обязательности: «Сегодня злое начало говорит ему “делай это”, завтра оно велит делать то – до тех пор, пока однажды не приказывает идти и служить идолам» (Шабат, 105б). Описание постепенного снижения духовных стандартов, данное шестым Любавичским Ребе, говорит о том, что дурной импульс еврея не может начинаться с соблазна сделать то, что запрещено. Он куда искуснее и приказывает ему: «делай это», «делай то» – то есть заповедь (мицву), но выполняй ее потому, что твой разум и эго не возражают. Так постепенно границы стираются, и уже не исключено совершение того, что было запрещено.

Во-вторых, потому что разум, хотя и может заставить человека соблюдать законы, но не способен привести его к Б-гу. В этом и заключается разница между просто разумным действием и выполнением заповеди (мицвы). «Мицва» означает «связь»: она соединяет человека с Б-гом. Говоря о Б-жественных установлениях и законах, Тора сообщает еврею: «Он будет жить в соответствии с ними». Если человек использует все аспекты жизни – действия, эмоции, разум и духовные силы – для соблюдения заповедей (мицвот), потому что они были даны на Синае, он воссоздаст Синай: встречу человека и Всевышнего.

ТРУМА

Размышляя о себе, еврей сталкивается с парадоксом: все евреи перед Б-гом равны – у каждого есть душа, источник которой в Б-ге («И вдунул в ноздри его дыхание жизни, и человек стал существом живым»). Но каждый еврей, то есть еврейская душа, заключенная в тело, в своих проявлениях – уме, темпераменте, силе воли – имеет свои особенности, она отлична от других, и еврей призван полностью раскрыть свою индивидуальность. На этом пути все же им постоянно должна руководить жизнь души, связывающей его с Б-гом и делающей его ни больше и ни меньше других евреев. Как же увязать эти два аспекта? Как сходство человека с другими и его отличие от них совмещаются в Торе? Все эти вопросы рассматриваются в беседе Ребе.

ТРИ ВИДА ПОЖЕРТВОВАНИЙ (ТРУМЫ)

Трума – это пожертвование для благих целей, то, что израильтяне давали для постройки и поддержания святилища. Наша недельная глава, раскрывая детальный план его строительства, указывает, каковы должны быть эти приношения. Существовало три вида жертвований (трумы) (Мишна Шкалим, гл. 1).

1. Шкалим – ежегодный взнос в размере полшекеля – уплачивался за жертвы;

2. Единовременный взнос в размере полшекеля для создания опор (аданим) святилища;

3. Также единовременный взнос, срок которого истекал с окончанием строительства Храма, – обеспечение святилища материалами и покрытием.

Первый вид пожертвований сохранялся постоянно – пока существовали святилище и Храм (Рамбам, Законы Шкалим), в память о нем мы даем перед Пуримом пожертвование в размере пол-единицы сегодняшней валюты (Шулхан Орух, Орах Хаим, гл. 694). Второй и третий виды тумы были ограничены во времени сроком окончания строительства.

Почему это должно интересовать нас и сегодня? Тора вечна, и любой ее нюанс имеет то или иное отношение ко всем евреям во все времена. В особенности то, что касается деталей святилища, о котором сказано: «И построят Мне святилище, и Я буду обитать в них» (Шмойс, 25:8), то есть Всевышний будет находиться не только в самом Храме, но и в сердце каждого еврея. И даже если разрушено здание, еврей может создать святилище в душе – как духовный аналог когда-то существовавшего. И каждая деталь такой конструкции будет соотнесена с практическими указаниями, содержащимися в этой и последующих главах Торы.

ОПОРЫ И СТРОИТЕЛЬСТВО СВАТИЛИЩА

Трумат а-аданим (пожертвование для опор) являлась обязательной и была одинаковой для всех (полшекеля). Она шла на фундамент Храма. Приношение Трумат а-мишкан (поставка материалов) была добровольной, она могла выражаться в различной форме и шла непосредственно на конструкцию здания и его покрытие.

Если искать аналоги в духовной жизни еврея, приношение аданим соответствует изначальному акту Каболас Ойл – подчинению воле Б-га, когда человек отказывается от независимого существования, чтобы стать средством распространения Торы. И в этом все люди равны: особые возможности разума и эмоций в данном случае не имеют значения, в применении силы нет надобности. Необходимо лишь состояние восприимчивости. И это основа истинного служения, без нее человек всегда далек от Б-га. Если его мысли и желания образуют замкнутый круг, для откровения нет и щели.

С другой стороны, мишкан (переносной Храм) – это то, что воздвигнуто на фундаменте. Он олицетворяет веру, обеспечивает ее проникновение в разум и сердце. В этом каждый человек индивидуален, потому что интеллектуальные силы и темперамент распределяются неравномерно. То, до какой степени человек может, опираясь на достигнутое с помощью Каболас Ойл знание о существовании Б-га, его воспринять, преумножить или преобразить свои эмоции, зависит от конкретных возможностей индивидуума.

ВНУТРЕННИЕ ФОРМЫ

В каких формах осуществляется духовная работа? Аданим соответствует молитве, ибо молитва служит основой и побуждением человека к ежедневной службе Всевышнему. Мишкан же соотносится с изучением Торы и последующим действием. Силы, рождающиеся во время молитвы, в процессе изучения Торы превращаются в мысль и действие, в конце концов становясь частью материального мира. Изучение и практика составляют структуру и ее оболочку, а молитва для них – опора и источником сил.

ПАРАДОКС

Но и в аданим, и в мишкане заключен парадокс, связанный как с молитвой, так и с изучением Торы и действиями в соответствии с ней.

Тот факт, что размер пожертвования трумат а-аданим был для всех одинаков, на более глубоком уровне означает, что внутренние силы, вызываемые к действию этим видом жертвований, у всех людей равны. Такой вывод напрашивается из соотнесения этого жертвования с Каболом Ойл. Каждый человек способен одинаково склониться перед Всевышним. А если так, то почему это требование предъявляется только к мужчинам (Шмойс, 38:26,27), а женщины и дети, которые не хуже могут сделать то же, исключены? И почему только мужчинам дана заповедь о регулярной молитве (Брахот, 20а; Рамбам, Законы Криат Шма, 4:1; Шульхан Орух, Орах Хаим, гл. 70), ведь сказано, что в молитве все равны, раз каждый произносит одни и те же слова?

С другой стороны, материалы для мишкана может давать кто угодно (Шмойс, 35:22), включая женщин и детей. А мишкан символизирует изучение и практику, то есть именно те области, где важную роль играют индивидуальные особенности и где (если вообще где-либо) возможна какая-то дискриминация в вопросе об участии. Изучение и практика требуются от всех, хотя от каждого по-своему: в зависимости от ситуации кому-то приходится проводить больше времени за изучением Торы, кому-то меньше (Шульхан Орух а-Рав, Законы Талмуд Тора, 3:5); женщины учат те заповеди, которые больше относятся к ним, и освобождены от предписывающих заповедей, связанных с определенным временем выполнения, мужчины же должны выполнять все заповеди без исключения.

ОСНОВА МОЛИТВЫ И ПРАКТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ

Каболом Ойл лежит глубже, чем молитва. Его место – в простых словах признания и благодарности молитвы «Моде ани» («Благодарю Тебя, Владыка, живой и вечный, который по мудрости Своей возвратил мне душу. Велика моя вера в Тебя»), которые всякий еврей должен говорить, просыпаясь каждое утро. Собираясь молиться, мы всегда моем руки, но эти слова произносятся даже до мытья. Они исходят от глубокого признания воли Всевышнего, и насколько бы мы ни были не готовы для молитвы вообще, их всегда можем сказать.

Обращаясь к молитве позднее, мы преобразуем эту проявившуюся изначально осведомленность в то, что способны понимать и чувствовать, и, учитывая, что наши умственные и эмоциональные способности ограничены, мы должны облечь ее в слова. Но поскольку к молитве мы приступаем после акта Каболом Ойл, то все уже в равной мере находимся в состоянии покорности, и каждый должен произносить одни и те же слова молитв. Теперь мы используем собственные, индивидуальные силы, но в свете равенства наших душ.

И в случае с мишканом, символом изучения и практики, парадокс тоже разрешается сам собой. В действии нет ограничений, и в отличие от молитвы мы должны стремиться везде установить власть воли Б-га. Следовательно, она должна распространиться на все. Но каждый делает это по-своему. Возможности участия каждого человека в этом мире определяются его индивидуальным потенциалом и конкретной ситуацией. Так что ни жертвование для мишкана, ни параллельные ему действия изучения и соблюдения заповедей (мицвот) не имеют установленных границ, и их должны выполнять все.

СТРОИТЕЛЬСТВО СВАТИЛИЩА ВНУТРИ СЕБЯ

Так становится очевидным, что кажущийся анахронизм – пожертвования для опор и переносного храма, которые вроде бы не имеют отношения к сегодняшнему дню, на самом деле раскрывают, как человек должен стараться построить собственное святилище и создать таким образом место для присутствия Всевышнего.

Во-первых, следует заложить фундамент, приняв волю Б-га как свою собственную. Каждое утро, просыпаясь, он делает это, произнося молитву Моде Ани – первые слова по пробуждении. Во-вторых, необходимо превратить этот фундамент в мысли и чувства в четко установленных формах молитвы (аданим). В-третьих, человек должен осознавать связь этого фундамента со своим действием, построенным на нем. Это достигается изучением Торы, с помощью чего можно отделить действия, согласующиеся с волей Б-га, от идущих против Его воли. И наконец, он должен войти в мир действий и осуществить то, что было передано ему на предыдущих стадиях служения (мишкан). Это опора, стены и оболочка его собственного святилища, воссоздающегося вновь и вновь, изо дня в день, охватывающего всю природу человека – от самого общего до индивидуального, все, что в нем есть. Таким образом человек способен принять Б-га в самые глубины – святая святых своего существа.

ТЭЦАВЕ

Глава Тэцаве заканчивается указаниями, каким должен быть внутренний жертвенник, предназначенный для воскурения благовоний (мидраш приписывает воскурениям ряд символических значений; в Теилим, Псалмах, они сравниваются с искренней молитвой:

**«Пусть моя молитва будет как
воскурение пред Тобою»).**

Это жертвенник из чистого золота.

Мы помним: слова Торы имеют отношение к каждому еврею во все времена. Но каким может быть современное значение этого отрывка, если нет ни Храма, ни жертвенника? Чему законы, связанные с ними, могут нас научить? Оказывается, очень многому. Как учит Ребе, существуют два Храма, причем один из них не может быть уничтожен никогда. Беседа разъясняет связь одного из законов о жертвеннике с еврейской душой.

ЖЕРТВЕННИК ВИДИМЫЙ И НЕЗРИМЫЙ

В мишне раздел Моэд (трактат Хагига) завершается законом, согласно которому жертвенник из золота и жертвенник из меди не требуют ритуального погружения в воды миквы, потому что не могут стать нечистыми. Рабби Элиезер поясняет это так: они считались подобными земле, которая не может стать ритуально нечистой. Было и другое мнение мудрецов, согласно которому жертвенники не становились нечистыми благодаря тому, что покрыты металлом. Металлическое покрытие считалось вторичным по отношению к внутренней части жертвенника, сделанного из дерева шитим (акации).

Эта часть не могла стать нечистой.

Поскольку Тора является словом Б-га, который Бесконечен, она и сама бесконечна – во времени, поскольку законы ее вечны; в своем значении, ибо каждый стих имеет бесчисленные уровни интерпретации и понимания. На уровне буквального смысла (Пшат) она содержит законы и повествует о реальных событиях, на уровне намека (Ремез) – указывает на основные принципы иудаизма, на уровне толкования (Драш) – очерчивает религиозную этику еврея, а на мистическом уровне (Сод) – содержит ключи к тайнам Б-жественного опыта. Отсюда следует, что законы о жертвенниках из золота и из меди являются собой нечто большее, чем их буквальное значение. К примеру, из них можно извлечь мораль для каждого еврея, которой он может руководствоваться, когда нет ни жертвенника, ни Храма.

Повелевая Моше построить святилище, Б-г сказал: «И сделают Мне святилище, и Я буду жить в них», – то есть в душе каждого еврея. Следовательно, даже когда Храм уничтожен физически, внутренний Храм, возводимый каждым в собственной душе, сохраняется, ибо он неуничтожим. И служение, происходящее в душе, во всех деталях отражает службу в Храме и его святилище. Поэтому законы храмового служения, которые на первый взгляд сегодня неприменимы, фактически являются точными инструкциями в отношении внутренней, духовной жизни каждого еврея.

ОЧИЩЕНИЕ

В святилище использовалось много различных сосудов, и у каждого было свое назначение. Так и у еврейской души – у нее много граней и свойств. Интеллект, эмоции, воля... Возможно, служа Б-гу, человек почувствует какие-то иные побуждения, желания, далекие от святости, – иногда чисто светские, а порой даже противоречащие воле Б-га. Это свидетельство того, что какой-то из «сосудов святилища» стал нечист – нечисты стали и мысли такого человека, и он должен искать пути преодоления нечистоты, чтобы снова стать достойным служения во внутреннем святилище. Ведь внутри святилища нечистота не допускалась.

ОГОНЬ И ЖЕРТВА

Образно можно сказать, что среди евреев есть люди из меди и люди из золота – как жертвенники. Духовно богатые подобны золоту, каждый их поступок, как драгоценная монета. Те, кто беден духом, в религиозной жизни подобны медным монеткам. Но каждый еврей, какова бы ни была его внутренняя, внешняя жизнь, в глубине своего сердца сохраняет желание выполнять волю Б-га, искру веры – иногда скрытую, иногда разгорающуюся в пламя. Шестой Любавичский Ребе говорил: «Еврей не хочет, да и невозможно ему быть оторванным от Б-жественного». Там, где хранится эта искра, и есть жертвенник внутреннего Храма.

На большом жертвеннике сжигали жертвоприношения. Это могли быть животные, которых поглощал сошедший с неба огонь. Нечто подобное происходит и с евреем. Только жертвоприношением является он сам: его собственное «животное» – животная душа, эгоцентрические желания. А огонь, сжигающий их, – это огонь Б-жественной любви, неугасимым источником которого является искра святости в самой глубине души человека.

РАББИ ЭЛИЕЗЕР И МУДРЕЦЫ

Суть процитированного закона из мишны заключается в следующем. Неважно, к какому «жертвеннику» можно отнести еврея, – к золотому или медному. До тех пор пока он помнит, что по сути своей является жертвенником, на котором огонь Б-жественной любви поглощает животное его эгоистических страстей, он не может стать нечистым, так как подобен земле. Как земля, по которой ходят, символизирует скромность, так и душа наша избавляется от любого желания, кроме воли Всевышнего, выраженной в Торе. Поэтому мы говорим в молитве Шмонэ-эсрэ: «Да будет душа моя как прах перед всеми».

Таково суждение рабби Элиезера, являвшегося, как известно, олицетворением скромности. Его истинное величие было таково, что о нем сказано: «Если всех мудрецов Израиля поместить на одну чашу весов, а рабби Элиезара сына Гирканоса – на другую, он перевесил бы их всех» (Пиркей Овойс, 2: 9). Несмотря на это он никогда не считал, что обладает какими-то особыми заслугами. Талмуд сообщает: он «никогда не говорил ничего, чего не слышал бы от своих учителей» (Сукка, 27б). Живя столь богатой внутренней жизнью, он видел глубинную суть душ других евреев, то, что глубже поверхностных различий, где все люди равны в их изначальной привязанности к Б-гу и Торе. Он видел, что жизнь, которую человек ведет в соответствии с Торой, – единственная реальность для еврея. И являл собой пример того, что истинное торжество разума приходит лишь вместе со скромностью и абсолютной открытостью Б-гу.

Другие мудрецы рассуждали иначе, считая, что такой путь слишком труден, и лишь немногие могут следовать ему все время. Обращая внимание на видимые различия между евреями, они знали: человек может порой оступиться на этом пути. И те, что из «золота», могут подвергнуться гипнозу золота, а те, что из «меди», могут покрыться, словно броней, собственными с трудом заработанными средствами. И тем не менее, утверждали мудрецы, жертвенник внутри еврея не может стать нечистым, потому что всегда сокрыт. Различия между евреями, их отдельные проступки – это лишь поверхность, а скрытое за ней всегда чисто и настолько мощно, что в конце концов и поверхность очищается. Искра святости победит, и еврей вернется к правде, которую в глубинной сути своей он никогда и не утрачивал. Эта правда заключается в том, что само существование еврея может быть – и фактически является – жизнью, построенной на Торе и выполнении заповедей.

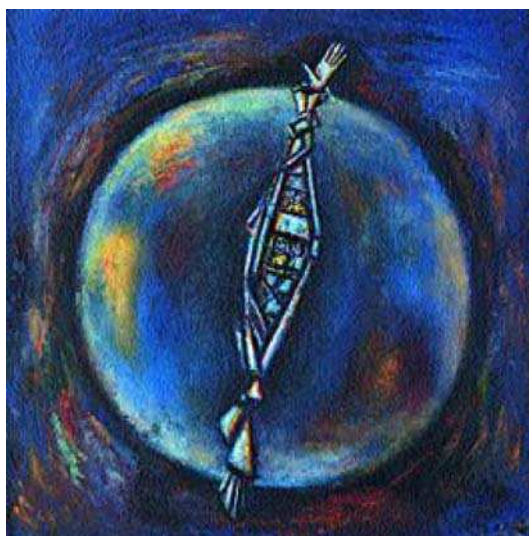
Сосуды внутреннего святилища – это емкости. Когда они чисты, чисто и служение, и емкости наполняются Б-жественными благословениями – материальными и духовными. Как сказано в Торе: «Если по установлениям Моим вы будете поступать и заповеди Мои соблюдать и исполнять их, то дам Я вам дожди вовремя, и земля даст урожай свой, и деревья полевые дадут свой плод» (Ваикра, 26:3-4).

ВНАЧАЛЕ ОН СОЗДАЛ НИЧТО

Öäè Öðèì àí

Есть поговорка:

«Мы не знаем, кто открыл воду, но, конечно, это были не рыбы!» Так же трудно представить, каким образом человечество открыло бытие или как появилась концепция «отсутствия бытия» – существования того «Ничто», из которого возникло все.

Чтобы заметить воду, надо понимать, что такое вода, быть способным опознать ее, глядя со стороны. А что требуется, чтобы понять бытие? Как может кто-то из нас быть вне бытия?

А между тем в истории о сотворении мира говорится: бытие есть, и мы «плаваем» в нем.

Мифы о возникновении нашего мира существуют у большинства народов. Они дают свои версии о том, как появились создания, в некоем мифологическом прошлом принесенные в этот мир из другого, небесного, более великого мира. То, что из большого появилось малое, легко вписывается в известное нам наше привычное мышление. Получается, что вселенная существует бесконечно во времени и пространстве. Конечно, простираясь в бесконечном, постоянно восстанавливает себя за счет собственной энергии. Возможно, это абсурдная концепция, но она опирается на более или менее понятное нам. А люди, как правило, предпочитают иметь дело с абсурдным, нежели с тем, что непознаваемо.

Однако представить себе сотворение неба и земли из пустоты – это выше возможностей человеческого ума. Как вообразить то, чего мы не знаем? Как предположить отсутствие субстанции, на которой зиждется наше воображение, отсутствие того, что стоит за глаголом «быть»? Вот почему, когда древние греки переводили Библию, они писали: «Вначале Б-г делал небо и землю». У них не нашлось слова, имевшегося у евреев, означающего «творить из ничего», потому что для них такая

концепция была немислимой и просто не существовала. Однако в глубине души всякого человека есть некое знание о том, что есть некие формы существования и за пределами видимого мира. Это просто ощущение родства с Бесконечностью. Непознаваемое внутри нас связано с Непознаваемостью космоса, и через эту связь мы на глубинном уровне нашего существа знаем все.

Знать Б ы т и е – то же, что знать весь Бесконечный мир. Как сказал Моисей своему народу: «Знайте ясно, как день, и поразмыслите над этим: на небе и за его пределами, на земле и ниже, Непознаваемое – это Б-г. Ничего другого нет».

Вечное воссоздание

Подобно всякой истории, рассказанной в Торе, история сотворения мира – процесс вечный. То же относится и к каждому созданию Б-га – духовному и физическому, большому и малому, начиная с дивного солнечного «реактора» в небесах и кончая журналом, который у вас в руках. От ощущения бумаги под вашими пальцами – до мыслей, рождающихся сейчас в мозгу, — все сущее извлекается из пустоты...

И если эта динамика хоть на миг прекратится, все существующее исчезнет бесследно, не останется ничего, подобно тому, как не было ничего до того, как все началось.

Мы – не предметы, мы – события, к тому же не очень прочные.

Сжатие бесконечности

Знать это нам необходимо, иначе мы ничего не сможем понять из книги Бытия. Бытие непрерывно помещает Бесконечного Б-га в пространство конечного мира. Книга рассказывает нам, что Бесконечный равнодушен к происходящему в конечном мире. Он имеет общение со смертными, созданными из плоти и крови. Он временно отменяет законы, которые установил Сам как параметры бытия. Он превращает себя в «Него», в персонаж Своей собственной истории – такой персонаж, с которым может общаться даже самый маленький ребенок.

Все наши трудности объясняются неясным пониманием того, что представляло собой Сотворение мира. Мы воссоздаем образ Творца по своему образу и подобию и предполагаем, что Он сделал мир, как делаются наши изобретения. Когда мы изобрели глиняную посуду, то начали с того, что замесили глину. Когда мы изобретаем какую-то новую технологию, она основана на модели, уже имеющейся в природе. И поэтому наши маленькие игрушки могут прекрасно существовать и без нас, ибо их основополагающая суть уже имела до нас, и, коли на то пошло, от нас вообще не зависела.

Но Его шедевр возникает на полотне из ничего. Он и художник, и творец материалов, и вдохновляющая идея — все в Одном. Если хоть на миг Он уберет свою кисть, картина исчезнет. Он внутри Своего творения, потому что оно – это Его дыхание, Его мысль, Его слово. Он проявляется в каждом событии, в каждом предмете, в каждой мимолетной мысли, возникающей в нашем уме. Его можно найти всюду, где Он пожелает быть найденным, потому что куда бы Он ни шел, есть только Он.

ПРЕЗИДЕНТ ИЗРАИЛЯ В МОСКВЕ

22 января в Москву с официальным визитом прибыл президент Израиля господин Моше Кацав. В истории российско-израильских отношений это первый на столь высоком уровне визит, и прибыл Моше Кацав на встречу с президентом России в сложное для Израиля время. В трудные минуты обычно приезжают разговаривать, советоваться к друзьям. Хочется надеяться, что в данном случае это тоже так.

Принимая во внимание продолжительность переговоров двух президентов и высказывания Владимира Путина о готовности России содействовать установлению мира на Ближнем Востоке, есть основания предполагать, что односторонняя проарабская позиция страны, которая имела место при советской власти, дело прошлое. При переговорах значимы не только фразы, но и каждое слово, даже жест. И фраза В.В. Путина «нам не безразлична судьба наших соотечественников в Израиле» говорит о многом. И накрытый в Кремле в честь президента Израиля кошерный стол, что очень необычно и с точки зрения дипломатии свидетельствует о добром отношении.

Утром 24 января президент Израиля Моше Кацав встретился с патриархом Алексием II, и они беседовали о судьбе израильтян, находящихся в арабском плену, и о возможном заступничестве православной церкви.

Затем кортеж президента направился в отель «Ренессанс» (бывший «Олимпик Пента»), где на четвертом этаже собрались предприниматели России, Израиля и других стран. Хотя завтрак с президентом был назначен на 12.45, уже в полдень почти все гости были в сборе. Перед входом в зал приемов сотрудники службы безопасности обеих стран демонстрировали профессионализм и решали судьбы журналистов: кого допустить поближе, а кому ограничиться лицемерием участников в кулуарах. Степенно прохаживался Аркадий Вольский, глубоким баритоном заставлявший звенеть хрусталь на подносах пробегающих официантов. Леви Леваев, как всегда уверенный, сдержанный, обсуждал с коллегами очередные текущие проблемы. Татьяна Парамонова толковала журналистам что-то про инфляцию. Бизнесмены России, Израиля, Азербайджана, Грузии, Украины проходили под аркой металлоконтроля и рассаживались за круглые столы по 6-8 человек. Ровно в 12.45 по длинному коридору пронеслось: «Приехали». Молодые люди, похожие друг на друга бритыми затылками, с динамиками радиотелефонов в ушах мгновенно рассредоточились, заняв исходные позиции.

Президент Израиля вошел в зал ровно в 13.00 и под аплодисменты гостей занял место за длинным столом на подиуме. Между ним и Аркадием Вольским находился руководитель Торговой палаты «Израиль-Россия» Леви Леваев, который и приветствовал собравшихся от имени организаторов приема. «Мы ведем здесь диалог при поддержке двух президентов, при искреннем желании укреплять двусторонние отношения. Позвольте выразить надежду, – закончил он, – что визит президента Израиля в Россию будет способствовать пробуждению экономических и торговых связей между двумя странами». И передал президенту Израиля письменное приветствие участников собрания.

Затем поднялся Моше Кацав. Поблагодарив организатора встречи Леви Леваева, поприветствовав сидящих на подиуме и в зале, он сказал: «Мой визит в Россию проходит в момент, когда отношения наших стран поднимаются на новую ступень. Мои встречи с Владимиром Путиным были конструктивны и позитивны. Рабочая встреча продолжалась более трех часов. Мы обсудили несколько тем наших двусторонних отношений, политический процесс на Ближнем Востоке, региональные проблемы, говорили об экономических и культурных отношениях между двумя странами. Президент России очень внимательно и с интересом выслушал меня. Было ясно, что этот человек очень высоко оценивает Израиль. Хочу сказать, что в Кремле сидит большой друг Израиля и этот друг – президент Путин. Уже в следующем году мы перейдем на более высокую ступень в двусторонних отношениях, и президент Путин будет этому способствовать».

«В Израиле с большим интересом следят за развитием экономических отношений в России, – продолжал он. – И я рад видеть положительные сдвиги в российской экономике, происшедшие с 1998 года. Я слышал от израильских бизнесменов, что они удовлетворены изменениями, происходящими здесь в хозяйстве и бизнесе... Экспорт в Россию из Израиля вырос в 2000 году на 35 процентов, а импорт в Израиль из России – на 56. Потенциал для сотрудничества между нашими странами очень большой. Мы можем расширять его за счет продажи продуктов питания, медицинского оборудования, в области телекоммуникаций и т.п. Думаю, 2001 год будет очень важным и

показательным. Экспорт из Израиля в прошлом году составил 28,2 млрд. долларов США. Прирост в 5 млрд. – самый большой за всю историю страны. Мы видим в бизнесе основную составляющую наших отношений, экономическая область – наиболее важная. Надеюсь, наша встреча ускорит начавшиеся процессы. Защищая свои экономические интересы, будьте посланниками доброй воли своих стран».

Спустя час кортеж президента Израиля двинулся к марьиноороцинскому общинному центру, где должна была состояться встреча с прихожанами общины.

К 15.00 часам большой зал нового центра был переполнен: тысячи евреев со всей Москвы захотели не только услышать, но и увидеть президента страны, которая им дорога. Приветствовать Моше Кацава собрались представители еврейских общин из многих городов. Как ни старались организаторы, всем мест не хватило: люди стояли в проходах, у стен и колонн, неспособные усидеть малыши сновали между ними. Все ждали.

И вот под овации появился Моше Кацав с супругой в сопровождении огромной свиты – настолько большой, что не хватило зарезервированных мест.

Программа визита президента была очень плотной. Дорожа каждой минутой, Моше Кацав сразу направился к трибуне. Он приветствовал главного раввина России Берла Лазара, председателя Торговой палаты «Израиль-Россия» Леви Леваева. В обращении к собравшимся господин Кацав в частности отметил: «Евреи России всегда были примером стойкости. И в том, что мы, представители Израиля, сегодня здесь стоим, ваша большая заслуга.

Еврейский народ существует сотни веков, тогда как некоторые народы остались только в истории. Он во многих поколениях выдержал все гонения и выстоял. И надо сказать во весь голос: произошло это благодаря тому, что мы выполняли все заповеди, придерживаясь нашей религии.

Последние сто лет после разрушения Храма оказались самыми важными для возрождения еврейского народа. В первой половине XX столетия возродилось национальное еврейское движение, захватившее весь народ. И в этот же период произошла национальная катастрофа, когда от рук фашистов погибло шесть миллионов евреев. А во второй половине века еврейский народ на глазах всего мира построил прекрасную, развитую страну. Сейчас мы пришли к удивительным достижениям во всех областях и являемся примером для многих стран мира.

Но мы все еще должны бороться за нашу жизнь, наше существование. Трудности в отношениях с палестинцами мы обязательно преодолеем и победим. Мы будем и впредь проявлять сдержанность – не от слабости или неуверенности. Эта сдержанность определена чувством ответственности, осознанием силы, желанием не разрушать мирный процесс. Мы сохраняем надежду, что палестинская администрация проявит здравый смысл, ответственность перед мировым сообществом, прекратит кровопролитие, и мирный процесс продолжится. Арабский мир никогда не победит с помощью террора».

«Израиль уже пошел на компромисс, – подчеркнул Моше Кацав, – уступил важные стратегические объекты и сделал это за столом переговоров. Перед террором же мы никогда не отступим. Я жду, что религиозные лидеры арабских стран, Ближнего Востока выступят против кровопролития. Мы выбираем мир, безопасность. Но у нас есть все средства, чтобы себя защитить».

На этой встрече Моше Кацав также подчеркнул, что президент России Владимир Путин «является большим другом еврейского народа». «Вчера в Кремле побывал главный раввин Берл Лазар, и впервые в истории там сделали кошерную кухню, вся еда была кошерная, – отметил он. – Впервые за стенами Кремля еврей надевал тфилин и молился».

Президент Израиля удовлетворен развитием отношений с Россией. «Мы обсуждали с г-ном Путиным различные темы, в том числе и темы безопасности, искусства, торговли, – рассказал он. Через десять дней после формирования нового правительства Израиля начнет работу смешанная межправительственная комиссия. Будут обсуждены пути устранения тех трудностей, что еще имеются в отношениях между нашими странами».

Моше Кацав снова заявил, что никакое правительство не отдаст Храмовую гору – самое святое место для еврейского народа, и не примет палестинских беженцев, не согласится с тем, что палестинцы называют «правом возврата». «Мы не поднимаемся на Храмовую гору по религиозным причинам, – сказал он, – и сохраним свободу вероисповедания на Храмовой горе, но не согласимся с тем, чтобы евреи лишились этой свободы в самом святом для еврейского народа месте».

«Я надеюсь увидеть, как вы присоединитесь к государству Израиль, – обратился к собравшимся Моше Кацав, – и поможете передать прекрасную страну следующим поколениям. Не бойтесь приезжать, я тоже был репатриантом, когда вернулся сразу после основания нового государства. А несколько лет назад, будучи министром транспорта Израиля, присутствовал на съезде еврейских лидеров в Майами. Одна из участниц восторгалась свободой и демократией в Америке, потому что ее сын, эмигрировавший из Индии, смог стать судьей. И я сказал, какое счастье, что мои родители поехали в Израиль, а не в США. Их сын стал министром, а теперь могу добавить – президентом.

Желаю всем, друзья, стать сильнее духом. Если бы в Израиле евреев было на миллион больше, мы бы смогли прийти к миру с арабами, с палестинцами несколько лет назад. Каждый еврей, возвращающийся в Израиль, ускоряет мирный процесс и способствует приходу мира на Ближний Восток».

Закончив выступление, президент Израиля передал подарок – прекрасную люстру для нового общинного центра.

Раввин Лазар, поблагодарив президента, выразил уверенность, что этот визит «сыграет важную роль для укрепления самосознания еврейской диаспоры в России, убедит ее в необходимости исполнять заповеди Торы, а преподнесенный нам ценный подарок добавит света всем народам России».

В завершение встречи выступил ученик еврейской школы. Трогательно прозвучали стихи на иврите в устах ребенка.

Господин Леваев преподнес Моше Кацаву фарфоровую менору.

На этом официальная часть заканчивается. Уходя из гостеприимного дома, корреспонденты замечают, что автомобили президента и сопровождающих лиц еще ждут своих пассажиров. Трудовой день президента Израиля продолжался далеко за полночь.

А. Ашкенази, Н. Есфир

ПОЧЕМУ РАВВИН КОШЕРОВАЛ КРЕМЛЕВСКУЮ КУХНЮ

51 год назад сотрудники госбезопасности арестовали дедушку раввина Ицхака Когана (Иосифа Тамарина), за тягчайшее преступление – выпечку кошерной мацы. «Тогда в Ленинграде было просто немыслимо печь мацу, — рассказывает раввин Коган. — Однако он все же пек ее для всех евреев. В канун Пейсаха арестовали дедушку и мою мать, потом их выпустили, но деда каждый день вызывали, допрашивали. И отпускали». Через три недели после очередного допроса Иосиф Тамарин прямо на улице потерял сознание и умер. «Фактически он был убит за выпечку мацы», — говорит Ицхак Коган. Спустя время он и сам почувствовал «руку» КГБ, не один год просидел с семьей в «отказе».

Тем более удивительно, что после всего этого раввин и прекрасный шойхет (резник) Коган провел воскресенье 21 января за шхитой, на бойне, делая все необходимое, чтобы мясо и птица, которые подадут президенту России, в прошлом работавшему в КГБ, были разделаны в соответствии с еврейскими диетарными законами – законами кошрута.

Президент Путин вечером 23 января ужинал с президентом Израиля Моше Кацавом, и им была подана кошерная еда: и телятина, фаршированная овощами, и жареная индейка с фруктами, и грибной суп, и красная лососевая икра (черная осетровая не является кошерной), что, без сомнения, стало беспрецедентным в российской истории. Но самое удивительное — в Кремле была обустроена – полностью – кошерная кухня, для чего пригласили целую армию раввинов. Если учесть, что меньше двадцати лет назад Кремль клеймил Израиль как государство отверженных, то это значимый жест. Даже в США, при том, что Белый Дом опекает Израиль на протяжении 50 лет, настолько широких жестов не делали, только заказывали доставку кошерных блюд для приемов израильских официальных лиц. «Это свидетельство того, какое глубокое уважение мы испытываем к еврейской культуре и иудаизму, — сказал в интервью Антон Игнатенко, сотрудник кремлевского департамента по связям с религиозными организациями. — Иудаизм и еврейская культура – неотъемлемая часть общего культурного наследия народов Российской Федерации».

Президент Путин фактически с момента избрания провозгласил, что наследие евреев, иудаизм, как и другие религии, которые подвергались гонениям в советское время, имеет безусловную ценность для России. Осенью 2000 года Владимир Путин присутствовал на открытии еврейского общинного центра и произнес краткую, но выразительную речь об этнической и религиозной терпимости. Спустя некоторое время он обедал с Натаном Щаранским, который некогда был объявлен в СССР диссидентом, а сейчас возглавляет представленную в кнессете политическую партию, выражающую интересы выходцев из Советского Союза, главным образом из России. Теперь на совместной пресс-конференции с Моше Кацавом Владимир Путин заявил, что Россия возмущена террористическими актами, от которых страдает мирное население Израиля, и добавил, что «каждый россиянин соболезнует родственникам погибших и раненых детей».

Скептики ставят под сомнение искренность Путина, аргументируя это тем, что Кремль отмахивается от отчетов, свидетельствующих о жестокости российских войск в Чечне, а милиция постоянно преследует чеченцев и представителей других народов Кавказа. Однако многие считают, что симпатия, открыто выказываемая Путиным российским евреям, и отказ от политики притеснений производят впечатление искренних, и лидеры Федерации еврейских общин в России, наиболее часто контактирующие с Кремлем, верят, что российский президент будет способствовать возрождению еврейской культуры.

«Все это происходит в России, где два года назад в одной из синагог было совершено нападение на человека, где три года назад пострадала другая синагога и шесть лет назад синагога была сожжена, — говорит раввин Берл Лазар. — Сегодня мы ощущаем значительное изменение политической атмосферы». По его словам, создание в Кремле кошерной кухни «свидетельствует о глубоком уважении» к еврейской традиции. Раввин Лазар, лично контролировавший создание кошерной кухни, сообщил, что еврейские лидеры предлагали организаторам кремлевских приемов ограничиться доставкой кошерной пищи для г-на Кацава. Но они решительно заявили, что поскольку ужин устраивает президент России, то и кошерную еду приготовят в Кремле в обычном порядке, как это сделали бы для любого другого главы иностранного государства. Возможно, там недостаточно представляли, за что берутся: создание кошерной кухни — непростое дело. Кроме запрета смешивать мясные продукты с молочными и употреблять мясо неправильно убитых животных, существует еще очень важная, принципиальная особенность: пища ни секунды не должна находиться в контакте с некошерными ингредиентами. Главным российским поварам в первую очередь пришлось позаботиться об отдельном помещении для приготовления кошерной еды. В конце концов кухню обустроили в здании, где жил еще Иван Грозный. Помещение с высоким потолком, облицованное керамической плиткой, подходило идеально. Однако его все же нужно было доводить до кошерных стандартов.

Итак, в воскресенье раввин Берл Лазар со своими помощниками отправился в Кремль, опечатал помещение и, включив паяльную лампу, они прокалили большую духовку, в которой должен был готовиться обед, чтобы уничтожить даже мельчайшие частицы некошерной пищи, когда-либо приготавливавшейся здесь. Металлические раковины и прочую кухонную утварь также прокалили либо обработали кипятком. Столовое серебро прокипятили, подготовили новые кастрюли и сковородки. Столовую посуду, побывавшую в некошерном употреблении, уже нельзя больше использовать, поэтому пришлось привезти и новую посуду. Кроме того, главному раввину России и его помощникам пришлось проинструктировать главных поваров, прочитать лекции о том, как приготовить русскую национальную пищу по кошерным законам. Затем необходимо было проследить за покупкой, доставкой продуктов и процессом приготовления блюд. В понедельник Берл Лазар рассказывал, насколько ответственно повара отнеслись к делу: ночью они звонили ему насчет кетчупа, так как не были уверены, что он кошерный, а

также масла. Поскольку на имеющемся не было знака кошерности, они даже купили новую бутылку масла «Мазола».

В воскресенье раввин Коган поехал на крупное мясоперерабатывающее предприятие на юге Москвы на шхиту и собственноручно зарезал телят и индеек, отобранных для ужина в Кремле. В понедельник и вторник еда готовилась, и вечером два президента с гостями сели за стол, подняв бокалы кошерного вина и провозгласив тосты за здоровье и процветание друг друга.

Раввин Лазар сказал, что это событие ознаменовало возрождение традиций кошерной кухни среди российских евреев. Кошерный ресторан высшего класса открылся неподалеку от Красной площади. Федерация еврейских общин начала сертификацию произведенных в России кошерных продуктов – шоколада, икры, водки – для продажи внутри страны. Новое подразделение ФЕОР будет заниматься распространением традиций кошерной кухни.

Кстати, раввин Коган, который живет в Москве и которого, как и его деда, КГБ преследовал за соблюдение кашрута в 1980-х, теперь каждую неделю отправляет по три тонны кошерного мяса с мясокомбината в другие города и разные уголки большой страны.

Ī. Āàéíñ

«New York Times»

БОЛЬШОЙ ПРАЗДНИК

В МОСКОВСКОМ ЕВРЕЙСКОМ ОБЩИННОМ ЦЕНТРЕ

Как известно, МЕОЦ был открыт относительно недавно, но там уже состоялось столько значимых и интересных событий, что и у многих москвичей, и у людей из других городов невольно возникает вопрос: «Неужели мы жили когда-то без этого еврейского Дома?» И вот 4 февраля этого года там состоялся еще один праздник, причем необычный не только в истории МЕОЦа, но и вообще в еврейской истории Москвы.

Погода в тот день, а это оказалось воскресенье, была по-зимнему сурова: мороз, ветер со снегом, трамваи ходили с перебоями, но к восемнадцати часам большой зал общинного центра был полон людей. Среди всех явно выделялись мальчики, похоже, одного возраста, в черных брюках, белых сорочках с галстуками-бабочкой. Все они выглядели торжественно счастливыми. Иные взрослые, видимо, их мамы, бабушки, дедушки, смотрели на них, и счастье светилось в их глазах.

Оказалось, что у этих мальчиков – у большей части из них уже обозначился пушок над верхней губой – особенный праздник, и их приподнятое настроение отнюдь не случайно. Сегодня им, пятидесяти молодым людям, исполнилось тринадцать лет, и в синагоге Марьиной рощи устроили праздник по случаю их бар-мицвы (бар-мицва означает «сын заповеди»). По еврейской традиции это возраст условного совершеннолетия. Отныне в соответствии с еврейским законом юноша должен исполнять все заповеди, религиозные обязанности, нести ответственность за свои поступки. В день бар-мицвы сыновей среди прочих молитв отцы произносят очень интересное благословение, благодаря Б-га за то, что Он «снял с меня ответственность за это дитя».

На возвышении, явно в самом почетном месте, стояли столы, накрытые ровно на пятьдесят персон. Почему на пятьдесят? Праздник мальчиков на этот раз совпал с очень значимой в хасидской истории датой – исполнилось 50 лет с того дня, когда седьмой Ребе Менахем-Мендл возглавил Любавичское движение всего мира. О значительности события можно судить хотя бы по тому, что на нем присутствовали и главный раввин России Берл Лазар, и президент ФЕОР, народный артист РФ Михаил

Глуз, и полномочный министр посольства государства Израиль в Москве Александра Сери, и многие другие официальные лица.

В выступлениях, открывающих торжество, отмечалось, что будущее общины – молодежь, и сегодняшние дети должны знать: эта синагога, этот центр открыт для них, для их родителей всегда.

Собравшихся тепло поздравил раввин Берл Лазар, подчеркнув и на этом торжестве: он верит, что у нас в России есть еврейское будущее, и Общинный центр в Марьиной роще будет делать все для того, чтобы оно было как можно светлее.

Еще до начала торжеств мы успели побеседовать с виновниками торжества и их родителями. Вот что сказал дедушка Миши К.: «После чудес, которые я наблюдаю в последнее время здесь, в еврейском центре в Марьиной роще, и после того, что мы видим в этот день, неужели еще могут быть сомнения, что Всевышний с нами? Это Он дает силы раввину Берлу Лазару творить невозможное. Еще шесть лет назад, отводя внука в школу, я не представлял себе, что своими глазами увижу такой праздник...»

Касриэль Борейкис: «Я приехал учиться в ешиву из Вильнюса. Мне кажется, о здешней ешиве знают во всем мире. Родители мои разных национальностей. Мама – еврейка, папа – поляк. Галахически я – еврей и по самоощущению – однозначно. Что знаю о сегодняшнем празднике? Пожалуй, все, что положено знать в моем возрасте. С сегодняшнего дня я уже взрослый человек. И буду жить так, как положено еврею».

Довид Казакевич: «Я приехал в здешнюю ешиву из Израиля. Мой раввин рекомендовал поступить именно сюда. Я счастлив, что связал жизнь с верой».

Эли Долинер, генеральный директор фирмы «Водокомфорт», отец одного из участников праздника: «Мой сын подготовлен к сегодняшнему дню давно. Он бывал в лагере при общине Марьиной рощи, да и мы дома готовили его. В нашей семье чтили и соблюдали еврейские обычаи, дома даже пекли мацу, хотя когда-то это было небезопасно. Корни мои из Меджибожа, с того самого местечка, где родился великий Баал-Шем-Тов...

В будущем евреев в России я уверен. Посмотрите на этот праздник! Разве могут оставаться сомнения?!»

И я, пишущий эти строки, уверен, что такой праздник останется навсегда в сердцах и памяти тех, кто в тот вечер оказался в МЕОЦе.

№ Еврейск:

Израиль Ройтман – солдат разведки

Февраль для нас, людей старшего поколения, ассоциируется с праздником, который некогда назывался Днем Советской армии и Военно-морского флота. Нет сегодня той армии, а раз так, то какой уж праздник? Но люди, причастные к нему, все же заслуживают и уважения, и чести. В Москве еще, к счастью, осталось в живых немало евреев-участников Великой Отечественной. Есть среди них бывшие офицеры, даже генералы, есть и удостоенные звания Героя, и просто солдаты, но какие!

Человек, о котором я хочу рассказать, не дослужился до офицера, не удостоен звания Героя, но в фильме «Все мы родом из войны» (режиссер В. Раменский), выпущенном московской киностудией документальных фильмов в 1996 году, наряду с Героями Советского Союза Дыскиным, Марьяновским рассказывается и о нем – Израиле Абрамовиче Ройтмане. И конечно, не случайно: судьба его не так уж обыкновенна.

На фронт он пошел в феврале 1942-го прямо со школьной скамьи, не дожидаясь, когда исполнится восемнадцать. Учился в московской школе № 559, рос в интеллигентной столичной семье. И, конечно, на фронт он, как и другие его соученики, пошел добровольцем. В допризывном возрасте это было не так просто. Понадобилась поддержка директора школы Н.Ф. Ивановой и Москворецкого РК ВЛКСМ.

В фильме рассказ о Ройтмане начинается словами: «Ему было так же тяжело, как всем, может даже чуть-чуть тяжелее». А дело в том, что он едва ли не сразу попал в разведку. Закончил войну в отрядах СМЕРШа («Смерть шпионам»). После войны, получив как доброволец справку об окончании школы, Израиль Ройтман поступил в Московский педагогический институт.

Еще будучи студентом, он познакомился с Полиной Вальтер, красивой девушкой, способной студенткой математического факультета, вскоре ставшей его женой. Позже Полина Борисовна стала в Москве ведущим учителем математики, одна из первых была удостоена звания заслуженного учителя РСФСР, что в те годы, для еврейки тем более, было наивысшим признанием. А Израиль Абрамович, защитив диссертацию, стал

кандидатом педагогических наук. Долгие годы он преподавал в Московском институте тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова, стал профессором, написал более восьмидесяти учебников и учебных пособий... И все же мирная, полная событий жизнь не вытеснила память о войне.

Я спросил его: приходилось ли иметь дело с антисемитизмом в военные годы? Вот что он рассказал:

– С самого начала я попал в 830-й полк. Моим командиром оказался капитан – не хочу называть его фамилию, хотя в живых его нет, – который откровенно издевался надо мной. Когда прекращался обстрел, он, выходя курить, звал меня: «Эй, сопляк Ройтман, иди сюда. Вон те цветы, которые на нейтральной полосе, видишь? Ну-ка срежь и принеси их сюда».

Я испугался, не решился. А капитан за моей спиной сказал кому-то: «И без этого еврейчика обойдемся».

Однажды в нашем полку появился начальник разведки дивизии капитан Баранов, он и предложил пойти к ним. Я без раздумий согласился: во-первых, хотел уйти от своего капитана, а, во-вторых, в самом слове «разведка» для меня тогда было что-то романтическое. Уже на первом задании я вкусил всю «романтику» этой военной профессии. До сих пор помню страх и ужас того дня.

Израиль и Полина Ройтманы.

Я написал немало воспоминаний о войне. Самое страшное, что произошло со мной за те годы – это превращение болезненного мальчишки из московской интеллигентной семьи в озверевшего человека.

Во время беседы со студентами меня спросили: «Скажите, вы тоже убивали людей?!» Что я мог ответить? Оставалось только горько улыбнуться.

Сегодня Израилю Абрамовичу 76-й год. Несмотря на плохое здоровье он активно работает в Союзе евреев, инвалидов и ветеранов Великой Отечественной войны, продолжает писать книги. На мой вопрос об антисемитизме после войны Ройтман ответил:

– О годах «борьбы с космополитизмом» говорить не буду. На работе ни со стороны профессорско-преподавательского состава, ни студентов антисемитизма я не ощущал. Только в конце 80-х, когда над самой Москвой нависла тень погромов, мне впервые стало по-настоящему страшно, нет, не за себя – за сына, за внуков.

– И что же? – спросил я.

– Решил создать еврейский отряд самообороны. Со своим предложением пошел в синагогу. Оттуда меня направили к Юрию Соколу – он тогда считался «главным» евреем Москвы...

Надо ли говорить, что из этой затеи ничего не вышло? Уверенность же в том, что евреи должны уметь постоять за себя, и поныне живет в Израиле Абрамовиче.

– Я не хочу и не могу, живя в Москве, давать советы руководителям Израиля, которые сталкиваются с терроризмом повседневно, – говорит он, – но до сих пор уверен, что с террористами можно разговаривать только на их языке.

È. Νείτάρητê

Юрий Штерн – «русский Израиль» будет доминировать

Кто сегодня не знает о Юрии Штерне – заметной фигуре в израильской политике. А родом он из Москвы. Как политик он отражает чаянья и взгляды не только «русской улицы» в Израиле, но пользуется уважением и у определенной части израильской интеллигенции. Это естественно: он из интеллигентной семьи, хорошо образован (окончил Московский институт электронного машиностроения), кандидат экономических наук. Вот что он сам о себе рассказывает:

«Я родился в в 1949 году в особенном месте Москвы – в Малом Кисельном переулке. Кто читал Булгакова, знает об этих местах. Известны они и тем, что здесь обосновалась все «гэбэ» – Большой Кисельный, Лубянка... В конце Кисельного тупика размещался особняк Ягоды.

В 1966 году я поступал в МГУ. Тогда, на закате оттепели, антисемитизм был вполне умеренным. Да и подготовлен я был, как мне кажется, неплохо: 149-я математическая школа в центре Москвы, где я учился, славилась своими математическими традициями. Поступал я на мехмат, по математике получил девять баллов, а за сочинение – три. Среди абитуриентов евреев было несметное количество. Я набрал полупроходной балл, таких среди нашей «братии» оказалось немало, так что далее уже роль играла фамилия. То есть тогда «выгоднее» было быть Ивановым.

Итак, в МГУ я не поступил. Забрал документы, отнес их в МИЭМ на факультет экономической кибернетики. Тогда это звучало как «путешествие на Марс». Я даже обрадовался своему непоступлению в МГУ, но радость оказалась преждевременной – в МИЭМ мне тоже отказали, на этот раз по состоянию здоровья: в 16 лет я попал под трамвай и оказался без пальцев на одной ноге, то есть стал невоеннообязанным. Это и послужило формальным поводом для отказа... Но не тут-то было! Моя мама затеяла переписку с министерством образования и добилась своего – я стал студентом МИЭМа.

Отец мой родился в местечке Полонное. Там же, как известно, родился Микунис, долгие годы возглавлявший компартию Израиля, и поэт Перец Маркиш – с ним дружил мой дед. Микунис уехал в Израиль, Маркиша расстреляли в 1952 году в Москве. Мой дед умер в Полонном в 1934-м. В молодости он был большевиком, продовольственным комиссаром в Шепитовке в то время, когда там строилась железная дорога и происходили события, так хорошо описанные Николаем Островским. Семья отца восходит к знатному хасидскому роду. Я один из потомков рабби Пинхаса из Кореца, ученика Баал-Шем-Това. В Москву отец приехал в 1937-м.

Дед мой по маме, Иосиф Бенционович Каминский, был в Москве одним из руководителей подпольной сионистской организации. Арестован в 34-м, расстрелян в 38-м. Среди его помощников был Хаим Кугель, брат известного театроведа. Бабушка по отцу была «бундисткой» (состояла в Бунде. – М.М.). В советское время преподавала математику и русский язык. У них в доме говорили по-русски».

Слушая Юрия Штерна, еще раз поражаешься, насколько неисповедимы пути Г-сподни: потомок раввина Пинхаса из подольского местечка, внук двух революционеров и сиониста избрал Израиль своей судьбой и стал там видной политической фигурой!

В Кнессет он избирался дважды. И бывший премьер-министр Израиля Ицхак Шамир в беседе со мной перечисляя имена способных политиков с «русской улицы» – Щаранского, Либермана, Эдельштейна, – назвал и Юрия Штерна, который, по его мнению, имеет «правильные взгляды».

Интересен взгляд Штерна на возникновение экономического чуда Израиля.

– В самом создании Израиля как государства необходимым, решающим, на мой взгляд, был тот факт, что этим большей частью занимались русские евреи. Российским евреям свойственна некая оптическая ошибка взгляда. Привыкшие к имперским просторам, они не могут смириться с тем, что нынешняя граница здесь всего 25-26 тысяч квадратных километров, и Иордан – не Волга-матушка, а «речка-воночка», которую в Союзе уже давно бы упрятали в трубы, и леса наши далеки от брянских... Я считаю, именно в силу того, что российские евреи до конца не поверили в миниатюрность и отдаленность Израиля от всего на свете и в своем сознании видели это крупней и глобальней, и действовали соответственно, это и становится не таким маленьким и не таким отдаленным. С такой страной уже нельзя не считаться.

М.М. – Бытует мнение, что экономика Израиля, достижения страны в значительной мере зависят от «вливаний» из США, богатых еврейских общин и филантропов. Так ли это?

Ю.Ш. – Абсолютно не так! Экономика Израиля, в особенности за последние тридцать лет, основана на собственном потенциале. Американская экономическая помощь составляет 1 процент нашего национального дохода.

М.М. – Тогда на чем базируются успехи израильской экономики, чудеса последних десяти лет?

Ю.Ш. – Заметные успехи последнего десятилетия, особенно в области технологий и строительства, в значительной мере следствие большой алии этих лет. «Русская улица», как бы не говорили о ней, создала это чудо.

Есть такая шутка: «Чего только нет в Израиле: и природных ресурсов нет, и воды пресной, и земли, пригодной для сельского хозяйства, и мира нет, а все остальное есть, поэтому мы так хорошо живем». Действительно, трудно понять, как страна, не имеющая сельскохозяйственных угодий, экспортирует продукты. Не имеющая ресурсов экспортирует промышленные товары. Ответ простой: жизнь, обстоятельства заставили израильтян сделать то, что они сделали, то есть проявили предельную концентрацию национальной воли и добились невозможного.

М.М. – Получается что-то вроде японского чуда?

Ю.Ш. – Не то чтобы так, и не то чтобы не так. Япония была промышленно развитой страной уже в XIX веке, иначе бы исход русско-японской войны был совсем другим.

М.М. – Да и «географическая» участь Японии иная. Вокруг моря, океаны, а Израиль окружают пустыни и враги. И тем не менее...

Ю.Ш. – Япония была разгромлена в годы второй мировой войны, после чего пришлось восстанавливать промышленность, но согласитесь, восстанавливать и строить заново – не одно и то же. Надо учесть и то, что среди евреев второй половины XIX – начала XX века, то есть среди первых колонистов, заселявших тогда еще Палестину, людей «продуктивных» профессий было немного. Но здесь они словно переродились.

М.М. – И делали сказку былью, как поется в известной советской песне. Израиль одержал блистательную победу в Шестидневной войне. Какую роль сыграла авиация!

Ю.Ш. – Эта победа была для нас не только моральной, она проложила путь к новой экономике. Всем известно, что Франция объявила Израилю в те дни бойкот, и, окажись война более продолжительной, трудно сказать, как бы складывались события. Запчасти к самолетам, другому военному оборудованию заканчивались, а нового не поступало. Это стало для нас уроком: Израилю необходим свой военно-промышленный комплекс. А его развитие неминуемо влечет рост промышленного потенциала в целом. Так начался новый экономический рост страны.

Мастерские, мелкие заводики вырастали, преобразовывались в промышленные предприятия. Разумеется, появились инвестиции. Победа в Шестидневной войне пробудила чувство национальной гордости у евреев всего мира, и у всех, бедных и богатых, возникло желание помочь своей стране. Словом, в конце 60-х – начале 70-х по сути произошла индустриальная революция.

М.М. – В какой мере вы связываете будущее мирового еврейства с Израилем?

Ю.Ш. – Я думаю, что евреи как иудеи, то есть представители своей религии, могут, наверное, существовать вечно и без государства Израиль. Но евреи как народ в современном мире, большая часть которого светская, без Израиля просто обречены на исчезновение.

М.М. – В последнее время гражданами Израиля стало большое количество приехавших из России, среди них много неевреев. Как вы считаете, не повлечет ли это за собой ассимиляцию евреев в Израиле?

Ю.Ш. — В принципе нет. Но есть другая проблема, вернее две. Общество наше должно научиться полноценной интеграции всех приезжающих. Кроме того, надо найти простой, не коверкающий психологию, не унижающий человека способ интеграции «частичных» евреев в еврейский народ. И стандартный путь – это гиюр. Я считаю, он наиболее правильный.

Для евреев этнический момент всегда был второстепенным по сравнению с религиозным. И конечно, наша страна стремится защититься от въезда никак не связанных с Израилем людей, для которых эмиграция из России совершается по принципу «лишь бы куда».

М.М. – Огромно количество пожилых людей из России, где пенсионеру сейчас очень трудно просуществовать, Израиль спасает от унижений и нищеты. Чем продиктован такой гуманизм государства, ведь в стране нет лишних средств?

Ю.Ш. – Ничем не продиктован, кроме нормального социального законодательства. Если каждый еврей имеет право на репатриацию в Израиль, то это не должно быть ограничено возрастом, состоянием здоровья. Это безоговорочное право, и, соответственно, государство берет на себя заботу об этих людях. В итоге алия, конечно, по возрасту старше среднеизраильского, но намного моложе средне-советско-еврейского. То есть, демографический состав алии сдвинут в пользу более молодых групп по отношению к среднестатистическому возрасту еврейского населения России или Украины.

М.М. – Если говорить о диаспоре, то в ее истории немногие евреи были видными политическими деятелями. Первым в этом списке, наверное, следует назвать лорда Дизраэли, отца-создателя Британской империи.

Ю.Ш. – Во первых, Дизраэли был выкрест, и считать его евреем с еврейской точки зрения можно лишь условно. Но действительно, после изгнания из Эрец-Исраэль, Дизраэли был первым премьер-министром в истории нашего народа.

М.М. – Ну, а позже были Леон Блюм и Мендес Франс во Франции. А вот в Израиле все премьер-министры евреи. Причем многие родом из России, и это естественно, ибо именно русские и польские евреи стали основой возрожденного Израиля. И сегодня евреи «русской улицы» составляют значительную часть израильского населения. Допускаете ли вы, что «русский еврей» в обозримом будущем станет премьер-министром Израиля?

Ю.Ш. – В обозримом – сомневаюсь, а вообще может быть.

М.М. – То есть среди современных молодых политиков родом из России вы ни в ком не усматриваете премьер-министра?

Ю.Ш. – Вопрос гипотетический. Как вы догадываетесь, я не буду это утверждать...

М.М. – А как вы относитесь к размаху еврейского движения в современной России? Нужно ли столько еврейских организаций?

Ю.Ш. – Я считаю, это очень нужно. Есть ли будущее у евреев в России, не знаю, потому что будущее самой России непонятно.

Надо учесть, что национальный еврейский организм страны подорван двумя страшными процессами: добровольно-принудительной эмансипацией при советской власти, исподволь и продуманно истреблявшей духовное начало нашего народа, и эмиграцией, вытянувшей жизненные соки советского еврейства. С этой точки зрения уникальная самоорганизация, свойственная евреям, помогла им выжить во всех жизненных перипетиях. Этому, разумеется, способствовала иудейская традиция. Еврей должен молиться в миньяне – когда собирается не менее десяти человек, а это уже своего рода организация. То есть наша вера, как никакая другая, предопределяла концентрацию и организованность евреев где бы они не жили. А раз возникала община, пусть самая малая, должен быть председатель, синагога, а в ней староста: кто-то должен осуществлять социальные связи...

М.М. – Вернемся к политике Израиля. Судя по прессе, победа Шарона на предстоящих выборах предопределена?

Ю.Ш. – Только чудо может что-то изменить в пользу Барака, так как сегодня рейтинговое соотношение 1:2 в пользу Шарона. Но в политике, как вы знаете, возможны и чудеса, и случайности. Могу лишь сказать, что наша партия во главе с г-ном Либерманом полностью отошла от Барака, от его губительной для Израиля его политики. Она может обернуться катастрофой для будущего страны.

М.М. – Меня давно интересует вопрос: что происходит в Израиле – политизация иудаизма или иудаизация политики?

Ю.Ш. – Не только в Израиле, в любой западной стране, где религия сильна, существуют религиозные партии: христианско-демократическая партия в Германии, христианская партия в Италии, в Польше католические партии играют огромную роль. В протестантских странах это слабее, чем у католиков. Как видите, связь религии с политикой — традиция не только еврейская. Другое дело, что с момента эмансипации евреев возник процесс превращения внутриеврейской политики в часть общенациональной политики стран, где они проживали. Началось это со времен великой французской революции.

В Израиле же одна из старейших еврейских партий «Агудат Исроэль» сегодня уступила место ШАСу. Но она до сих пор имеет представителей в Кнессете, в настоящее время — пять депутатов. Есть в Израиле и ультра-религиозные правые партии, возникшие вне сионизма, задолго до создания государства Израиль.

М.М. – Как вы относитесь к принципу: «Если человек не иудей, то он не может считать себя евреем»?

Ю.Ш. — Во-первых, в еврейском языке нет отдельных слов «иудей» и «еврей». Есть одно слово. Это очень важно. Поэтому на иврите такая фраза вообще невозможна.

Разделение понятий «еврей» и «иудей» носит характер лингвистический, а не этнический или религиозный. Поэтому в царской России в графе «вероисповедание» писали «еврей». Например, караимы до реформы, которой добился Абрам Феркович, назывались «еврей-караимы», бухарские евреи — «бухарские евреи», горские — «горские евреи».

М.М. — А таты?

Ю.Ш. — Какие таты? Это слово выдумала советская власть, чтобы не было горских евреев. Никто не знал, что это такое. У меня были друзья, которым к имеющемуся «тат» в паспорте дописывали «арин», думая, что это недописанное «татарин». Идентичный пример. Мой сокурсник Степа Пальчиков — человек с «дважды еврейским» орлиным носом — был представителем редкого племени удин. Это малая нация Ирана, христианская, в океане мусульман их осталось две деревни. Поскольку слова «удин» никто не знал, ему дописывали «и»: думали, он «иудин». В таких случаях, опыт показывает, люди становятся или антисемитами, или юдофилами. Степа Пальчиков был юдофил, дружил только с евреями.

М.М. — Тема увела нас от политической ситуации в Израиле. Все больше разговоров идет о «захвате» власти в стране русскими.

Ю.Ш. — Что имеется в виду? Почта, телефон, телеграф?

М.М. — Что если «русские партии» объединятся, хотя думаю, это им не «грозит», то может возникнуть коалиция не слабее Ликуда или Херута.

Ю.Ш. — Я считаю, что «русский Израиль», усиливаясь, будет все больше доминировать в израильской жизни, экономической и культурной. Но при условии: если прекратится нынешняя капитулянтская политика, которую ведет Барак. На мой взгляд, она ведет к отчуждению русских евреев от Израиля. Они не способны в большинстве своем это принять. Стоило ли вести им такую борьбу в конце 60-х — начале 70-х за право оказаться в стране, которая сама себя раздаёт, самоликвидируется? Выясняется, что сражаться не за что: зачем умирать ради Иерусалима, ради Храмовой горы, если их могут отдать арабам без боя? Зачем вообще оставаться в арабской стране? Я не вижу в Израиле будущего для русских евреев при такой продолжительной борьбе за мир.

М.М. — Я беседовал со многими представителями русской интеллигенции в Израиле и должен заметить: в большинстве они поддерживают политику Барака и не понимают, в чем его винят. Героя и патриота страны, неужели его не волнует судьба Израиля?

Ю.Ш. — Статистика говорит, что из «русских» Барака поддерживают не более 20 процентов. Его мирная идеология вся укладывается в один армянский анекдот.

А анекдот такой. У армянского радио спросили, будет ли третья мировая война. Оно ответило: Не будет, но борьба за мир продлится до тех пор, пока камня на камне не останется».

È òèèè È àò àííá

«Здесь очень интересно» (репортаж с юбилея еврейского молодежного клуба)

21 января 2001 года в актовом зале московской еврейской школы на Мясницкой, 40, состоялся юбилейный вечер молодежного клуба при Московском еврейском общинном центре (МЕОЦ), которому исполнилось пять лет. Руководитель клуба Юрий Ваганов приветствовал и завсегдатаев, и пришедших впервые.

Традиционные задания перемежались шуточными выступлениями, поздравлениями и конкурсами, посвященными первому юбилею клуба. Литературные викторины чередовались с музыкальными (к примеру, по нескольким нотам надо было определить классическое произведение, из которого взят музыкальный отрывок). Все собравшиеся, а их было больше ста, разбились на небольшие команды, которые успешно справлялись даже с очень сложными заданиями. Литературные пародии и шаржи на старейших членов клуба вызвали общее оживление и аплодисменты. Настроение было приподнятое, а обстановка самая непринужденная.

Перед собравшимися выступил директор Московского еврейского общинного центра р. Мордехай Вайсберг. «Сегодня мы празднуем пятилетие молодежного клуба. Это добрый знак, – сказал он. – По еврейскому обычаю, когда ребенку исполняется пять лет, он может начинать обучение. Вы подошли к такому периоду, и это очень важно». Затем он вручил книги Любавичского Ребе и представил членам клуба нового сотрудника, Михаэля – нового директора культурной программы общинного центра, сообщил, что Пурим в этом году члены клуба отметят в новом здании общинного центра в Марьиной роще.

Молодежный клуб – место общения. Здесь собирается еврейская молодежь Москвы, студенты вузов, общаются, познают новое, свидетельствуя тем самым, что еврейская жизнь в столице продолжается.

А теперь по традиции несколько интервью с участниками вечера:

Дмитрий Гуськов, администратор молодежного отдела ФЕОР:

Меня сюда привели знакомые около трех лет назад. В клубе много интересных людей. Впервые я сам ощутил, что такое национальная общность. На встречах бывает много конкурсов на еврейскую тему. Они помогают нам узнавать, изучать историю нашего народа. Еврейские праздники мы отмечаем вместе. Здесь весело и интересно.

Аркадий Ривкин, старейшина клуба:

Я преподаю каратэ еврейским детям. В клубе уже пять лет, с момента его основания. С Юрием Вагановым, Отари Поладовым, Леонидом Тепловым мы были знакомы еще задолго до создания клуба. Что больше всего запомнилось за пять лет? Наши праздники. На трехлети клубе было очень много народа, получилось отличное торжество, и тогда я подумал: мы не только познакомились, но и сроднились.

В прессе я часто встречаю статьи о том, что у евреев в России нет будущего. Если судить по работе нашего клуба, это не так. И антисемитизм мне не страшен, и я хочу, чтобы наши ребята, как и я, умели за себя постоять, поэтому преподаю каратэ в школе Куравского и в других школах.

Михаил Грингроз, экономист:

В клубе я с момента его создания. Сначала вместе с Юрием Вагановым вел конкурсы, а позже перешел игроком в команду. Сегодня моя команда пока проигрывает. Но игра есть игра. Ждем конкурсов на историческую еврейскую тему. Думаю, тогда мы возьмем реванш.

Лена Эрлихман:

Я в клубе чуть меньше пяти лет, привел Леня Теплов, один из его основателей. Меня привлекает общение, еврейское общение. Уезжать не собираюсь, мне и здесь хорошо.

Марина:

Я здесь третий раз. Привел меня мой друг Александр, который в клубе уже третий год. прекрасная обстановка, друзья, есть возможность проявить эрудицию – вообще интересно!

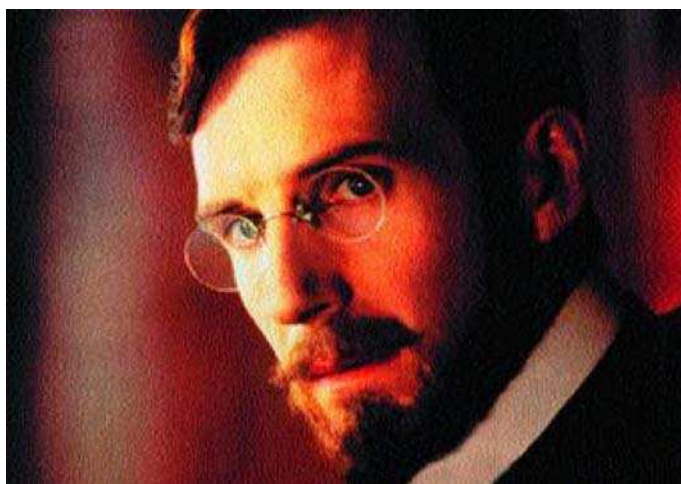

Ààèèì à Èàçèì èðíàì

ЖАЖДА ЖИЗНИ

Àdààì Ífèèí

В ограниченный московский прокат вышел последний фильм классика европейского авторского кино Иштвана Сабо «Вкус солнечного света». Режиссер, получивший мировое признание как автор кинотрилогии «Мефисто», «Полковник Редль» и «Хануссен», позволил себе роскошь снять эпопею о трагедии трех поколений еврейской семьи в Венгрии. Фильм получился болезненно-личным, пронзительным, горьким и оптимистическим одновременно. Судите сами.

Во второй половине XIX века сын местечкового винокура Эммануэль Зонненшайн обосновывается в Будапеште. У него неплохо идут дела, а секрет его успеха – рецепт старинного вина «Солнечный свет», которое хорошо раскупается, что позволяет довольно быстро разбогатеть. Новый XX век благополучный и заметно постаревший Зонненшайн встречает в кругу семьи: жены Розы, сыновей Игнаца и Густава, кузины Валери. Игнацу не позавидуешь: либеральная австро-венгерская монархия позволяет евреям продвигаться по социальной лестнице только до определенной черты. Так, перед ставшим судьей Игнацем возникает проблема с его еврейской фамилией, и вместе с женой Валери они решают ее сменить и выбирают фамилию Шорш, что по-венгерски означает «судьба».

Образы трех представителей семьи Шорш последовательно, в каждом из трех ее поколений воплотил на экране актер-ирландец Ральф Файнс. Ему изумительно удаются тонкие, мятущиеся, противоречивые, надломленные жизнью персонажи (вспомним роли нациста Амана Гета в «Списке Шиндлера» или графа Алмаши в «Английском пациенте»). Однако конформиста Игнаца, – венгра Моисеева закона – убежденного монархиста, Файнс представляет сухим, жестким человеком, и это соответствует замыслу режиссера. Преданный родине, императору и черствый по отношению к собственной семье – жене, кстати не всегда хранящей ему верность, и двум сыновьям – Иштвану и Адаму.

Вторая роль Ральфа Файнса – Адам Шорш, амбициозный, нацеленный на успех любой ценой. Его личность формировалась в 20-е годы, когда у власти в Венгрии стояли националистически настроенные военные. Униженный в детстве сверстниками-антисемитами, Адам серьезно занялся аристократическим видом спорта – фехтованием. Но даже обнаружив большой талант, ассимилированный еврей не может свободно

реализовать его в резко антиеврейской атмосфере тогдашней Венгрии. Правда, Адаму Шоршу предлагают вступить в армейский фехтовальный клуб. И что же, что он закрыт для евреев? Если Адам примет христианство...

Окропленный «святой водой», Адам дважды подряд выигрывает чемпионат Венгрии и попадает в состав олимпийской сборной на Игры 1936 года в Берлине. Режиссер показывает, как переполненный нацистами в черной форме зал устраивает овацию победителю – выкресту Адаму Шоршу. Затем мы видим черно-белые кадры, стилизованные под хронику, триумфальной встречи спортсменов-победителей в Будапеште, где Адам выступает с проникновенной речью «истинного патриота» Венгрии. Впрочем, его жена – такая же новообращенная католичка Хана, шутливо замечает: «Адам, когда ты говоришь о патриотизме, в этом есть что-то неестественное».

В этой связи вспоминается венгерский поэт Миклош Радноти, порвавший с иудаизмом: «Я не чувствую себя евреем. С еврейской религией у меня ничего общего нет, в формирующую дух силы расы и т.п. я, если и верю, то чуть-чуть, а скорее вообще не верю. Трудно объяснить, и станет еще труднее, когда я добавлю: если есть у меня вообще какая-то связь с религией, то – с католицизмом». Признание Радноти точно передает духовное состояние второго поколения ассимилированных венгерских евреев, к которому принадлежит и Адам Шорш.

Но вот наступает эпоха расового антисемитизма, когда свидетельство о крещении уже не может служить «индульгенцией». Ни олимпийское золото, ни благосклонность военных – ничто не идет в расчет, когда нацисты оккупируют Венгрию, и Адам Шорш с сыном Иваном оказываются в так называемых «рабочих батальонах», которые часто становились передвижными лагерями смерти.

Иштван Сабо не щадит зрителей, показывая убийство Адама Шорша. Венгерские лагерные охранники превращают его в ледяной столб. Камера крупным планом выхватывает глаза обреченного, из которых уходит жизнь, и его помертвевшие, синие-белые губы... Адама убили как еврея, но умер он, сознавая себя не евреем. Последние его слова, прошептанные в лицо палачам: «Я – Адам Шорш, офицер венгерской армии, чемпион Олимпиады». Сцена казни этого героя ассоциативно напоминает полотно «Распятие» нидерландского художника Рогира ван дер Вейдена. И в фильме, и на картине смерть кажется страшным итогом жизни, кипящей страстями, исполненной разочарований.

Сын Адама Иван, уцелевший в Катастрофе, смотрит на мир красивыми печальными глазами Ральфа Файнса, на этот раз сыгравшего исполненного страха, рефлексующего молодого человека. И все же он одержим жаждой мщения и самоутверждения. Это приводит Ивана в компартию, и он становится сотрудником тайной полиции: проводит обыски, допросы, на митингах иступленно благодарит «товарища Сталина» за возможность жить в социалистической Венгрии.

В начале 1950-х в Венгрии повсюду ищут и «разоблачают» «сионистских шпионов». Генерал госбезопасности шипит в лицо Ивану: «Везде на теплых местах – евреи. Из Аушвица жидов вернулось больше, чем их туда отправили». Следующий кадр: Ивана тошнит в уборной...

Иштван Сабо проводит своих героев через три тоталитарные системы: монархию, нацизм, коммунизм. Любая диктатура покушается на личность, заставляя человека подчиниться чужой воле. Дед и отец Ивана пытались приспособиться, но что из этого вышло? Иван сворачивает с проторенного ими пути: он уходит из полиции, не желая пытаться бывших товарищей.

Режиссер, показав Ивана Шорша фанатичным коммунистом, затем все же дает своему герою шанс раскаяться и исправить ошибки. В 1956 году это уже зрелая, многое осознавшая личность, активный участник народного антикоммунистического восстания. Но восстание подавлено, и герой отбывает три года в тюрьме. То ли крах прежних идеалов, то ли иррациональная юдофобия коммунистов, но что-то приводит Ивана к мыслям о его происхождении, о корнях рода. И он идет в паспортный стол, где под изумленным взглядом чиновницы говорит, что хочет изменить фамилию Шорш на Зонненшайн.

Рецепт семейного напитка давно утерян, но солнечный свет не исчезнет никогда. Мы не знаем, что дальше ожидает этого героя, но сейчас, счастливый, он остается в Будапеште. За кадром звучит трогательная музыка Мориса Жарра, камера поднимается к голубому небу, с которого на землю льются яркие солнечные лучи. Обретение себя, свободы быть собою – это всегда дело личного выбора, и перспективы, которые за ним стоят, наглядно отражены в этом фильме.

Иштван Сабо снял тяжелый, трудный для неподготовленного зрителя фильм. Пристрастные, очевидно, могут обвинить автора в унгарофобии – настолько несимпатично выглядят в картине этнические венгры: чванливые, грубые, жестокие мужчины, похотливые и лживые женщины. И все же «Вкус солнечного света», пожалуй, самая поэтичная картина Сабо. Несмотря на мрачный исторический фон она оставляет надежду на избавление от кошмаров прошлого, на обретение утраченного достоинства. Думается, что забытый вкус вина семьи Зонненшайн – это вкус свободы и радости бытия.

Как стало известно, Иштван Сабо выдвинут претендентом на премию «Золотой глобус» в номинации «Лучший режиссер». От всего сердца пожелаем удачи мэтру восточно-европейского кино в тяжелой борьбе с голливудскими мастерами.

НАБУККО»: ОСОБАЯ ЗАГАДКА СОЧИНЕНИЯ

Da'ava'ei I ai eda

В свой 225-й юбилейный сезон Большой театр под руководством генерального художественного директора Геннадия Рождественского 5 января 2001 года отметил наступление третьего тысячелетия необычной премьерой – постановкой оперы Джузеппе Верди «Набукко» (музыкальный руководитель и дирижер народный артист России, лауреат Государственной премии России, профессор Марк Эрмлер). Набукко – имя, данное итальянцами царю Вавилона, который, ведя завоевательные войны в VI веке до н.э., взял Иудею, разрушив ее первый Храм, пленив огромное число евреев.

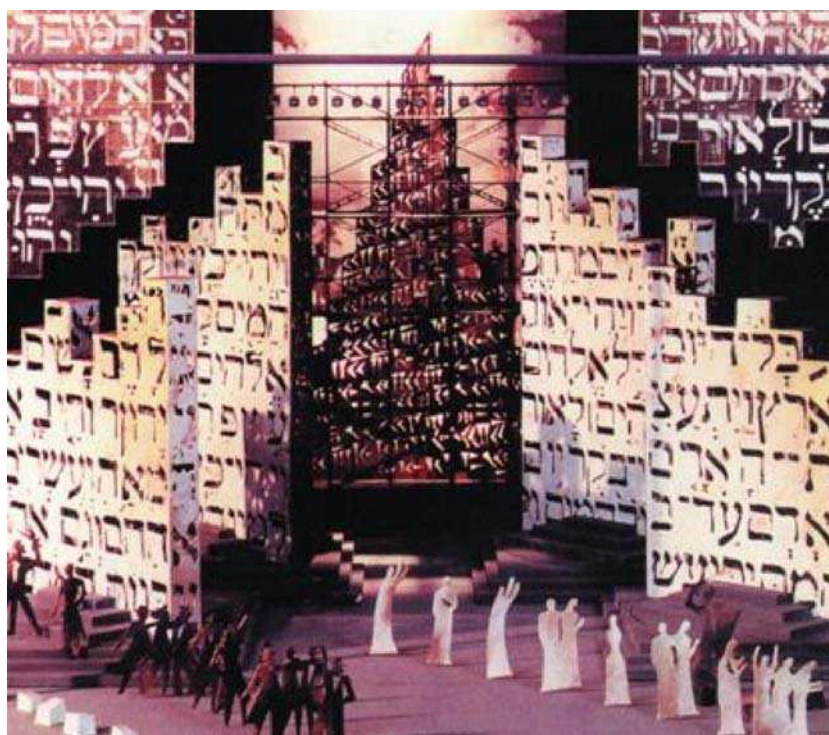

Джузеппе Верди в эпоху «Набукко».

Опера «Набукко» написана Дж.Верди в 1841 году и спустя год поставлена на сцене Ла Скала, явив собою поистине революционное событие в этом жанре, да и не только в нем. «Это была революция в музыке, о которой до сих пор никто и не помышлял. Характер партитуры был настолько нов, настолько неизвестен, стиль так стремителен, так необычен, что вызвал всеобщее ошеломление. Певцы, хор, оркестр, услышав эту музыку, преисполнялись необыкновенного энтузиазма, – писал современник маэстро Артур Пужен. – Скажу больше: работать в театре было невозможно, поскольку и на сцене во время репетиций, и за сценой постоянно собирались служащие, рабочие, художники, осветители, машинисты, возбужденные тем, что они слышали, и, оставив свою работу, внимали с открытым ртом тому, что происходило на сцене. Когда заканчивался фрагмент, они обменивались впечатлениями, и чаще всего слышалось выражение “Это новое безумство!”».

В России опера была поставлена лишь в 1851 году на сцене Мариинского театра и с тех пор ни разу не возобновлялась, не появляясь и на других сценах Империи.

Рождалось это уникальное в своем роде произведение необычайно – фатально, мистично. Тяжело переживая провал двух первых опер, композитор решает больше не обращаться к такому жанру. Но однажды в руках у него оказывается либретто Темистокле Солеры. Случайно выроненное, оно открывается на странице с хором пленных иудеев, написанным на основе 136 псалма «При реках вавилонских» (впоследствии этот хор станет вторым национальным гимном Италии, который прозвучит на открытии Ла Скала после второй мировой войны, но прежде народ исполнит его на похоронах самого Верди в 1901 году, а затем, в 57-м, и на похоронах Тосканини). Этот момент становится решающим в судьбе Верди. Охваченный желанием положить на музыку библейский сюжет, композитор возвращается к своей оперной музе. О, сколько он теперь еще подарит миру! «Риголетто» и «Трубадура», «Травиату» и «Бал-маскарад», «Силу судьбы», написанную для Петербургского театра (1861), и «Дона Карлоса», «Аиду», «Отелло», «Фальстафа»... Его творческое наследие составит 25 оперных произведений, «Набукко» – только третье из них. Однако, по мнению музыкальных критиков, ничто в его творчестве невозможно уподобить «Набукко», разве что «Реквием»...

Сергей Бархин. Макет декорации к спектаклю «Набукко».

Это эпическое сочинение напоминает ораторию. Не случайно критики называли «Набукко» драмой для хора – так велико его значение в опере. Вообще же факт появления на оперной сцене такого накала страстей шокировал профессиональных музыкантов. Немецкий композитор Отто Николаи (опера «Виндзорские проказницы» и др.), в свое время отказавшийся работать с либретто Солеры, написал: «Верди сделался первым современным итальянским композитором... Но его опера ужасна и унижает Италию» («Какой разный темперамент!» – можно изумиться сегодня). Однако итальянская публика оперу приняла. «Народ рукоплескал!» – скажем мы с пафосом ремарки, и это без преувеличения. «Маэстро обладает выдающимся, отличным дарованием, отличным в буквальном смысле слова – которое отличает его от всех прочих», – писала «Музыкальная газета Милана». Верди стали называть «маэстро революции».

Революцией обернулась «Набукко» и в личной жизни своего создателя. Первая исполнительница роли Абигаиль Джузеппина Стреппони стала второй его женой.

Кроме новации в оперном жанре в самой музыке, по мнению критиков, «Верди удалось передать жажду крови, охватившую Европу перед 1848 годом, и трепет ужаса перед грядущим».

Будоражилась переменами вся жизнь той поры. Поразительно, но «Набукко» предвосхитила революционные открытия в исторической, археологической науке. Прошлое буквально на глазах восставало из земного праха. В год постановки оперы в Ла Скала археолог Ботта приступил к раскопкам древнего поселения неподалеку от Ниневии (на иврите Нинве) – открытия последовали одно за другим, и то, что казалось только мифичным, материализовалось. Вавилон с его архитектурой, культурой и ее носителями обрел историческую достоверность. Раскопки в Междуречье раздвинули сознание европейцев, и вавилонский царь Навуходоносор II стал реалией XIX столетия – без малого двадцать шесть веков спустя после своей смерти!

Ожившие события древности осмысливались и переживались на уровне нового эмоционального сознания. Это соединило звенья времен – ток прошлого хлынул в Европу, и кто знает, не его ли силой напиталась «коричневая чума». Благо, что на эту силу и в прошлом, и в грядущем всегда находится сила иного порядка – куда мощней...

Теперь позволим себе цитату. Музыковед Ирина Коткина предваряет нынешнее издание либретто оперы таким особенным замечанием: «...Пожалуй, не великими спектаклями знаменательна сценическая история “Набукко”, а тем, что театры отзываются постановкой этой оперы на самые драматичные моменты своей истории. И в этом особая загадка сочинения. “Набукко” ассоциируется с грядущими переменами. Опера, появившаяся на острие времени, эпохи, стиля, она не пользуется популярностью в спокойные моменты истории. “Набукко” – символ обновления, возрождения, надежд на будущее. Именно в такой драматический момент и появляется “Набукко” в Большом театре».

Добавим, что на сцене Большого опера «Набукко» поставлена спустя ровно столетие после смерти Джузеппе Верди. Достойный памятник его гению!

А теперь поспешим в зал (тем более что 21 января прошло последнее представление оперы). Третий звонок! Угасают электрические свечи. Дивная музыка...

Картина, предстающая взору, поражает, обескураживает. Открывается занавес, и не верится глазам – половина пространства сцены ГАБТа заполнена еврейским алфавитом!.. Буквами Торы украшена огромная белая стена. Буквы большие, округлые, с огласовками. Удивительное впечатление: они так емки, в них столько... доброты! Кажется, не стена их основа, а наоборот – они удерживают стену в пространстве. Это Храм. Удивление, радость до предела наполняют душу. Но...

Войско Набукко – царя Вавилона Навуходоносора II (на иврите Невухаднейцар) осаждает Иерусалим (2 адара – 16 марта 597 г. до н.э.). В Храме евреи с ужасом ожидают исхода битвы. Первосвященник Захария пытается вселить в народ надежду.

Татьяна Бархина. Эскиз костюма Захарии.

Люди, находящиеся в Храме, одеты в белое с головы до пят, даже ступни словно укутаны. Это не кипельно-белый, режущий глаза цвет, а скорее бело-бежеватый, ближе к телесному. Головы обмотаны так, что кажутся почти круглыми. Евреи здесь даже скорей не люди, а некие сотканые из светлого существа.

Внезапно в Храм врывается толпа в черном, блестящем. Это уже не эфемерные существа, а конкретные, действующие фигуры материального мира. Они насилуют, убивают...

Поразительно, но музыка воспринимается здесь, как в кино: в эти мгновения оперы она не первична, а лишь способствует раскрытию сюжета, подчеркивая остроту драматизма. Она суть два голоса, слившиеся воедино, – страдание и сострадание.

Все эти впечатления переживаются в течение едва ли не пяти минут, восторг нечаянной радости сменяется пронзительной болью: зло, как всегда, застаёт врасплох.

В декорациях возникает стена с вавилонскими письменами. Мелкие, рубленые буквы, словно войско больших муравьев, атакующих пространство. Эпизодически фоном действий становятся две стены – Храма и Вавилона. Это не только противостояние двух ментальностей, культур, мировоззрений, но и противостояние стен как двух мировых сил.

Смешанное впечатление производят костюмы, их стилевая эклектичность. Некоторая стилизация под восточный стиль белых одеяний главных действующих лиц из евреев – пророка Захарии (народный артист Республики Башкортостан Аскар Абдразаков), его сестры Анны (заслуженная артистка России Лолитта Семенина), предводителя иудейского войска Измаила (народный артист СССР, лауреат Государственной премии Республики Грузия Зураб Соткилава).

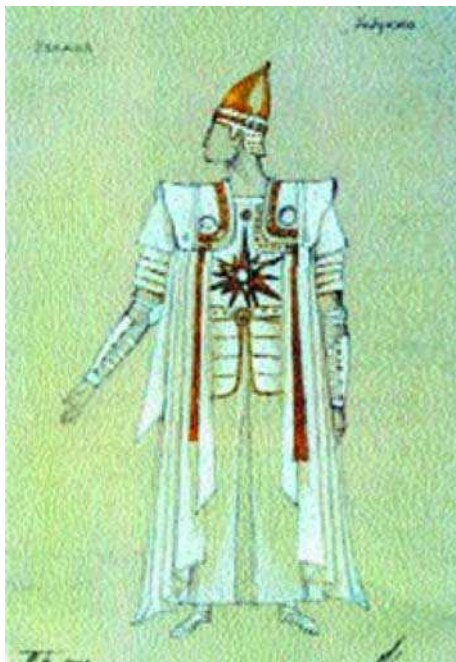
Черные же костюмы вавилонян исполнены в нескольких стилях (возможно, так передана многоликость зла?). Они напоминают то доспехи рыцарей Крестовых походов,

то форменную одежду офицеров Третьего рейха. Очень выразителен танец с черепами этих разностильных фигур: это воплощенное зло, сущность которого – смерть.

И главные герои вавилонян очень разны – не только по стилю, но и по духу. Старшая дочь Набукко Абигайль (Ольга Куржумова) напоминает эсэсовок, что в Великую Отечественную у нас называли «немецкими ищейками», – крашеная блондинка в черном: трико, сапоги, длинный блестящий плащ. Решительная, дерзкая, беспощадная, мстительная, она движима безумными страстями. В этом образе за подчеркнутой внешней вышколенностью – грубая, мятущаяся душа.

Оказывается, Абигайль влюблена. И в кого? В Измаила! Но ее любовь – это только жажда владеть, обладать. Измаил называет ее чувство «яростной любовью». «Моя любовь неистова, – обращается к нему Абигайль накануне захвата Иерусалима, – она может принести тебе жизнь или смерть». Переодетые в белые еврейские одежды, она и вавилонские воины вероломно проникают в Храм (как и изощренное зло, чтобы вернее поразить, любит представать в белом).

В ходе спектакля выясняется, что самодовольная, властная вавилонянка... дочь рабов, а не царя, и есть документ, который это подтверждает. А что хочет безбожный раб своего безбожного хозяина? Только быть таким же или еще более безбожным, чем его сатрап. Абигайль тяготится таким происхождением. Хитрая, коварная, она всего хочет только для себя одной и любой ценой ищет власти как компенсации собственных «комплексов». Несчастливая, она не только неудачливая влюбленная, но и нелюбимое приемное дитя Набукко.

Татьяна Бархина. Эскиз костюма Измаила.

Младшая дочь царя Фенена (Евгения Сегенюк) тоже героиня в черном, но это классический, женственный стиль. Она тоже влюблена в еврея Измаила, но то совсем иное чувство, чем у Абигайль. Когда ее отец заточил в тюрьму бывшего послом от Иудеи Измаила, презрев страх перед царем, она освободила пленника. Теперь Фенена сама оказывается плененной, и она – единственная надежда иудеев на спасение: может, хотя бы ради дочери пощадит жестокий тиран обреченный на уничтожение народ?

Фенена – героиня высокой духовности. Измаил любит ее и, найдя в плену, обещает освободить. «Несчастный! Ты нарушишь свой священный долг!» – отвечает ему Фенена. Даже испытывая страх перед смертью, она остается на высоте.

Ради ее спасения Измаил обрекает себя на отчаянные проклятия соплеменников. Освободив возлюбленную, он, иудейский полководец, оказывается в стане Набукко! Но скоро они с Фененой вернутся в Храм, и она, признав Б-га евреев, предстанет уже героиней в белом.

Судьбы всех главных героев по-своему драматичны. Однако Набукко (заслуженный артист России Владимир Редькин) – едва ли не самая трагическая фигура (внешне герой поразительно напоминает Николая II). Претенциознейшая личность, исполненная незаурядной властности, владеющая великой державой с мощной армией перестает осознавать рамки своих человеческих возможностей, границ. В некоторых сценах это словно Черный рыцарь некоего магического ордена, в иных – слабый, беспомощный человек, но чаще все же – властный тиран. На наших глазах Великий Завоеватель на самом пике торжества вдруг утрачивает... границы рассудка! Вот наказание сопернику Творца!

В миг болезненной слабости Господин становится добычей рабыни: Набукко оказывается пленником Абигайли, желающей узурпировать власть в стране, и из ревности к Измаилу и к принявшему ее отцу расправиться с младшей сестрою. Да, рассудок царя помутился, воля ослабла, но жива в нем любовь к дочери Фенене. Движимый святой отцовской любовью в конце концов он взывает о спасении дочери... к Б-гу евреев и признает Его власть над миром и над собой. Любовь и раскаяние – вот чистилище мятежной души, и она обретает совершенно иное величие, чем прежде.

Приходит в финале к раскаянию и отверженная всеми умирающая Абигайль. «Фенена! Я была виновна», – обращается она к сестре, и последние ее слова: «К Тебе взываю, Г-споди... Тебя почитаю... Не проклинай меня!». Конечно, это сломленная натура. Собственное зло обоюдоострым клинком поразило ее. И все же любовь и страдания приподняли неприкаемую душу, и ее уходу невольно сострадаешь.

В спектакле с поразительной достоверностью с первой и до последней сцены на примере судеб нескольких героев мы видим, как в одно мгновение торжество оборачивается крушением, драмой. Но на самом доньшке этой драмы всегда находится потенциальная точка опоры: осознание, раскаяние – вот что дает возможность обрести обновленную, обогащенную личность, преображая и ее, и окружающий мир, поднимая их на дотоле немислимую высоту.

Большей частью события развиваются на фоне вавилонской башни (декорации изготовлены на заводе имени М.В. Хруничева, выпускающем космическую технику), перед которой высится многоэтажная металлическая конструкция, в пределах которой черные фигуры преследуют, теснят белые. И вот под ударами черных хозяев изможденные белые существа носят наверх тяжелые кирпичи. Возведение башни-гордыни требует все новые жертвы... Но в один момент доведенную до небес постройку охватывает пламя, и созданное из тщеты, возведенное на тщеславии, рушится, обращаясь в прах.

Опера исполняется на языке оригинала. Над сценой электронной строкой загорается русский перевод ключевых фраз разворачивающегося действия. Сюжет оперы фантастичен, лишь в малой степени он отражает историческую правду. И все же когда в

финальных сценах мы видим горящие на электронном табло слова «Возрадуйся, Израиль!» и «Всемогущий Г-сподь! Кто не слышит Тебя!», в происходящее на сцене и в этом театральном зале, да и вообще в данный момент жизни невозможно не верить. Вопреки рассудку сердце твердит: «Борух Ашем, слава Б-гу, дожили до этого дня!».

В еврейской традиции есть молитва «Шэхийону», по-русски ее называют «Давший дожить до этого дня» и произносят как благодарение при исключительных событиях. Да, происходящее разворачивается в стенах Большого театра, но ведь и наша жизнь – в сущности разве это не Большой Театр?.. И разве реальность не бывает фантастичной, то есть чудесной? «Шэхийону»!

Еврейские Пророки предвещали приход Мошиаха (Мессии). Тогда весь мир наконец признает Единственного, Истинного Б-га, верность которому ценою великого множества жизней сохраняли евреи в течение уже тридцати трех веков. Конечно, Мессия пока не пришел, и нам, безусловно, предстоит еще много испытаний. И все же увиденное как столп надежды, как укрепление веры: это будет! Ведь что такое еврейская история, если не горнило Чуда? Надо только постараться быть достойным его.

Авторы костюмов и декораций Сергей и Татьяна БАРХИНЫ

«Это большая удача, когда в качестве последнего спектакля в Большом театре художникам достается сделать “Набукко” Верди. Верди, борца за свободу Италии от австрийского ига, привлекал исторический материал, поднимающий тему угнетенных, репрессированных народов, тему борьбы за свободу. Чувства иудеев, плененных Навуходносором, понятны и сегодня, заставляя сопереживать всем униженным».

Музыкальный руководитель и дирижер Марк ЭРМЛЕР

«Думаю, что не случайно в последнее время, отмеченное борьбой против насилия в любой форме – в идеологии, религии, вопросах национального самоопределения, – эта опера переживает второе рождение, к ней все чаще обращаются театры в разных странах мира. Самая сильная сторона “Набукко” – страстный драматизм музыки, который отличает лучшие творения Верди, редкой красоты ансамбли и хоры, пронизанные мотивом свободы, борьбы против тирании».

Постановщик и хореограф Михаил КИСЛЯРОВ

«Пусть не смущает зрителей условность некоторых исторических событий и фактов в нашем спектакле. Все это лишь вымысел, театральная фантазия на библейскую тему о вавилонском царе-завоевателе, дерзнувшем вознестись над Небом в своей гордыне. А также о немногочисленном народе Иудеи, пострадавшем от Навуходоносора, но не сломившемся и сохранившем себя в веках. Из поколения в поколение эти люди бережно передавали друг другу учение Торы – Великой Книги, ниспосланной Б-гом. И всевозможные запреты, угнетение, погромы, даже физическое уничтожение – все это оказалось бессильным против воли и желания сохранить свою веру.

Несмотря на то что действие происходит в далекие от нас времена, страстная, эмоциональная музыка Верди вызывает также ассоциации и с событиями нашей эпохи».

Главный хормейстер Станислав ЛЫКОВ

«Во всех операх Верди, равно как и в его раннем произведении “Набукко”, значительное место уделено народу. Композитор придавал огромное значение хоровым сценам. Опера “Набукко” буквально пронизана хоровыми эпизодами, каждый из которых без преувеличения является выдающимся произведением музыкального искусства».

«ТРАГИЧЕСКИЙ УРОК»

Пятьдесят шесть лет назад, 27 января 1945 года, советскими войсками был освобожден от нацистов концлагерь Освенцим – Аушвиц по-немецки. Это событие Герой Советского Союза, генерал-лейтенант в отставке, известный военный историк Василий Яковлевич Петренко считает главным в своей фронтовой биографии.

– Василий Яковлевич, в штабе Первого украинского фронта, части которого освобождали Освенцим, эта операция планировалась заранее?

Насколько мне известно, в Москве имели достаточно полные сведения о гитлеровском лагере смерти еще осенью 1944 года. Однако, как явствует из архивов штаба фронта и 60-й армии, перед началом Висло-Одерской операции в январе 1945 года там все еще не было данных об Освенциме и получили их лишь в ходе боев. Можно предположить, если бы маршал Конев, его штаб и командование 60-й армией знали, что Освенцим – не просто польский городок районного масштаба, не представляющий какого-либо военного или экономического значения, а база чудовищного гитлеровского концлагеря, то план Висло-Одерской операции был бы составлен иначе. И уцелело бы гораздо больше заключенных. Реально же советские воины в ходе кровопролитного боя успели спасти не более 7000 узников, буквально вырвав их из рук нацистских палачей.

– Почему же Сталин скрывал сведения о гитлеровских концлагерях? Даже созданных Германией на оккупированной территории, которую в ходе войны Красная армия должна была освободить?

– По моему глубокому убеждению, таких причин у Сталина было несколько. Прежде всего – его зоологический антисемитизм. В данных, поступавших к нему из разных источников (особенно от правительств Англии и США), подчеркивалось, что в гитлеровских концлагерях идет массовое уничтожение в первую очередь евреев. Но это, видимо, не трогало вождя.

Не менее важно было для Сталина скрыть от собственного народа и армии данные о массовом уничтожении советских военнопленных, захваченных гитлеровцами в самом начале Великой Отечественной войны, что произошло по вине самого Верховного

главнокомандующего. После войны стали известны чудовищные подробности преступлений нацистской Германии против советских военнопленных. Ни о каком соблюдении Женевской конвенции в таких лагерях не могло быть и речи. Истребляли голодом, холодом, рабским трудом, избиениями, изощренными издевательствами.

– А как относились к проблеме лагерей наши союзники?

До сих пор не выяснены все аспекты отношения к немецким концлагерям руководителей Англии и США. В публикации лондонской «Таймс» президент влиятельной еврейской организации «Ложа Бней Брит» Артур Браунер однажды ставил эти вопросы: Знала ли о беспрецедентном геноциде на Востоке британская королевская семья, игравшая огромную роль в формировании общественной атмосферы не только в Альбионе? И если да, то каким образом она реагировала на столь кошмарную информацию? Почему не поделился истиной во всем объеме с соотечественниками (да и с зарубежной аудиторией) премьер-министр Уинстон Черчилль, который стопроцентно знал об «особом характере» той войны? И почему бы, спрашивается, не обнародовать хотя бы сегодня протоколы черчиллевских секретных консультаций с президентом США Франклином Рузвельтом по этому же вопросу? Кроме того «если англо-американская бомбардировочная авиация дальнего радиуса действия могла наносить мощные удары по железнодорожным магистралям, ведущим к Треблинке, Майданеку и Освенциму задолго до конца второй мировой, то на каком основании этого не было сделано? Такие усилия союзников, считает Браунер, помогли бы снизить обороты концлагерного молоха и переплавку золотых зубов невинных жертв в подвалах рейхсбанка.

Доказательством того, что Великобритания и США знали о газовых камерах в начале декабря 1942 года, стал двадцати-страничный документ, обнаруженный недавно британской аспиранткой Барбарой Роджерс в архиве МИДа ее родины. Именно в декабре 1942-го этот документ был представлен Рузвельту и правительству Великобритании.

– Расскажите подробнее, что это за документ?

– Он начинался сообщением о том, что 2 000 000 евреев уже убиты. Прочитую: «5 000 000 евреев, которые еще могут оставаться на оккупированной нацистами территории, находятся под угрозой полного уничтожения – согласно официальному приказу Гитлера полностью истребить евреев Европы к 31 декабря 1942 года».

Далее говорилось, что центры массового убийства созданы в разных частях Восточной Европы. Очевидцы, польские рабочие-христиане, подтвердили строительство газовых камер. «Уничтожение евреев, взрослых и детей, целыми железнодорожными составами в огромных крематориях в Освенциме, вблизи Кракова, подтверждают очевидцы в сообщениях, недавно достигших Иерусалима», – написано в документе.

Конечно, и раньше было известно, что союзники знали об «окончательном решении еврейского вопроса» и даже о газовых камерах, но доказательство, что еще в 1942 году они располагали данными о существовании крематория в Освенциме и уничтожении там такого количества людей, 90 процентов которых составляли евреи, появилось впервые.

Эта тема, безусловно, заслуживает дальнейшего изучения, как и причины отказа использовать авиацию для разрушения крематориев и подъездных путей к лагерям смерти.

Женский барак лагеря смерти Освенцим. 1945 год.

– Кроме бомбардировочной авиации и других средств, способных «снизить обороты концлагерного молоха», было еще и мощное партизанское движение.

– Во впечатляющем перечне итогов деятельности советских партизан нет ни одной акции уничтожения или попытки нападения на какой-либо гитлеровский концлагерь либо пункт истребления людей. И не только на оккупированной советской территории, но и за ее пределами. Мало того в источниках, содержащих данные о действиях советских партизан, нет даже упоминания о подобных объектах. И причины этого пробела в истории партизанского движения не анализировались и не были раскрыты даже в трудах по истории Великой Отечественной войны.

– Вы сказали, о существовании Освенцима командование фронтом не знало. Трудно представить, чтобы сведения об этом лагере каким-то образом не просочились...

– Когда мои коллеги – командиры соседних дивизий узнали о его существовании, то действия по освобождению последовали безотлагательно. В Центральном архиве Министерства обороны хранятся докладные записки начальника политотдела 60-й армии генерал-майора Гришаева начальнику политуправления Первого Украинского фронта генерал-майору Ящечкину. Они написаны с 26 по 28 января 1945 года:

«На станции Лебионж юго-западнее Хшанува нами обнаружен филиал концлагеря Освенцим со случайно уцелевшими узниками. Среди них – 30 евреев, остальные – венгры, французы, чехи, поляки и русские – все, кто успел укрыться на угольных шахтах, где работали узники. Остальные были немцами умерщвлены. Всего в этом лагере на станции Лебионж было 920 заключенных.

Один из них, еврей Левер, рассказал, что до Лебионжа находился в Освенциме. Там одновременно было от 25 до 30 тысяч евреев из многих стран Европы. Их свозили сюда непрерывно в течение четырех лет. Все, кто не мог работать, – женщины, старики, дети, больные – отделялись от здоровых мужчин и уничтожались сразу. Они направлялись в отдельные бараки в южной части лагеря, там их раздевали, потом в специальных камерах убивали газами, а трупы сжигали в крематориях. Всего было для этого оборудовано 12 печей, действующих частично на электричестве, частично на угле. Левер считает, что число жертв-евреев составляло примерно 400 000 человек. В последние два года были уничтожены и узники-мужчины. Кормили узников очень плохо: один раз в день водянистая похлебка и 150-200 граммов хлеба. От непосильного труда и голода люди

обессиливали и умирали. Три раза в неделю врач осматривал заключенных, и неспособных к труду отправляли в газовые камеры.

С октября 1944 года, когда лагерь Освенцим эвакуировался в Германию, печи крематория работали особенно напряженно, круглые сутки. В декабре 1944 печи были немцами взорваны».

Не все знают, что Освенцим – это целая система лагерей. Об одном филиале – Лебионже – вы уже упомянули. А сколько их было всего?

Сам Освенцим фактически состоял из пяти лагерей и тюрьмы. В радиусе 20-30 километров на территории Домбровского угольного бассейна еще имелось 18 филиалов концлагеря, в каждом – до 80 бараков, где размещали по 200-300 узников. Люди эти были дармовой рабочей силой на шахтах и заводах синтетического горючего. В некоторые дни прибывало по 8-10 эшелонов с заключенными. 5-10 процентов здоровых, годных для тяжелых работ оставляли, остальных уничтожали. Четыре крематория имели по 10 камер для удушения людей газом, каждая из которых вмещала до 600 человек. 30 печей-крематориев не справлялись с нагрузкой, и часть трупов, облив горючим, сжигали в ямах 40х40 метров.

Одновременно в лагере находилось 25-30 тысяч человек. Все эти сведения также содержатся в докладной записке генерал-майора Гришаева.

Освобожденные узники концлагеря.

– Утром 27 января 1945 года наши войска освободили Освенцим. Что удалось выяснить по свежим следам?

Многих из заключенных обнаружили на прилегающих дорогах. Все были крайне истощены, плакали, благодарили Красную Армию. Это была страшная картина

По показаниям местных жителей, Освенцим был основан весной 1940 года. Заключенных сжигали, многих перед этим вешали. Лагерь был огороженным несколькими рядами проволоки с током высокого напряжения, он усиленно охранялся солдатами СС. Комендантом был капитан СС Гесс. В период большого поступления узников истребляли по 10-15 тысяч человек в неделю. Когда в лагерь въезжали машины с евреями, по обе стороны дороги вставали немецкие солдаты, нагайками и шомполами избивавшие каждого, нередко насмерть. Каждое утро сотни раздетых людей гнали к

газовым камерам. Немцы наслаждались смертными муками несчастных, наблюдая через специальные окошки. Дым от печей и смрад распространялись на десятки километров. К началу 1945 года все евреи в лагере были уничтожены.

– Когда вы лично включились в операцию по освобождению Освенцима?

Впервые об этом концлагере я, командир 107-й стрелковой дивизии, узнал по телефону ночью 26 января, когда руководил боем за Нейберун. Мне позвонил командир 106-го стрелкового корпуса генерал П.Ф. Ильиных и сообщил, что 100-я и 322-я дивизии, ведя бой за Моновицы и Зарац, установили, что это объекты большого гитлеровского концлагеря, центр которого находится в Освенциме. Комкор поставил передо мной задачу: не только как можно быстрее взять Нейберун, но и сделать все, чтобы не допустить отхода противника к Освенциму. После взятия Нейберуна моей и соседней 14-й стрелковым дивизиям надлежало продолжать энергичное наступление вдоль левого берега Вислы, угрожая с тыла освенцимскому гарнизону противника.

Забегая вперед, скажу: об отношении немцев к евреям я знал из листовок, но в них ничего не говорилось об уничтожении детей, женщин и стариков. О судьбе евреев Европы я узнал уже в Освенциме.

Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись. Наши потери убитыми составили 180 человек. Город был полностью освобожден 28 января, и наша дивизия готовилась переправиться через Вислу. До Освенцима, который находился на другом берегу, было примерно полтора километра. Мне позвонил генерал Ф.М. Красавин, командир 100-й дивизии, которая накануне взяла Освенцим, и попросил приехать.

Раввин Хайер (крайний справа), руководитель Центра Визенталя, вручает памятную медаль В.Я. Петренко. Лос-Анджелес, 1987 год.

– Что вы увидели, ступив на территорию лагеря?

В тот день, когда я приехал в Освенцим, там насчитали семь с половиной тысяч человек. Немцы оставили только немощных. Остальных угнали. Некоторые из тех, кто мог ходить, сбежали от мучителей, когда наша армия подошла к лагерю. Теперь на его территорию были переправлены санитарные части 108-й, 322-й и моей 107-й дивизии. Эти же дивизии организовали питание: в Освенциме появились походные кухни.

Шел мелкий снег и тут же таял. Помню, я ходил в расстегнутом полушубке. Темнело, и наши солдаты, отыскав какой-то аппарат, включили освещение. К нам

подходили изможденные узники в полосатой одежде, что-то говорили на разных языках. Это были живые скелеты.

Двое мужчин, как оказалось, из Бельгии, подошли и начали хлопать в ладоши, глядя на мою звезду Героя Советского Союза. К ним присоединились две женщины, они обнимали, целовали меня. Я поразился, что эти люди еще способны улыбаться!

В Освенциме мне показали барак для женщин. На полу кровь, испражнения, трупы, ужасный запах разлагающихся тел. Вынести больше пяти минут там не мог даже я, повидавший многое фронтовик. Побывал я и в помещении, где отравляли газом. Вход в крематорий был рядом.

Потом я увидел детей со вздутыми от голода животами, блуждающими глазами, руками как плети, тоненькими ножками. Головы огромные, а все остальное как бы не человеческое, будто пришито. Ребятишки молчали, только показывали вытатуированные на ручках номера. Они пытались утереть глаза, но те оставались сухими: слез уже не было. За всю войну я не испытал большего потрясения...

Выступление В.Я. Петренко перед евреями – ветеранами войны, бывшими воинами Советской Армии.

Иерусалим, 1995 год.

– Думаю, не ошибусь, если предположу, что это было самым большим потрясением не только военного времени, но и всей жизни...

Не только потрясением, но и трагическим уроком. Еще там, в Освенциме, первой мыслью было: такое никогда не должно повториться!

В 1995 году президент Польши Лех Валенса пригласил меня принять участие в мероприятиях, организованных в связи с 50-летием освобождения Освенцима. Не имея возможности приехать, я послал ему свой доклад и письмо, в котором просил «довести до глав государств предложение установить международный День памяти мучеников гитлеровских концлагерей». Я считаю, что это необходимо для мобилизации на борьбу со злой идеологией фашизма, сущность которого – расизм, антисемитизм, стремление к

ЧЕЛОВЕК В ШТАТСКОМ

Áàí Ì áíîð

Израильских генералов отличает не строевая выправка, не «грудь колесом». Проводя большую часть жизни, десятки лет среди своих солдат, «в поле», они пропитываются солнцем до самых костей, их лица и треугольный вырез от распахнутой на груди гимнастерки приобретают вид грубой бронзы.

Авнер Азулай, человек Мосада, относится к таким людям. Не одно десятилетие он прослужил во внешней разведке, это говорит само за себя. Несколько лет назад он вернулся к гражданской жизни. Это интервью «человека в штатском» о его секретной службе — первое, которое дает Авнер Азулай журналисту СМИ: до сего дня он предпочитал хранить молчание. Семья Авнера иммигрировала в подмандатную Палестину в 1944 году, мальчику едва исполнилось тогда восемь лет. И, хотя последней остановкой перед возвращением на историческую родину была Англия, родился Авнер Азулай тысячами километров южнее — в североафриканском городе Танжер. Но и этот «открытый город», не без оснований слывший в 40-е годы одним из центров мирового шпионажа, был лишь очередной остановкой на пути семьи Азулай, происходившей из египетской Александрии. В Танжере отец Авнера служил в рядах международной полиции, дислоцированной в открытом для всех ветров городе воюющего мира. Причиной отъезда семьи Азулай из Танжера послужили профашистские настроения французов, чьим протекторатом являлось в то время Марокко. Но и на британских островах египетские евреи не стали своими. «Наше будущее там, где началось наше прошлое», — решил Азулай-старший. И семья отправилась в Эрец Исраэль, куда добралась не без приключений. Еврейское население подмандатной Палестины вело борьбу за независимость, за воссоздание Национального дома. Против англичан действовали три вооруженные подпольные группировки: отряды Пальмаха, Эцель и Лехи. Пальмах в основном базировался в кибуцах — там укрывали оружие, там обучали солдат, оттуда производились вылазки. Авнер попал в кибуц «Сдот-Ям» («Морские поля»). В те времена коллективный уклад жизни представлялся евреям несколько иначе, чем нынче: после двухтысячелетнего рассеяния свои жили среди своих и собственными руками добывали себе пропитание. Коллективизм воспитывал в людях специфические качества, кибуцники отличались независимостью характера и склонностью к военному делу. Кое в чем они были похожи на русских казаков.

— Первое мое впечатление от «Сдот-Ям», — рассказывает Авнер Азулай, — чувство гордости: все это замечательное хозяйство построено руками таких же людей, как я, еще недавно болтавшихся по всему свету. Нас было мало, но мы ощущали свою крепость, свою силу. Там, в кибуце, я понял, что еврейство — это, прежде всего, чувство национального самоощущения. И солдаты нашей крохотной подпольной армии думали точно так же. То была «бриллиантовая армия», то было «бриллиантовое общество». Бриллиант не может быть большим, как булыжник.

— Когда вы решили стать разведчиком? В набитом шпионами Танжере, в кибуце? Когда и где?

— Из кибуца я ушел в армию по срочному призыву. Недолго прослужил в пехоте — все тогда там служили—и был направлен на курсы офицеров армейской разведки. Почему? Это надо спросить у тех, кто меня туда направил. В то время наши армейские структуры только-только формировались и отлаживались. Вскоре после окончания разведкурсов я был введен в состав новорожденного сверхсекретного специального подразделения, укомплектованного только офицерами. Это был своего рода спецназ, но спецназ особенный: мы выполняли не только практические оперативные задачи, но и разрабатывали оборонную стратегию, стратегию безопасности — предметы, выходящие за рамки деятельности военной разведки. Это была интересная работа! Наши профессиональные интересы были связаны с границами государства — неприятности прежде всего грозили нам из сопредельных стран. О существовании и задачах нашей группы знали лишь несколько человек, их всех можно пересчитать по пальцам. Полная секретность сохранялась по причине высочайшей мотивации: мы знали, насколько важно для страны то, чем мы занимаемся.

— Как известно, большие войны Израиля следовали одна за другой, с перерывами в семь-восемь лет. Тайная война, отнюдь не холодная, велась беспрерывно. Каково было ваше место в больших войнах?

— Первая моя такая война — Синайская кампания 1956 года. Мы тогда взяли Синай за сто часов и вышли к каналу. Надо сказать, что англичане и французы действовали только в воздухе и, естественно, не на нашей территории базировались. На земле не было никого, кроме нас и египтян. Ошибается тот, кто думает, что то была не война, а прогулка... Несколько факторов, в том числе и разведывательных, способствовали стремительности нашего продвижения, в результате чего в наши руки попали горы трофеев — от обмундирования, изготовленного в России, до танков Т-56. Спустя годы после этого можно было встретить на некоторых наших пушках советские прицельные устройства — хорошие, точные.

— Я слышал от одного из крупных наших дипломатов, что Бен-Гурион приказал уйти из Синая после получения депеши из Москвы, подписанной Николаем Булга-ниным: «Немедленно начинайте вывод войск, в противном случае мы нанесем ракетно-ядерный удар по территории Израиля». Правда ли это?

— Ну, как вам сказать... Собственными глазами я эту депешу не видел. Но через три месяца после того как мы взяли Синайский полуостров, произошло что-то, какое-то экстраординарное событие, которое заставило нас оттуда уйти. И Бен-Гурион после этого подал в отставку.

Сидя за своим директорским столом в одной из крупных некоммерческих организаций, Авнер Азулай говорит свободно и легко - и так же легко огибает темы, на которых не хочет останавливаться. Он упоминает о своей давней командировке в Латинскую Америку. Время этой командировки замечательно совпадает со временем поимки агентами Мосада на окраине Буэнос-Айреса нацистского преступника Адольфа Эйхмана, нелегально вывезенного затем в Израиль, судимого там и повешенного по приговору суда. В странах Латинской Америки, как и во многих других странах мира, Авнеру облегчало решение задачи знание иностранных языков - он владеет основными европейскими языками, в том числе и испанским, и некоторыми диалектами арабского.

Из Южной Америки он возвращается в свое спецподразделение. Его ждет новая командировка - на сей раз на учебу: в Чикагском университете он изучает международные отношения, экономику и науку управления. По возвращении из США он назначается

командиром своего спецподразделения и командует им до начала 70-х годов. А потом новая длительная командировка - с дипломатической миссией в одну из западно-европейских стран. В Европе набирает силу террор, свирепствуют «Красные бригады», немецкие боевики работают рука об руку с мусульманскими террористами. В неподготовленной к политическому терроризму Европе оперативные консультации израильских специалистов ценятся на вес золота: те самые печально знаменитые «нити террора» часто ведут на Ближний Восток. В самых необычайных оперативных ситуациях, возникающих в Европе, Авнеру Азулаю время от времени попадаются «знакомые лица», и эти встречи носят прощальный характер.

— С нашим опытом, с нашими знаниями — почему за пятьдесят лет мы так и не смогли искоренить террор?

— Давайте остановимся на палестинском терроре, который причинил нам наибольший ущерб. Нами была допущена одна существенная ошибка: мы до поры, до времени вели борьбу против народа, а не против террористов. Русские, мне кажется, допустили по отношению к Чечне такую же тактическую ошибку, какую мы допустили по отношению к палестинцам.

Арафат много лет был нашей «мишенью №1». Мы выбросили его из Бейрута, достали в Триполи, в Тунисе. Чего мы добились? Ничего, кроме наивных статей на первых страницах газет. А террор продолжался и продолжается по сей день; мы потеряли уйму времени. Только тесное и доверительное сотрудничество между спецслужбами может парализовать террор, подставить его под удар топора. Даже наши непродолжительные разведочные совместные действия с палестинскими коллегами дали в конечном итоге положительный результат. И если б не последняя вспышка, причиной которой послужили политические мотивы, наше сотрудничество продолжалось бы, и мы бы нашли, в конце концов, общий язык: в любой стране, при любом режиме разветвленный террор представляет собою угрозу власти... Но не слишком ли много «бы»? Противостояние с палестинцами уже стоило им более трехсот жертв, мы потеряли вдесятеро меньше. От налаженных, наработанных связей остались лишь обрывки. Но могу вас заверить, что первыми после примирения пожмут друг другу руку специалисты по борьбе с террором.

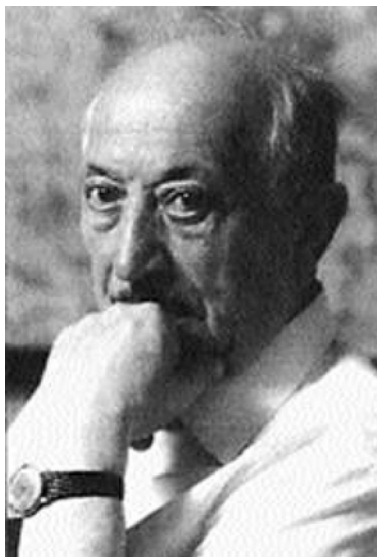
— Какую роль вы отводите такому трудному после ста лет вражды палестино-израильскому соглашению?

— Договор с палестинцами для нас важнее, чем договор с Сирией или какой-нибудь другой арабской страной. Договоримся с палестинцами — пойдет цепная реакция примирения с ближними и дальними арабскими соседями. Предвоенная поездка бывшего командира Мосада Дани Ятома по странам Персидского залива подтверждает это предположение. Договор с палестинцами — это, если угодно, настоящее окончание войны за Независимость, войны, которая еще продолжается.

«МАКС И ЕЛЕНА»

Êàñàðü Î ààî ààð

Повесть С. Визенталя впервые на русском языке (перевод В. Ляуэр. Нью-Йорк, 1999)

О Симоне Визентале, выдающемся общественном деятеле нашего времени, гуманисте, историке, писателе, прошедшем тяжелый путь от узника фашистских лагерей до почетного гражданина многих городов, почетного доктора многих университетов и академий, рассказал недавно И. Малах в очерке «Симон Визенталь – охотник за нацистами» («Лехаим» № 5 за 2000 год).

Несмотря на преклонный возраст С. Визенталь продолжает работу по розыску все еще скрывающихся нацистских преступников и преданию их суду.

«Макс и Елена» – первая книга писателя, изданная на русском языке, но не в России, а в США, в Нью-Йорке, где проживает и автор перевода – Валентина Ляуэр, любезно приславшая книгу в адрес журнала.

«Эта книга, – сообщается в аннотации, – впервые увидела свет в Германии в 1981 году под названием “Max und Helen”. В 1982 году книга была переведена на английский и вышла в США под названием “Max and Helen”. Теперь эта трагическая история – не только история любви, но и история нашего времени – предлагается вниманию читателя на русском языке».

Госпожа Ляуэр сообщает далее, что среди миллионов евреев, погибших в гетто, газовых камерах концлагерей, рвах Бабьего яра были родители ее покойного мужа, семья Ляуэр, убитая во львовском гетто.

«И книга эта – в память обо всех мученически погибших. Помните о них и Вы, читатель», – пишет она.

Редакция журнала «Лехаим» благодарит Валентину Ляуэр за присланную книгу.

Госпожа Ляуэр сообщает также, что господин Визенталь знаком с ее переводом и одобрил ее поступок.

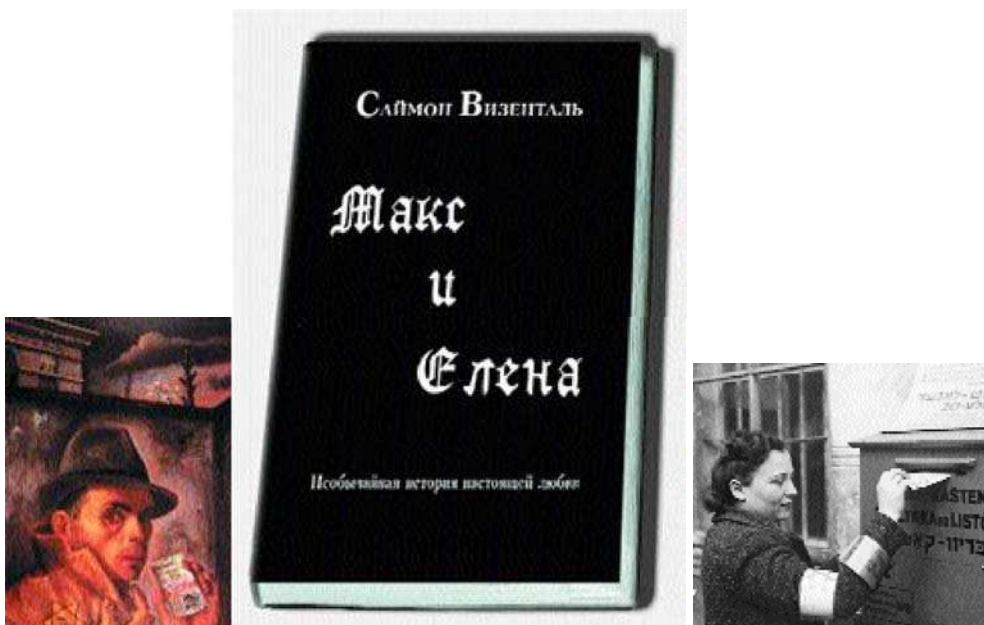
Повествование ведется от лица автора, С. Визенталя, но представляет в основном диалоги между ним и главным героем – Максом. В этих диалогах раскрывается трагическая судьба двух любящих людей, Макса и его невесты Елены; в них также затрагиваются вопросы, актуальность которых вряд ли исчезнет в ближайшее время. Автор оказался сопричастным к судьбам Макса и Елены. В первый и единственный раз в своей жизни «охотник за нацистами» вынужден был отказаться от судебного преследования нацистского преступника и даже уничтожить уже собранные, обличающие его документы.

Обо всем этом ниже, в кратком изложении повести (диалоги героев сокращены автором статьи).

Повесть открывается словами: «Это правдивая история. Лишь имена некоторых ее героев и места событий изменены из соображений анонимности персонажей».

Поиск нацистских преступников вывел Визенталя и его помощников на след Вернера Шульце, бывшего коменданта одного из концлагерей, располагавшихся вдоль строящегося шоссе Львов–Киев. Строителями были заключенные евреи, в основном из местных жителей. Положение их в Залесье (так назывался лагерь) было катастрофическим – большинство из них умирали, не выдержав и трех-четырех месяцев; только очень немногие выживали.

Когда кому-либо удавалось бежать, эсэсовцы по приказу коменданта Шульце расстреливали за беглеца десять, а иногда пятнадцать евреев. Поэтому заключенные постоянно следили друг за другом, так как побег одного из них ставил под удар и их жизни. Шульце лично издевался над заключенными, избивал и калечил их.

Продолжение поиска позволило обнаружить, что Шульце жив, здоров и живет вполне благополучно. В 1948 году он женился на дочери хозяина фабрики и стал заместителем директора. У него трое детей, собственная вилла, машина. За службу в войсках СС награжден медалью. Шульце – типичный нацистский преступник, но чтобы отдать его в руки правосудия необходимы были свидетели его лагерных преступлений. Найти же таких свидетелей представлялось практически невозможным, так как немцы перед отступлением и уходом из лагеря (это относилось ко всем лагерям) уничтожали всех заключенных и сжигали все документы.

Помог случай. Знакомая Визенталья вспомнила об одном докторе, приехавшем из Польши и жившем в Париже. Этим доктором оказался Макс, единственный уцелевший узник лагеря Залесье, которого удалось разыскать. Однако этот единственный свидетель, несмотря на все доводы помощников Визенталья категорически отказался давать показания против Шульце.

«Когда господин Визенталь услышит мою историю, – объяснил он, – он поймет меня. Я уверен в этом настолько, что решение о том, быть мне свидетелем в этом деле или нет, я отдаю в руки господина Визенталья».

Их встреча состоялась.

Рассказывает Макс. «В молодости я хотел стать доктором. Мой отец был торговцем и зарабатывал столько, что едва хватало на содержание меня, моих сестер и братьев. Он не мог платить за мое медицинское образование, но, не считаясь с финансовыми лишениями семьи, послал меня в среднюю школу изучать иностранные языки – в надежде, что это поможет мне в будущем стать доктором. В то время в Польше были многочисленные ограничения для евреев, желающих изучать медицину. Так что практически мои шансы стать доктором были равны нулю. А еще – моя любовь к Елене.

Мы учились в одной школе совместного обучения в Золочеве. Кроме нее в классе были и другие еврейские девушки, а также две польки и две украинки. Но Елена была красивее всех не только в классе, но и на нашей окраине. Настоящее имя ее было Хава, но лучшие подруги, польские девушки, прозвали ее Еленой. И это красивое имя так подходило ей, что вскоре все стали называть ее Еленой. Только ее мать и сестра Мириам

продолжали называть Хавой. Елена была не только красива, но умна и впечатлительна. Одно меня огорчало: она – дочь богатых родителей, хотя никогда это не подчеркивала. Я предпочел бы, чтобы она была такой же бедной, как и я. Тогда никто не заподозрил бы меня в том, что я охочусь за ее приданым.

В те времена в таком маленьком городишке, как Золочев, молодой человек не мог просто начать ухаживать за девушкой. Обычаи были строгие. Без официальной помолвки ничего нельзя было сделать. Но я даже радовался этому, потому что имел серьезные намерения жениться на Елене, когда получу образование. Родителям Елены было ясно: моему отцу трудно будет заплатить за это. Однажды отец Елены заговорил со мной и предложил мне финансовую помощь. И хотя я был уверен, что он искренне хочет помочь мне, я обиделся и долго обходил их дом стороной».

После того как ему отказали в поступлении во Львовский и Варшавский университеты, Макс отправился в Париж к своему дяде. Там ему удалось продолжить учебу. Чтобы поскорее ее закончить, приходилось много заниматься, но письма Елене он писал почти ежедневно, экономя на еде, чтобы покупать марки. Все праздники и каникулы он проводил дома с Еленой. Макс продолжает:

«Так прошли три года, и вот отец Елены предложил нам пожениться в июле. Это был 1939 год. Я медлил с ответом, так как не хотел отступить от своего решения жениться, только когда смогу содержать Елену. Я был тогда гордым и очень упрямым. Любовь и гордость боролись во мне. К сожалению, гордость победила. И наша свадьба была отложена. Наверное, все сложилось бы иначе, если бы я слушал свое сердце, а не глупые предрассудки маленького местечка. Это разрушило наши жизни... И обрушилась беда! Пришла война! Гитлер разделил Польшу с русскими. Наш город стал советским. В то время я был в Золочеве на каникулах. О возвращении в Париж с Еленой или без нее не могло быть и речи».

Макс рассказал о тяжелых днях жизни при коммунистическом режиме, который установили местные и советские коммунисты.

Золочев был маленьким бедным городишком с населением примерно 12 тысяч человек, половину из которых составляли евреи.

Война в Европе продолжалась. Все больше и больше еврейских семей переходили польско-советскую границу, убегая от нацистов. Однако оказывались они на территории, «оккупированной Советами, и власти немедленно отсылали их назад. Некоторым все же удавалось оставаться, выдавая себя за местных жителей.

Рассказывает Макс: «Русская оккупация продолжалась двадцать один месяц. Елена работала в библиотеке, я – в госпитале. В это время Львовский медицинский институт возобновил занятия, но меня не приняли, так как я был сыном торговца, а не рабочего. Итак, мы остались в Золочеве...

22 июня 1941 года мы услышали по радио, что началась война между Германией и Россией. Первый немецкий самолет пролетел над нами в восточном направлении. Молодежь призывного возраста и особенно мы, евреи, сразу же записались в добровольцы. В военкоматах мы добивались разрешения бороться с немцами. Но нас не принимали.

Вскоре немцы стояли у ворот Львова, русские отступали, с ними было разрешено отступать лишь проверенным коммунистам и евреям. Мы с Еленой решили сами пробиваться на Восток. С небольшим багажом мы дошли до окраины Золочева, но нас задержали советские солдаты – у них был приказ никого не пропускать. И мы вынуждены были вернуться.

С немецкими частями в город пришли и украинские националисты, которым немцы обещали “самостийную республику”. Однако уже через несколько дней мечта националистов оказалась вдребезги разбитой – у немцев были совсем другие планы...»

Вымещая досаду за несостоявшуюся независимость Украины и стремясь угодить немцам, украинские полиция организовывали еврейские погромы. Семьи Макса и Елены прятались в подвалах. В беднейшей части города было создано еврейское гетто. Но вскоре пришли СС и СД, и евреи оказались под «опекой» немецкой полиции. Рассказывает Макс:

«В июле 1941 года была проведена регистрация евреев и организован отдельный департамент труда. Все евреи от двенадцати до шестидесяти лет должны были работать. Те, кто не мог получить регистрационную карту или у кого в ней не было отметки о работе, были вывезены. И никто не знал куда.

До конца 1941 года только немногие евреи работали на строительстве шоссе. Большинство людей жили, как и мы, в гетто, их использовали на принудительных работах на фабриках. Меня направили на сортировку старой одежды и материалов. Работа считалась важной для войны и поэтому могла спасти от того, чтобы быть схваченным эсэсовцами. Я устроил Елену работать туда же. Нам казалось, что наши семьи и мы в безопасности. Но в конце марта 1942 года эсэсовцы всех неработающих погрузили в товарные вагоны и вывезли в неизвестном направлении. Среди них были и наши с Еленой семьи. Позднее мы узнали, что эшелон направили в Бельцы, где всех уничтожили. В гетто прибывали новые люди, они рассказывали о группах сопротивления в лесах. И хотя оружия у нас не было, мы мечтали каким-то образом присоединиться к ним. Но сестра Елены, Мириам, в детстве переболела менингитом, и с тех пор ее здоровье оставляло желать лучшего. Забрать ее в лес – значило убить. О том, чтобы оставить ее, не было даже и речи, мы с Еленой считали себя ответственными за нее.

Через департамент труда мы были направлены в лагерь Залесье на строительство шоссе на дороге.

Комендантом лагеря был немец Генрих Балке, который делал все, чтобы сохранить порядок и справедливость на определенном уровне. Нас не изнуряли переключками, как это делалось в других лагерях. Заболевший мог остаться в бараке. Комендант регулярно инспектировал кухню и делал выговор повару, если пища была плохо приготовлена. Но, по-видимому, его взгляды не соответствовали занимаемой им должности, и его убрали с поста коменданта. На следующее утро новый комендант, а им стал Шульце, начал вводить новый порядок! Нас выстроили в пять рядов перед молодым эсэсовцем, который, опираясь на трость, пристально и недружелюбно рассматривал нас. Вдруг он пронзительно прокричал: “Время, когда вы поднимали свои ленивые задницы лишь тогда, когда вам хотелось, безвозвратно ушло! Подъем и выход на переключку становятся обязательными! А маршировать вы будете, как солдаты, а не как свиньи! Понятно?!”

Комендант концлагеря.

С появлением Шульце в Залесье наступили перемены. Лагерь обнесли забором из колючей проволоки, поставили сторожевые вышки; лагерь должен был стать крепостью – и ни малейшей возможности побега! Шульце не доверял даже украинской полиции. Польская семья, жившая у околицы возле леса, была выселена, а ее дом стал частью лагеря. Шульце устроил там контору и квартиру для себя.

Любимым занятием Шульце была проверка барачков. Когда мы уходили на работу, Шульце обходил наши “хоромы”, записывая имена тех, кто по его мнению неаккуратно застелил кровать. Кроватью служили нары, сбитые из грубых досок. На них лежал тонкий слой соломы, накрытый одеялом. Над каждой кроватью была прибита дощечка с именем заключенного. Вечером несчастные “нарушители порядка” должны были являться к Шульце. Вернувшиеся – все без исключения – были сильно избиты. Не было дня, чтобы он не избил кого-то.

Однажды Шульце заметил, что голова заключенного, избитого им накануне, забинтована. “Кто перебинтовал тебе голову?” Заключенный кивнул в мою сторону. Шульце свирепо взглянул на меня: “Ты доктор?” “Нет, – ответил я, – просто студент, медик”. “Этого достаточно для паршивых жидов! Как я понимаю, ты можешь помогать и тем, у кого сломаны ноги. С этого момента я освобождаю тебя от работы на строительстве, – милостиво сказал он, – но обещаю, что у тебя не будет недостатка в работе!”»

Макс организовал нечто вроде «уголка скорой помощи» в дальнем углу барака. Шульце не препятствовал, так как это позволяло ему лучше выглядеть в глазах всяких инспекторов. «Недостатка в работе» у Макса действительно не было. Шульце был садист. Он испытывал удовольствие, избивая свои жертвы до полусмерти. Он наслаждался криками и мольбами о помощи. А после жертвы умирали от этих побоев несмотря на все усилия Макса спасти их.

Кумиром Шульце был Гитлер. Во время переключки он читал заключенным отрывки из речей «фюрера». Для тех, кто не понимал немецкий, один из заключенных должен был переводить.

Макс был свидетелем многих изуверств Шульце. Много раз он думал о том, что может убить изувера, сделав неожиданно соответствующий укол. Но что будет после этого, ему тоже было ясно: из Золочева немедленно прибудет гауптштурмфюрер и станет чинить расправу. Все заключенные лагеря заплатят своими жизнями за «драгоценную»

кровь Шульце. «Я не мог подвергнуть такой опасности Елену и всех других», – говорил Макс Визенталю.

Но тот и без него хорошо знал это: «Макс, ты не должен оправдываться, особенно передо мной! Многие выжившие упрекали себя в этом так же, как ты. Я не знаю, помнишь ли ты показания на процессе Эйхмана. Прокурор Хауснер спрашивал свидетелей снова и снова, почему они не защищали себя. И каждый объяснял свою ситуацию так же, как ты сейчас. Защитить себя значило подвергнуть опасности жизнь других. Заключенные концентрационных лагерей, были ли они немцами, австрийцами, евреями или людьми других национальностей, почти не имели возможности защищаться.

Чтобы быть абсолютно уверенными в успехе своей политики геноцида в отношении евреев, нацисты не остановились лишь на пропаганде антисемитизма, они пошли дальше. Они жестоко преследовали людей, которые относились к нам по-человечески. Таких людей ждала смерть!»

Показания Макса были бы идеальными для суда. Визенталь хорошо понимал это. Он пишет: «Взволнованный воспоминаниями, он подавлял в себе вспышки гнева и описывал страшное свое прошлое так объективно! Без сомнения, это был бы замечательный свидетель, его восприняли бы в суде весьма серьезно. Даже Вернер Шульце не смог бы отрицать свою вину при предъявлении таких убедительных обвинений. Но в чем дело? Почему все-таки Макс не хочет быть свидетелем? Этого я пока не понимал...

Чтобы поддержать Макса, я рассказывал ему о других случаях, когда мне удалось найти преступников. Я говорил о трусости этих вчерашних “героев”, которые на суде отрицали все и клялись, что они ничего не знали о преступлениях, а всю вину сваливали на ээсовцев, умерших много лет назад. Но ни один из бывших наци не испытывал ни раскаяния, ни угрызений совести. Все они, безусловно, сожалели о том, что свидетели их преступлений избежали смерти. Потом я заговорил о тех, кто выжил и кого трудно было уговорить дать показания несмотря на все мои старания. С ними я был очень терпеливым, так как вначале они вообще не хотели ничего рассказывать».

«Но бывают ситуации, из которых нет выхода, – возразил Макс. – Я связан по рукам и ногам и не вижу никакого выхода из этого положения. Абсолютно никакого! Жди и увидишь. Скоро ты все поймешь!»

Расправа над заключенными.

Макс продолжал свой рассказ: «Весна 1943 года принесла нам новые надежды. Немцы терпели поражение за поражением. Вечерами я, инженер-строитель Гершон и двое других заключенных собирались в моем уголке, обсуждали ситуацию, строили планы побега и готовились к нему. Был выбран довольно простой план побега, который, однако, не мог повредить ни Елене, ни другим заключенным.

Я должен был дать Шульце список медикаментов, совершенно необходимых мне как “лагерному доктору”, а Гершон должен был сделать такой же список необходимых для строительства инструментов и материалов. Все это было в Золочеве. Сопровождать нас должен был украинский полицейский, с которым удалось установить хорошие отношения и который знал город. Мы планировали предложить ему деньги, чтобы он сказал по возвращении, что в Золочеве эсэсовцы забрали нас несмотря на его протесты. Подобное случалось довольно часто. Когда эсэсовцам нужны были работники, они без разбору хватили людей на улице.

Самым тяжелым было объяснение с Еленой. Она наотрез отказалась оставить Мириам и бежать с нами. Но она настаивала на моем побеге: “Ты должен выжить, Макс! И я уверена, ты останешься в живых как свидетель всего этого кошмара! Пусть Б-г благословит тебя!” Накануне бегства нам удалось встретиться еще раз. Елена снова настаивала: “Макс, беги! Умоляю тебя в память о наших родителях! Пожалуйста, беги! Я требую этого!” Это были минуты нашего прощания.

План удался. На следующее утро упряжка лошадей от строительной фирмы доставила нас в Золочев. Загрузив бричку материалами и медикаментами, охранник громким голосом, чтобы его услышал возница, приказал нам сопровождать его в город, где он должен был сделать личные покупки для своего офицера. После возвращения он

объяснил, что долго ждал, так как эсэсовцы забрали его евреев для какой-то срочной работы и пообещали, что приведут их назад.

Много позже я узнал от Елены, что когда поздно вечером охранник вернулся в Залесье, и Шульце увидел, что он один, он закричал и ударил его по лицу еще до того, как тот успел открыть рот. Но украинец так правдоподобно и убедительно представил “происшедшее”, что ему все поверили. Шульце целыми днями звонил в различные офисы, но, конечно, безрезультатно. В конце концов он оставил это».

«Транспорт», рисунок Визенталя, сделанный им в концлагере.

После долгих дней блуждания по лесу, в основном ночью, беглецы встретились, наконец, с русским партизанским отрядом. В его составе, насчитывающем около ста двадцати мужчин и женщин, были русские военнопленные, которым удалось бежать, и несколько евреев.

Беглецов приняли в отряд, дали оружие. Они участвовали в операциях по разрушению немецких коммуникаций.

После соединения с частями Советской Армии и выяснения, как он попал к партизанам, Макса направили на работу в госпиталь в Ростове-на-Дону, где он пробыл до конца войны. Чтобы вернуться в Польшу, Макс написал заявление в польское посольство в Москве. Ответ получить он не успел.

Возмущенный случаями антисемитизма, свидетелем которых он стал, он во всеуслышание заявил: «Гитлер умер, но дух его, кажется, будет жить в Советской России!»

На другой день он был арестован и приговорен к пяти годам лагерей и пяти годам ссылки за антисоветскую пропаганду. Лагерный срок Макс отбывал в Иркутске; условия и порядки в лагере, по его словам, напоминали ему Залесье.

После освобождения в 1953 году он остался работать врачом в качестве вольнонаемного в иркутской больнице.

Проходили годы ссылки. Все это время Макс писал в польское посольство, в горсовет Золочева, другие инстанции, пытаясь найти Елену. Ответов он не получал.

Настали новые времена. Пришел к власти Хрущев, был осужден культ личности Сталина, начали работать реабилитационные комиссии. Макс был полностью реабилитирован и с помощью польского посольства получил разрешение на репатриацию.

В октябре 1958 года он вернулся в Польшу, вернее в Польскую Народную Республику – таким было ее новое название.

Поиски и запросы о судьбах Елены и Мириам продолжались. Но приходили только лаконичные ответы: «Не зарегистрированы». Золочев Макс, конечно, посетил, но застал там лишь пепелища, заросшие сорняками. Немцы перед отступлением сожгли лагерь дотла, а евреев забрали с собой, но никто не знал куда.

Совершенно случайно Макс встретил в Кракове школьную одноклассницу. Она ничего не знала о Елене, но дала адрес другой одноклассницы, Ванды, которая жила в Посене. Рассказывает Макс:

«Я немедленно отправился в Посен. Вначале Ванда не узнала меня. Неудивительно – после всего, что я пережил! Я так волновался, так сгорал от нетерпения, что сразу же, без всяких предисловий выпалил: “Я ищу Елену!” И услышал в ответ слова, сказанные очень просто и спокойно: “Елена жива!” Ванда объяснила, что Елена живет в Западной Германии в Касселе, откуда Ванда получает от нее новогодние поздравительные открытки. Но точного обратного адреса Елена не сообщает. Я вернулся в Варшаву полный надежд. Елена жива! Я мог найти ее!

Летом я приобрел туристическую путевку в Югославию, но все, чем я интересовался, это контакты с туристами из Западной Германии или Австрии. Мне рекомендовали одного австрийца, который за валюту взял меня с собой, и мы с ним смогли перейти австрийскую границу. Я попросил политического убежища, и меня поместили в лагерь для беженцев, недалеко от Вены. Спустя четыре недели я получил паспорт, а также деньги на билет в Кассель, которые дал мне Джойнт, организация помощи евреям. Адрес Елены я получил в адресном бюро города. Такси доставило меня по адресу. Я стоял перед ее дверью! Наконец я решил позвонить.

Дверь открылась... Передо мной стоял молодой человек. Шульце! Из нашего лагеря! Я закрыл глаза. Открыл их снова – не было никакого сомнения: это был Шульце! Он смотрел на меня вопросительно. Я стоял, окаменев, не в силах вымолвить ни слова. И вдруг из комнаты донесся голос, который я знал так хорошо! “Марк! Если это продавец, скажи ему, что нам ничего не нужно!”

Я вдруг понял, что молодой человек не мог быть тем прежним Шульце. Он слишком молод! На вид ему было лет восемнадцать.

Я услышал шаги... В глазах моих потемнело... Передо мной стояла Елена... Она плакала, бесконечно повторяя: “Макс!.. Макс...” Опять и опять!

Итак, это было наше воссоединение! После стольких лет страданий, страха и мучений я надеялся, что это будет выглядеть иначе! Заикаясь, я повторял снова и снова: “Как хорошо, что ты жива! Как хорошо!” Это все, что я мог сказать...

Но кто же этот молодой человек? Кем он был? Сходство с Шульце могло означать только одно... Он сказал “мама”... Значит, это ее сын!

“Ты замужем?” – спросил я Елену. Она спокойно ответила: “Марк и я живем вдвоем, слишком одиноко как для молодого человека, так и...” Она вдруг умолкла на середине фразы. Марк понял, что ей трудно говорить в его присутствии и, немного смущенный, вышел из комнаты. Я поведал Елене о своих мытарствах; признался, что все

эти годы не мог простить себе, что оставил ее, и как мне тяжело было жить с этими мыслями.

В ответ я услышал: “Макс, на самом деле ты никогда и не оставлял меня. Это было безжалостное время, это оно разлучило нас”».

Из рассказа Елены Макс узнал, как сложилась ее судьба после его исчезновения. Шульце стал изливать на Елену свою злобу, к тому же она нравилась ему.

Он заставил Елену переселиться в одну из комнат в его доме. Елена понимала, что это означает, и только мысль о сестре останавливала ее от самоубийства.

Шульце знал, что самое лучшее орудие воздействия на нее – это Мириам. Он изнасиловал Елену и вскоре освободил Мириам от работы на строительстве, направив на внутрилагерные работы. Теперь сестры виделись ежедневно. Что-то случилось и с самим Шульце: меньше стало избитых, он вел себя более цивилизованно... и жизнь для заключенных вдруг стала легче. Но для Елены это был ад. Она пыталась защищаться от домогательств Шульце, но бесполезно...

Его не останавливало даже то, что он мог быть осужден за сожительство с еврейкой и понести суровое наказание. Его эсэсовские судьи, наверное, не приняли бы оправдание, что он изнасиловал еврейку, когда был пьян. И у него не было алиби! Его спасло только то, что никто не решился донести на него.

Два месяца спустя Елена поняла, что беременна, и сказала об этом Шульце. Он бушевал, как сумасшедший. Она знала, что иногда он думал, не застрелить ли ее. За четыре дня до ликвидации лагеря он потребовал у Елены фотографию. Но у нее не было ни одной, кроме случайно сохранившейся на старом удостоверении личности. Шульце вырвал ее из документа и куда-то ушел. Позже он дал ей пропуск на имя польской крестьянки из села Кудринка.

За два дня до ликвидации лагеря Залесье Шульце посадил Елену в бричку, запряженную парой лошадей, и отвез в Золочев. Елена отказывалась ехать без Мириам, но Шульце грубо втолкнул ее в коляску. Сестрам даже не пришлось попрощаться! Из Золочева поезд доставил их во Львов, где Шульце посадил Елену в поезд, идущий в Краков. Она, едва понимая, что происходит, не сопротивлялась.

За колючей проволокой. Рисунок С. Визенталья.

В Кракове миссия Красного Креста, работавшая на вокзале, поместила ее в женский монастырь, где она вплоть до родов проработала уборщицей.

Елена понимала, что ее жизнь с ребенком превратится в ад. Она призналась, что в минуту отчаяния даже хотела убить его.

Она избегала евреев, так как они могли заподозрить неладное – ведь в то время почти не рождались еврейские дети. И она решила уехать из Польши и поселиться там, где никто ничего не будет знать о ней и о ее нежеланном ребенке.

Макс спросил Елену, знает ли Марк, кто был его отцом? Она побледнела и посмотрела на меня с отчаянием: «Он не должен знать, кто был его отцом! Иначе он убьет себя!» Елена призналась: чтобы уберечь Марка от страшной правды, она сочинила целую историю о его происхождении. Она сказала сыну, что отец его был евреем, что он погиб в конце войны с нацистами, когда бежал из концлагеря. Макс должен был признать, что Марк понравился ему, он был вежлив и предупредителен. Но когда он улыбался, то становился так похож на Шульце...

Елена пыталась убедить Макса, что Марк скоро уедет на учебу в Мюнхен и не будет нуждаться в ней, что она готова переехать куда угодно, только чтобы они с Максом были вместе. Напрасно. Макс считал, что до конца его дней ребенок Шульце будет напоминать ему отца – ненавистного омерзительного изверга!

Наконец он сказал Елене, что она должна и дальше жить без него, жить так, будто он умер.

«Я освободил ее, освободил навсегда! И заливаясь слезами, Елена разрешила мне уйти. Она осознала – нет больше надежды меня удержать!» – закончил Макс свой рассказ о посещении Елены. Теперь Визенталь знал причину, по которой Макс не может давать показания. Если Шульце будет привлечен к суду, жизни Елены и Марка будут разбиты. Юноша узнает, кто его отец в действительности. Шульце будет тянуть Елену в суд как свидетеля, как доказательство, что он спас жизнь еврейке. «Мои показания, – говорил Макс, – не оживят мертвых, которые на совести Шульце. Но это может погубить

живых – Елену и Марка. Это парадокс! Но их право на спокойную жизнь зависит от преступников, подобных Шульце, и от того, дадим ли мы этим негодьям возможность жить на свободе. Можно представить себе, сколько грязи будет вылито на Елену прессой! Подонки общества будут наслаждаться ее несчастьем!»

Ответ Визенталя был следующим:

«Это будет первый случай, когда я позволю преступнику, против которого у меня есть такие веские доказательства, уйти безнаказанно от правосудия! Но я хотел бы услышать от самой Елены, что она не хочет, чтобы Шульце был осужден за его преступления». И Макс дал Визенталю адрес Елены.

Из рассказа С. Визенталя о посещении Елены.

Две недели спустя я стоял у порога ее квартиры. Молодой человек открыл мне дверь, и я был поражен его сходством с тем Шульце, которого я знал по фотографии. Но я был готов к этому. Юноша вежливо приветствовал меня и добавил: «Я очень счастлив встретиться с вами. Мы, евреи, уверены в необходимости вашей работы». Слова, прозвучавшие из уст Шульце: «Мы, евреи...» Трудно поверить!

Инстинктивно я засунул руку в карман пиджака, где лежали фотографии Шульце. Марк не должен их видеть никогда. В парне не было ничего еврейского, однако он чувствовал себя евреем. Он сообщил, что Елена вышла и скоро вернется.

Чтобы сократить время ожидания, я рассказал ему все, что знал о страданиях евреев из Касселя. Марк слушал меня очень внимательно. Мне было больно за него. Он хотел стать членом еврейского общества. И даже предложил мне помощь.

– Я должен сделать это в память о моем отце, боровшемся с нацистами и убитом ими. Что я могу сделать для него и для наших людей, господин Визенталь? Поручите мне какую-нибудь работу, хотя бы попробуйте меня! Я уверен, вы будете довольны мной.

Я поблагодарил его. Елена появилась в комнате бесшумно, мы даже не заметили, как она вошла. Она поздоровалась со мной, и я не смог удержаться от восклицания:

– Елена, вы выглядите так молодо! Никто не поверит, что у вас взрослый сын!

Она попросила Марка оставить нас наедине. Когда он вышел, я обратился к Елене:

– Я хочу просить... нет, я умоляю вас быть сильной и отважной. Я должен сообщить вам что-то, что потрясет и расстроит вас. Шульце жив.

Она пошатнулась, схватилась за спинку стула, чтобы не упасть.

– Что?.. – запинаясь, спросила она. – Скажите, где его найти? Я убью его! Час его смерти давно пробил.

– Нет, Елена! – умолял я. – Вы не должны этого делать, я не позволю! В мире есть только один человек, который значит что-либо для Марка – это вы! Ради него – не делайте ничего, о чем будете потом жалеть.

Я продолжал говорить, взывая к ее материнскому чувству, пока она в какой-то мере не успокоилась. Мы перешли на «ты». Она спросила:

– Может, ты хочешь спросить, почему я родила ребенка от преступника? Я часто сама себе задавала этот вопрос, когда подходило время родов. Но все во мне было против аборта. Ведь все случившееся не было виной маленького существа, растущего во мне. Конечно, я могла отдать ребенка в приют для сирот, но ведь это был мой ребенок! Я – его мать! Мальчик только внешне похож на Шульце. Вырос очень хороший человек – сострадающий, внимательный, деликатный, нежный и любящий. В нем нет ничего от его отца, ничего!

Елена продолжала:

– Марк убежден, что память о преступлениях нацистов должна жить. Больше того, он считает, что за зверства должно быть возмездие! Он настаивает, имея в виду евреев, что наши люди никогда не должны забывать об этом! По еврейскому закону он – еврей, так как его мать еврейка. Так почему он должен считать себя одним из тех? Как бы то ни было, он полностью отождествляет себя с еврейством.

– Ты, вероятно, хотел бы знать, – спросила она, – почему я приехала в Германию. Это произошло случайно. Я с ребенком покинула Польшу в 1948 году на нелегальном транспорте одной из организаций. Нас привезли в Германию и поместили в лагере для беженцев Форвалде, недалеко от Мюнхена. Я переводила документы беженцев с русского и польского на английский. Через некоторое время мне предложили работу переводчика в американском военном бюро в Ульме. После ликвидации бюро мне предложили работу в Касселе, и я переехала сюда. Я сдала несколько экзаменов на курсах русского языка и сейчас работаю как дипломированный переводчик. Материально у меня все в порядке.

Я перешел к главному.

– Елена, теперь все зависит от тебя, будет ли Шульце на свободе наслаждаться жизнью, которую он построил на лжи. Хочешь ли ты, чтобы он остался безнаказанным, или я сделаю все, чтобы воздать ему по справедливости.

Ответ и доводы Елены Были аналогичны высказанным ранее Максом:

– Я не могу дать показания против Шульце в суде. Тогда сразу станет ясно, что он – отец моего ребенка. Он даже может попытаться отобрать у меня Марка. И, конечно, он может выиграть суд! Для Марка это будет смертный приговор! Газеты поднимут большой шум, сделают сенсацию из этой истории. Я уже вижу заголовки в газетах: «Эсэсовец спасает жизнь еврейки!» Или еще лучше: «Еврейка разоблачена как немецкая проститутка!» Кто выиграет от этого? Правосудие?

Но справедливо ли, если в результате будет разбита безвинная жизнь моего мальчика?

Я не мог не согласиться с доводами Макса и Елены. Они были правы. И я сказал Елене то же, что и ранее Максусу:

– Елена, Вернер Шульце – это единственный преступник, которому я позволю уйти от правосудия. Не беспокойся! Обещаю тебе, я не стану преследовать его!

Я достал досье Шульце из моего портфеля и стал рвать бумаги и фотографии. Елена помогала мне. Она сказала, что у нее есть еще одна просьба, но я ее опередил:

– Я напишу Максусу, что решение принято – дело Шульце закончено и что главный свидетель – замечательная женщина!

Елена обняла меня, и я поцеловал ее. Позднее она проводила меня на вокзал.

Как-то Петр, мой ассистент, поинтересовался, что случилось с досье Шульце.

– Это безнадежное дело, – ответил я ему. И из предосторожности я вытащил учетную карточку Шульце из нашего архива и уничтожил ее.

В «Эпилоге» повести С. Визенталь пишет:

«Вернер Шульце мертв! Он мчался по обледенелому автобану недалеко от Аусбурга, его автомобиль потерял управление и врезался в грузовик. Шофер был легко ранен, а Шульце, сидевший рядом, скончался на месте. Сделав копии некрологов, я выслал их Елене и Максусу без комментариев. От Макса пришло письмо с одним единственным словом: “Спасибо”. Елена написала, что она опять уверовала в Б-га и его справедливость.

Через три года после описанного события я на несколько дней приехал в Мюнхен, и был приглашен на выпускной вечер медицинского института. Марк был в числе выпускников, и Елена тоже была там. Я не мог узнать Марка, и Елена помогла мне: – Видишь ли ты молодого человека с бородой? Третий справа, с длинными волосами, рыжеватый блондин. Это Марк! Ох уж эта современная молодежная мода! Я, наверное, единственная мать в Германии, которая счастлива, что ее сын так выглядит!

Марк познакомил меня со своей невестой. Они все трое улетали в Торонто, где должна была быть свадьба. После свадьбы молодые останутся в Канаде, Елена вернется домой. Меня пригласили на торжественный ужин. Перед уходом я деликатно сказал Елене:

– Когда вернешься из Торонто, напиши ему! Немного! Всего несколько слов: “Макс, я теперь одна!..”».

Этими словами заканчивается повесть.

В том же упомянутом номере «Лехаим» помещено интервью с Д. Голдхагеном, автором книги «Добровольные гитлеровские палачи», изданной в ФРГ и Франции в 1997 году.

«Холокост может произойти при наличии государственного аппарата, который его организует», – говорит Голдхаген.

В лагере «Залесье», как и в тысячах подобных лагерей, такая организация была проведена путем простой смены коменданта. Балке, который сочувствовал заключенным и стремился сделать их жизнь более или менее сносной, именно за это был снят со своего поста и заменен изувером Шульце, хорошо понимавшим и свое предназначение, и свою безнаказанность. Надо полагать, что все коменданты концлагерей знали циркуляр вермахта от 12 декабря 1942 года: «Войска могут в этой войне применять без сожаления все средства против женщин и детей, если это ведет к успеху».

Казалось бы, если нацисты считали, что выполняют святую миссию, избавляя мир от евреев, то и на плаху они должны были идти с высоко поднятой головой как борцы за правое дело. Однако ничего подобного не происходило. Наоборот!

Визенталь не раз подчеркивает в книге, что, если бы Шульце предстал перед судом, он, как и тысячи других «Шульце», отрицал бы свою вину, ссылаясь на «выполнение приказа». Чтобы замести следы своих преступлений, они уничтожали свидетелей, документы и целые лагеря, предавали своих начальников и друг друга. Убедительные примеры трусости и подлости бывших «героев» приводят Визенталь, Голдхаген, Эренбург, многие другие авторы.

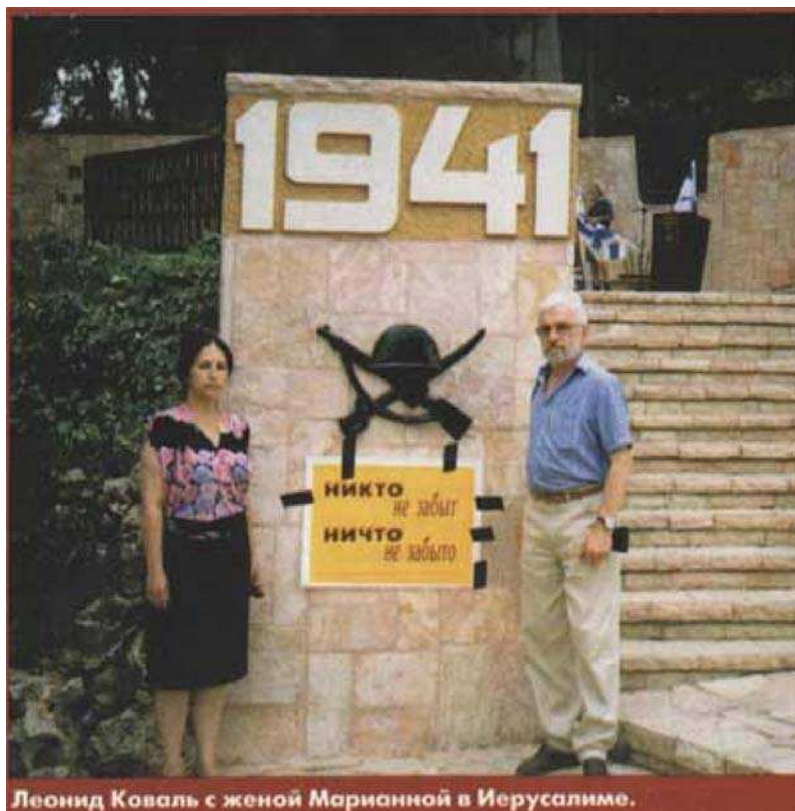
Фашизм изуродовал психологию немцев. Он угрожает и сегодня. Книга «Макс и Елена» – еще одно предупреждение против угрозы фашизма.

ГЛАВНОЕ - НЕ ПРЕДАВАТЬ СЕБЯ

Ááðüÿ Êîñðæíáÿ

5 ФЕВРАЛЯ 2001 ГОДА НАШЕМУ АВТОРУ ЛЕОНИДУ КОВАЛЮ
ИСПОЛНИЛОСЬ 75 ЛЕТ

Несколько лет назад латвийская телезвезда Ирина Винник вела «Встречу на улице Марунео, которая называлась «Хранитель». Ее голос за кадром читал: «Свой кусок хлеба я получил от Всевышнего в городе Бобруйске, на инвалидной улице, в старом деревянном доме, окруженном таким же старым садом, в котором росли слущкие беры — сладчайший сорт груши, и винные яблоки сорта «добрый крестьянин», и царь яблок — антоновка... Сегодня нет больше ни дома, ни сада одна только дикая груша пережила войну...». Эти строки из автобиографического романа «Корни дикой груши» писателя, журналиста, поэта, драматурга Леонида Иосифовича Ковалья. Многие десятилетия живет он в Латвии, но разве можно забыть первую землю, на которой ходил!

Леонид Коваль с женой Марианной в Иерусалиме.

У его поколения была особая судьба — предвоенное детство, война, эвакуация... Как и многие его сверстники, Леонид Коваль юношей ушел добровольцем на фронт, отказавшись от брони студента медицинского института. А после Победы был университет — теперь уже факультет журналистики.

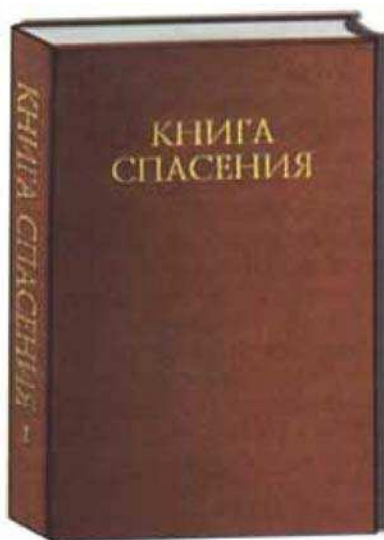
Сорок лет Леонид Коваль отдал своему ремеслу - журналистике, причем самой беспокойной, ищущей, проблемной, набивающей шишки. В начале 70-х годов он, редактор многотиражки авиационного института, не побоялся вступить в конфликт с могущественным Комитетом госбезопасности Латвийской ССР, с партийным комитетом

вуза, отличавшегося воинствующим антисемитизмом... А потом, когда определилась главная тема творчества, имел смелость говорить и писать о том, о чем говорить и писать в те времена было не принято да и небезопасно.

Отделить человеческую судьбу Леонида Ковалья от писательской давно уже невозможно. Когда совесть, честь неразрывно связаны со словом и поступком, натура деятельна и история, ежесекундно творящаяся вокруг, до краев наполняет судьбу, человеку есть что сказать потомкам!

Коротко о деятельности. В 1988 году Леонид Коваль стал одним из организаторов Латвийского общества еврейской культуры. Через год он организовал и возглавил первое в СССР Общество бывших узников гетто. В 1992 году в Юрмале появилась первая в истории города еврейская община, ее организатором и председателем стал тот же Леонид Коваль. А ныне он возглавляет и Международное общество истории гетто и геноцида евреев. Помощь людям - его кредо и как человека, и как писателя.

Творчество Леонид Коваль считает наградой свыше. Автор более десятка книг и несметного количества статей, стихов, первого в послевоенное время реквиема «Колокола Холокоста», пьесы «Покаяние, или Полет над бездной», идущей в Рижском театре русской драмы, и многих других замечательных работ, он всегда был неудобен для властей предрежащих, для любой «системы». Что бы то ни было, главное — не предавать себя, считает он.

Главная книга жизни

И вот пример его стойкости. 1970-й. После победы рижской команды КВН, в которую входили ребята из общественной редакции авиационного со своим редактором, секретарь парткома института предложил Леониду Ковалью уволиться с работы.

- Мы не можем вам доверять. По национальному признаку, — с «партийной прямотой» резанул парторг.

- Кто это - «мы»? — почти наивно переспросил редактор.

- Члены Коммунистической партии Советского Союза! — был ответ.

- А я подумал, национал-социалистической партии, — пожал плечами Коваль. — Так что мне придется воевать с фашистами.

И он начал этот бой — в те застойные времена. Один. И выиграл! Парторг и поддерживающий его ректор полетели с насиженных кресел. Замы, пришедшие им на смену и решившие взять реванш, тоже оказались без работы. Леонид Коваль не шел на компромиссы в этой неравной борьбе. А ведь его противники были номенклатурой ЦК... В январе 1991-го в Риге вместе с Анатолием Приставкиным он был на баррикадах. Как там у Высоцкого: «Поэты ходят пятками по лезвию ножа и режут в кровь свои босые души...».

В Латвии Леонид Коваль первым во весь голос заговорил и стал писать о трагедии второй мировой войны - Катастрофе. Сегодня в творческом багаже писателя около десятка книг на эту кровотокающую тему. Это романы «Корни дикой груши», «Стон», повести «Восставший узник», «Спасенная», «Заложник гестапо», а главная книга его жизни, как считает писатель, — это «Книга Спасения», принесшая, как и его романы, автору мировую известность. Презентация этой книги прошла в Украине, Белоруссии, Германии, США, Израиле, Франции, Австралии. А вот в Латвии презентации не было...

Сейчас выходит в свет новая книга Леонида Ковалея - «Книга Спасителей». Это очередной том к задуманной автором документально-художественно-публицистической трилогии, на которую ушло десять лет. Уникальная во всех отношениях работа рассказывает о судьбе праведников из Латвии, Литвы, Белоруссии, Украины, протянувших руку спасения обреченным на смерть евреям. Увы, у немецкого маньяка есть поклонники и в современной жизни...

«Тот, кто судит о человеке по его этническому происхождению, прежде всего враг собственного народа, ибо предлагает ему путь к деградации», - пишет Леонид Коваль. И еще:

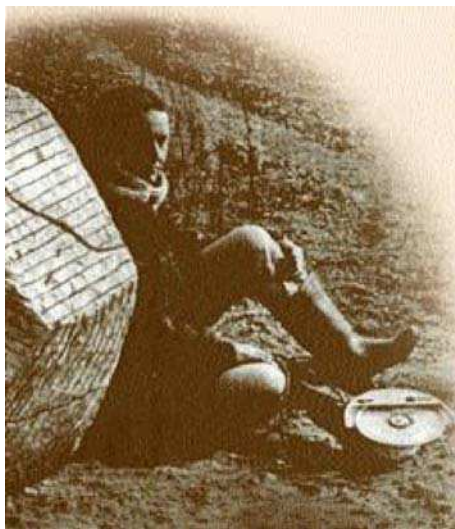
«Мудрость — это боль души. А душа болит потому, что в ней оседает соль, на которой замешан хлеб нашей жизни».

Из последних книг писателя, наряду со сборником стихов «Вечерний город детства», хочется выделить книгу философских размышлений «Часы Любви». Цитата из нее будет хорошим завершающим штрихом к этому скромному наброску портрета Леонида Ковалея: «...А люди вступают со Всевышним в спор, стремясь подчинить себе Его время. И все делают не вовремя. И постоянно ошибаются, и попадают впросак — вместо мира прибегают к войнам, вместо Любви проповедуют ненависть. И льется кровь... Когда люди поймут, что время — Б-жественная Ценность, они создадут Часы Любви, которые будут показывать Время истинное, Время Мира и Терпения, Время Надежды и Любви — для всех людей, независимо от их национальной принадлежности. И тогда придет Мессия».

ДЕРЕВО И КАМЕНЬ

Аадоо І аїеаі

Дерево на камне – эта композиция стала не только символом израильской природы, но и всей израильской жизни: глубоко и трудно укоренившаяся в каменистой почве живая плоть... Островки зелени на массивных желтоватых скалах, живой шум листвы над библейскими камнями, которыми облицовывают иерусалимские дома, обломками которых заряжают ветхозаветные пращи.

Издревле камень служил людям в этих местах исходным материалом для великого множества дел – подходящее дерево обходилось куда дороже. Великий Храм был построен из камня и ливанского кедра. Сочетание дерева и камня являлось признаком хорошего вкуса и немалых материальных возможностей.

Современная израильская культура отчасти унаследовала от древнееврейского общества эту традицию. Фигуративная скульптура – редкое явление на Святой земле: заповедь «Не создай себе кумира» жива в крови народа, и скульптурное изображение царя или воина верхом на животном на городской площади оскорбило бы чувства религиозного еврея. На заре веков евреи шли на смерть, протестуя против водружения мраморных или металлических предметов поклонения – греческих и римских статуй. И сегодняшний городской интерьер подобран из нефигуративных скульптур, условных, а не реалистических изображений.

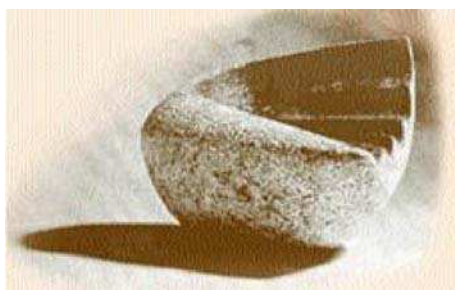
Впрочем, есть и исключения. На лесном холме под Хайфой вот уже почти век сидит на медной лошади медный Александр Зайд с ружьем – знаменитый русский еврей, охранявший первых еврейских поселенцев от арабских разбойников. Перед рамат-ганским музеем, в зеленых зарослях, одиноко стоит бронзовый Авраам Линкольн – американский подарок. Лобастая голова Бен-Гуриона украшает зал международного аэропорта, названного в честь этого великого еврея. Вот, пожалуй, и все... Хотя в залах и скульптурных парках музеев посетители, разумеется, могут познакомиться с работами знаменитых скульпторов всех времен и народов. Таким образом соблюдаются права и интересы граждан страны: на улицах и площадях религиозные люди не сталкиваются «лицом к лицу» с фигуративными изображениями, а богатейшие музейные собрания открыты тем, кто хочет с ними познакомиться.

Среди современных израильских скульпторов одно из первых мест занимает Тania Премингер, репатриировавшаяся из Советского Союза в середине 70-х годов. Она приехала в Израиль профессиональным скульптором, выпускницей Московского высшего художественного училища имени Сурикова. Прежде чем стать признанным мастером израильского искусства, молодая художница прошла довольно сложный, крутой путь: семья поселилась на берегу моря, в синайском городе Ямит, в скором времени разрушенном и снесенном под корень в ходе израильского отступления из Синая и передачи этого полуострова Египту в обмен на мирный договор. Муж Тани, журналист Осип Премингер, сменивший в Израиле профессию и занявшийся столярным делом, говорил: «В Советском Союзе я страдал от антисемитизма, в Тель-Авиве – от снобизма. Синайский Ямит – место, где я сполна чувствую себя свободным и независимым человеком». Общенациональная известность пришла к Осипу еще до того, как сделалась знаменитой Тания: Премингер стал символом разрушаемого Ямита. Он был последним, кто вслед за полными драматизма стычками с властями покинул этот красивейший город-оазис, он замыкал шествие изгнанников. Телевидение разнесло по всей стране бравшую за душу картинку: русский еврей Осип Премингер, большой и сильный, с мощными руками рабочего человека и глазами страдальца, шагает по песку синайской пустыни. Новый еврейский изгнанник, новый еврейский беженец... Но не только это потрясло израильтян, прильнувших к экранам своих телевизоров. Премингер отказался от миллионной компенсации, предложенной ему властями за разрушенный дом и «моральный ущерб». «Не я один ухожу из Ямита, – сказал Осип. – Весь Израиль уходит из Ямита. И если уж платить – то всем...»

Спустя несколько лет семья Премингер обосновалась неподалеку от Нетании. Здесь мастерская Осипа, здесь студия Тани. Отсюда ее удивительные скульптурные работы, нередко сочетающие в себе элементы русского дерева и израильского камня, отправляются на выставки во все концы света. Одних персональных выставок у Тани Премингер насчитывается двадцать, а число коллективных выставок перевалило за сорок. Ее трижды премировали в Италии, первые премии достались ей в Турции и на Тайване.

Одним из наиболее интересных событий прошлого года явился Первый международный культурный форум женщин Средиземноморья. Форум проходил на острове Родос с 6 по 10 сентября, на нем были представлены прекрасные представительницы творческих профессий из стран региона – Франции и Албании, Израиля и Италии, Буркина-Фасо и Югославии, Иордании и Турции.

«На Родос нас отправилось шестеро, – рассказывает Таня Премингер, – поскольку приглашены были представители шести направлений художественного творчества: живописи, скульптуры, поэзии, фотографии, кинодокументалистики и журналистики. Сам Форум состоял из двух условных частей: с одной стороны – доклады, выступления, дискуссии, а с другой – выставки и просмотры работ, демонстрации фильмов и литературные встречи».

Одна из целей первого Форума заключалась в том, чтобы определить роль женщины в культурном процессе Средиземноморского региона с его блистательным античным прошлым и богатейшими традициями в области искусства. Свободное, раскованное общение участниц – представительниц стран с различными социальными и политическими системами – также было предусмотрено организаторами. Первый блин, по словам Тани Премингер, не вышел комом: приятельские и деловые контакты были установлены, допущенные недочеты и оплошности – отмечены. Помимо приятных воспоминаний родосская встреча оставила уверенность в том, что Хранительница Очага в наше время и в искусстве может дать фору мужчине – не всегда, но хотя бы время от времени...

А Таня, вернувшись домой, готовится к новой большой выставке, на которой будут представлены ее новые работы, сочетающие мягкость и пластичность русского дерева с мощностью и угловатостью израильского камня. Камень здесь всегда под рукой, а деревом жену щедро обеспечивает Осип.

О ВЕЛИКОМ ГЕНРИХЕ И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ

Beit Eitzaim

То, что он был великий поэт Германии, знает весь мир, и тут нельзя ничего прибавить или убавить, как в Священном Писании. Генрих Гейне, в детстве до принятия лютеранства носивший имя «Гарри», по некоторым свидетельствам, как например Густава Карпелиса и Эмиля Францога, родился в один год с Пушкиным, но другие, более поздние его биографы утверждают, что произошло это на два года раньше...

Теперь я хочу сделать небольшое отступление и напомнить, что история евреев, исполненная трагизма, единственная в своем роде. А, может, и вправду был на то Б-жий промысел? Я не раз думал о том, что народ, даровавший человечеству Книгу Книг, в своем двухтысячелетнем рассеянии создал многие немеркнущие шедевры литературы, философии и науки на языках тех народов, среди которых пребывал, если перевести на современное понятие, в ипостаси беженцев. Природа наградила евреев уникальной восприимчивостью. И в своих хрониках, летописях, исследованиях они сами утверждают, что после разрушения римлянами второго Иерусалимского Храма, языки аборигенов в разных странах Востока и Запада стали для них родными. Так, в статье «Арабско-еврейская литература» («Еврейская энциклопедия», Брокгауз и Ефрон) мы читаем: «Наиболее ранние произведения арабско-еврейской литературы ничем не отличаются от чисто арабской – они лишены малейшего отпечатка еврейской индивидуальности». Подобные признания говорят о том, что потомки библейских праотцев в своем мировоззрении не испытывали тщеславного чувства национальной исключительности. Правда, было изречено: «Евреи – народ Книги», но это сказал не поборник Б-га Израилева, а пророк Мухамед. Уже Иосиф Флавий, один из предводителей освободительной войны против римлян, а впоследствии сотрудничавший с ними, написал свою «Иудейскую войну» на греческом языке. Первой еврейской поэтессой, сочинявшей по-арабски, была Сарра из племени Бану-Курайдза, родом из Медины. Прославился как поэт во времена Магомеда и ее единоплеменник Аль Раби ибн-Абдул Хукайк. В одной из

его поэм есть, к примеру, такая восточная сентенция: «От каждой болезни существует лекарство, только глупость неизлечима».

Перечислить всех еврейских стихотворцев, что писали по-арабски и на других языках, не представляется возможным, ибо число их велико. Иные из них оказали звездную честь мировой литературе, как например гениальный Иегуда Галеви, чье имя по-арабски звучало Адуль-Хасан Аль Лави. Тончайший лирик, король испанских поэтов средневековья, он родился в Толедо в 1085 году и писал не только на древнееврейском, но и на арабском и кастильском языках. По образованию врач, в молодости воспевавший женщин, вино, радости жизни, яркий последователь Эпикура, он с годами проникся национальной идеей возвращения к родословным истокам. Под его пером ожили образы великих предков – Авраама, Моисея, Соломона и других библейских пророков и царей. Когда Галеви охватило страстное желание отправиться на Землю обетованную, в городах Испании, через которые следовал паломник, его восторженно встречали толпы поклонников. Во время путешествия на Восток он написал свои наиболее зрелые, обессмертившие его имя произведения, в том числе и знаменитую «Сиониду», которая и поныне читается во всех синагогах в день 9 Ава (День поста и траура в память двукратного падения Иерусалима и разрушения Храма). Мечта Галеви сбылась: он достиг Иерусалима. И трогательная народная легенда повествует, что, пропев свою благоговейную песнь «Граду Сиона», Иегуда Галеви погиб под копытами коня сарацинского всадника. Он был оплакан современниками и, пережив века, остался почитаем на Олимпе поэзии. Дань уважения ему воздали и поэты будущих веков, в том числе Гёте и Гейне. Последний воспел его в стихах.

Первозванным гением еврейской философской мысли, как считал Гейне, являлся непревзойденный Маймонид. И в просвещенные века не увяли лавры его. Именовался он рабби Моисей бен Маймон, а по-арабски звался Абу Амрам Муза бен Маймун ибн Абдалла. Родился он в Кордове в 1135 году, умер в Каире в 1204 году. Промыслом Б-жым соединил в себе Маймонид великие познания философской умудренности, математики, астрономии и медицины. Будучи последователем Аристотеля, он первым смог систематизировать в стройную закономерность хаотические нагромождения талмудической литературы. Вершиной любомудрия и поныне остается его венценосный труд «Наставник колеблющихся». Это творение провидческого разума высоко ценилось не только евреями, но и магометанами и христианскими проницателями истины, такими как Альберт Великий и Фома Аквинский. Эта книга с арабского оригинала еще при жизни Маймонида была переведена на многие языки. К сказанному могу лишь добавить, что Маймонид был доверенным хранителем здоровья султана египетского Саладина, но отклонил предложение быть лекарем короля франков Ричарда Львиное Сердце. Во славу Маймонида даже родилась пословица: «От Моисея до Моисея не было никого подобного Моисею».

Но давайте вернемся к Генриху Гейне – бесподобному национальному поэту Германии. Воистину чудо: выходец из ортодоксальной еврейской семьи – он стал самодержцем вдохновенного немецкого глагола. Его отцом был Самсон Гейне, во времена французской революции интендант при ганноверском принце, а в пору наполеоновских войн – офицер гражданской гвардии. Занимался он и торговлей текстилем. Человек увлекающийся, в меру легкомысленный, но честный и благородный. Генрих всегда испытывал чувство глубокой привязанности к отцу. Мать поэта – Бетти, урожденная ван Гельдерн, была женщина широко образованная, воспитанная на идеях свободолюбия, и имела твердый характер.

И нет ничего удивительного, что Генрих Гейне восторгался Наполеоном и был в дружественных отношениях с Карлом Марксом. Независимость являлась не только наследственной чертой поэта, но и сутью его мировоззрения. Не поэтому ли в статье о Лютере он не преминул заметить, что слово «Свобода» со времени Исхода из египетского плена звучит с еврейским акцентом.

До чего же упоительна его первая книжка стихов «Книга песен», вышедшая в 1827 году. Романтически крылатая, исполненная жизнелюбия, фольклорной прелести, чувственных откровений, явилась она в одеянии Золушки: серая бумага, простенькая обложка. Никто не предрекал ей оглушительного успеха. К тому же за изданный томик автор не получил ни пфеннига гонорара от издателя Юлиуса Кампе. Последний не жаловал стихов, и только потому, что Гейне задолжал ему пятьдесят луидоров, на возвращение которых он уже не надеялся, Кампе снизошел к просьбе поэта безвозмездно издать его книгу. Книготорговец при этом оговорил себе право на дальнейшие ее издания. 5000 экземпляров книги неплохо расходились, и за десять лет, обретя поклонников, книга из Золушки превратилась в Принцессу. Она издавалась много раз и принесла солидный доход Юлиусу Кампе. Такие стихи из этой книги, как «Гренадеры», «Валтасар» и баллада «Лорелея», сделались шедеврами мировой лирики. Даже когда пришли в Германию к власти нацисты и на имя Гейне было наложено табу, его «Лорелея» перепечатывалась в немецких антологиях как «безымянная народная песня». Стихи из «Книги песен» вдохновили многих выдающихся композиторов. Музыку на гейновские «песни» создали Шуберт, Лист, Шуман, Григ, а в России – Чайковский, Римский-Корсаков, Рахманинов, Бородин и другие.

Факсимиле письма Иегуды Галеви.

Наверно, лучшими годами жизни поэта были годы, проведенные им во Франции. Он обожал галльскую веселость, раскрепощенность суждений парижских друзей, отзывчивую легкость общения с ними.

Когда говорят о лириках, я вспоминаю Генриха Гейне, когда говорят о сатире, я вспоминаю опять же его. «Германия. Зимняя сказка», «Путевые картины», «Атта-Тролл» – разве эти книги Гейне не равняют его с Сервантесом и Свифтом? Его балагурство сквозь слезы всегда впечатляет. Вот открываю «Путешествие по Гарцу» и читаю такие строки: «Я думаю, что Г-сподь сотворил скот из тех соображений, что мясной суп укрепляет человеческие мышцы; что ослы были сотворены на тот предмет, чтобы служить в качестве сравнений; и что, наконец, человек был сотворен именно для того, чтобы хлебать мясной навар и знать, что он не осел».

Недавно собралась у меня небольшая компания друзей, и мы устроили себе праздник: стали читать по кругу «Еврейские мелодии» из третьей части «Романсеро». И все захохотали, когда зазвучали строки гейневского «Диспута», где капуцины, уверенные в своей победе, уже тащат купели, чтоб окрестить евреев, а те точат ножи, чтоб обрезать капуцинов... Забавная история.

На этом потешном сюжете мне бы и закончить вольные заметки о Генрихе Гейне, да вот не терпится дополнить их малоизвестными сведениями о некоторых личностях, бывших в родстве с ним. Тем более и статью свою я предусмотрительно озаглавил: «О Великом Генрихе и не только о нем»...

Кузеном Генриха Гейне был Герман Шифф (Давид-Бер Шифф). Герман, натура увлекающаяся, проявил себя в разнообразных ипостасях: журналист, балетный танцор, музыкант, драматический лицедей, учитель фехтования, переписчик нот. Но, главное, он был плодовитым автором, явившим публике ряд своеобразных произведений. Его романы, повести, рассказы, такие как «Еврейские новеллы», «Кошерный дом», «Сто одна суббота», повесть из русской жизни «Варенька, или Красная корчма» и другие сочинения привлекали к себе заинтересованное внимание книголюбителей. Написал он и исследование о Генрихе Гейне под названием «О Гейне и новом течении в еврействе». И надо отметить, что Великий поэт благосклонно относился к сочинительству своего младшего двоюродного брата. Так, в письме к матери от 9 июля 1851 года он сообщал: «Этот Шифф написал “Воздушные замки”, не значившиеся в каталоге, но которые мне очень бы хотелось прочесть. Все, что он пишет... хорошо в высшей степени...» Такая похвала из уст Генриха Гейне немало значит. К сожалению, Шифф страдал пагубным пристрастием к вину. Это его погубило...

В роду Гейне были и аристократки. И как тут не вспомнить одну курьезную любовную историю. Ученый мореплаватель князь Альберт Монакский развелся в 1880 году с первой своей супругой, дочерью герцога Гамильтона, графиней Фестетикс и через десять лет обвенчался с вдовой герцога де Ришелье, Марией-Алисой Гейне. Отец этой дамы Микаэль Гейне был родственником Соломона и Генриха Гейне. Прославленный исследователь морских пучин князь Альберт оказался плохим провидцем глубин женского сердца, ибо через год после женитьбы пришлось этому морскому волку расстаться с Марией-Алисой Гейне, отличавшейся непринужденностью характера...

Страница книги Маймонида «Наставник колеблющихся».

Барселона. 1347–1348 годы.

Хочу напомнить также о младшем родном брате Генриха Гейне, Максимилиане. Его судьба по-своему интересна и примечательна. Окончив мюнхенский университет, он долгие годы был военным хирургом в русской армии и принимал непосредственное участие в знаменитом походе фельдмаршала Ивана Дибича в 1830 году через Балканы, а также участвовал в польском походе. После окончания военных баталий поселился в Петербурге и занимал должность главного хирурга в военном госпитале. Выйдя в отставку в чине статского советника, был одним из основателей первого медицинского журнала в России на немецком языке, который издавался в течение 15 лет. Максимилиан Гейне опубликовал ряд медико-исторических исследований, и в частности описания одесской чумы, как один из участников борьбы с ней. А.А. Пирогов очень похвально оценивал деятельность Максимилиана Гейне. Но Максимилиан Гейне не только известен фундаментальными научными трудами. Живя в России, он отдал заметную дань изящной словесности. Его беллетристика очень живая. Изображенные им русские нравы и картины быта в таких книгах, как «Петербургские письма», «Чудо Ладожского озера», «Картинки из Турции», «Стихи», оставляют очень приятное впечатление. Вернувшись в Германию, он в 1886 году издал «Воспоминание о Генрихе Гейне и его семье»...

И раз уж я затронул тему России, то напомню, что стихи Генриха Гейне переводили многие крупные поэты: от его современников – Лермонтова, Тютчева, А.К. Толстого, Аполлона Григорьева, Мея и до более поздних поэтов М.Л. Михайлова, Иннокентия Анненского, Блока, Вайнберга, Маршака...

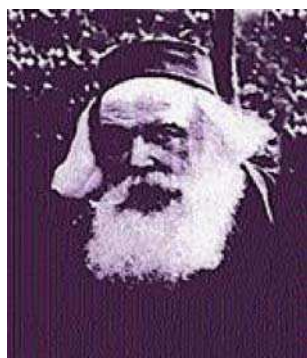
Генрих Гейне умер после тяжелых страданий в 1856 году политическим изгнанником в Париже. Он был похоронен на кладбище Монмартр. Среди других в последний путь его провожали Теофиль Готье и Александр Дюма.

Что скрывать, немало острых слов поэт изрек по адресу евреев. Евреи любят это делать. Но вот читаем в его «Признаниях», что написаны в зрелом возрасте с гордостью и убеждением: «Теперь я вижу, что греки были только прекрасными юношами, тогда как евреи всегда являются мужчинами, сильными, непреклонными мужчинами, и не только в области прошлого, но и по нынешний день, несмотря на восемнадцать веков преследований и бедствий. Теперь я научился вернее их понимать и ценить, и не считай я всякую родовую гордость глупым противоречием, я гордился бы тем, что мои предки происходят из благородного дома Израиля, что я потомок тех мучеников, которые дали миру Б-га и нравственность, которые во всякой идейной борьбе выступали борцами и страдальцами».

«ТОТ САМЫЙ» НИЛУС – И ДРУГИЕ...

Наאאא אאאאאא

Мне довелось несколько лет подряд проработать в интереснейшем израильском академическом учреждении – исследовательском Центре восточно-европейского еврейства при Иерусалимском университете. Созданный усилиями покойного профессора Шмуэля Эттингера и расположившийся в цокольном этаже одного из университетских зданий, Центр неофициально так и назывался – «подвал Эттингера». Одной из жемчужин Центра была богатейшая библиотека, где я и проводил свое рабочее время, сидя в закутке-боксе за гигантским столом, заваленным журналами и книгами. Сослуживцы, не лишённые чувства юмора, так меня и прозвали – в шутку, конечно: «столоначальник».

Над моим столом красовались плакаты поучительно-легкомысленного содержания: «Книга – вместо водки», «Слово – мельхиор, а молчание – дутое золото». Не последнее место на стене занимала художественно выполненная цитата из Шмакова: «Или вот ещё “русская скульптура”. Кто её творцы? Антокольский, Гинзбург, Аронсон, Бернштам, Синаев-Бернштейн... Русскому человеку хоть с моста в воду». Подборку венчало меткое замечание в мой адрес: «Каждый Савка – кузнец своего несчастья».

Чуть в стороне, на видном месте, висел портрет благообразного старца с роскошной бородой и шишковатым сократовским лбом. Глядя на портрет, посетители дивились: «Зачем тебе, Савва, понадобился тут Карл Маркс?» «Это не Карл Маркс, – давал я справку, – это Сергей Нилус». Двойником бородатого автора «Коммунистического манифеста», действительно, был не менее бородатый редактор и издатель манифеста антисемитов – «Протоколов Сионских мудрецов».

О Сергее Нилусе написано куда больше слов, чем те, из которых составлены сами «протоколы». А что известно о биографии семьи Нилусов, об атмосфере, царившей среди не столь многочисленных представителей этой редкой фамилии? На этот вопрос я и постараюсь ответить.

Этимология слова «Нилус», вероятно, восходит к древнегреческому названию реки Нил. Возможно, и имя «Нил» (например, Нил Сорский) производное от «Нилус». Граф А. дю-Шайла утверждал со слов самого Сергея Александровича, «героя» этих заметок, что род русских Нилусов происходит от военнопленного шведа, попавшего в плен во время русско-шведской войны при Петре Великом. Полтавская битва подарила России немало людей, чьи семена взошли впоследствии действительно ярким цветом: генералы Армфельдт и Бистром, фельдмаршал Маннергейм, адмиралы Вильгельмс

Адлерстолле и Иван Крузенштерн, путешественники, генералы и знатоки истории искусства бароны Врангели.

Æáàò ý í à ðáññé. Í íé ñíí ðáññéé

í àðáí ú

В а́нòú í ðáññéááí úé. В ááí ééíí í àðáí!

говорит поэт Леонид Мартынов в стихотворении «Пленный швед» устами одного из шведских солдат, плененных русскими.

Примерно то же самое мог бы сказать о себе отец будущего издателя «Протоколов Сионских мудрецов» титулярный советник Александр Петрович Нилус, владевший в Мценском уезде имением и двумя сотнями крепостных: «Женат я на русской». Мать знаменитого антисемита ведет свое происхождение от Малюты Скуратова; отсюда, возможно, безоговорочное преклонение Нилуса перед русской стариной, славословия в адрес свирепого Иоанна Грозного и защита крепостного права как государственной институции. Некоторые исследователи видят в такой фанатичной приверженности Нилуса неоднозначным, а то и сомнительным ценностям отклонение от психических норм. Родство с кровожадным Малютой, оказавшее определенное влияние на характер Нилуса, не оспаривается: оно зафиксировано и на принадлежавшей матери Сергея старинной фамильной иконе, бережно хранимой и передававшейся из поколения в поколение. Родной же брат скандально знаменитого Сергея – председатель московского окружного суда Дмитрий Александрович Нилус – был человеком вполне разумным и уравновешенным. В родстве с древним злодеем он видел не более чем неприятную случайность, а брата Сергея, с которым не ладил всю сознательную жизнь, считал попросту сумасшедшим. В истории Дмитрий Александрович остался как тот, кто провел известный судебный процесс над революционером Бауманом.

Был в роду Нилусов и известный артист, выступавший на сцене Александринки под псевдонимом «Нильский» (1841–1899). Ему же принадлежит книга воспоминаний «Закулисная хроника», содержащая множество забавных историй из театральной жизни тех времен. Александру Нильскому обязана своим дебютом на Александринской сцене знаменитая М.Г. Савина. Косвенную связь со Скандинавией можно усмотреть в том, что Нильский некоторое время был антрепренером русского театра в Гельсингфорсе.

Наиболее известным – помимо антисемита – представителем рода явился артиллерийский генерал Богдан Нилус. «...почтенный друг мой Нилус, – пишет в своих воспоминаниях Ф. Вигель, – в генеральском мундире, покрытый ранами и крестами русскими и иностранными, окончил достолавный поход 1812-1813 и 14 годов, бывши везде примером храбрости. Прослужив еще несколько лет и женившись, он нашел успокоение в окрестностях Одессы, и император Александр, сохранив ему все содержание, дал бессрочный отпуск». Примечательно, что тот же Вигель называет его в воспоминаниях «немец».

Наибольший интерес для нас представляет, однако, Петр Александрович Нилус (1869-1943), живописец и писатель, которого исследователь «Протоколов» оберштурмбанфюрер СС Грегор Шврц-Бостунич уверенно называет родственником антисемита. Друг Куприна и Бунина, член товарищества художников-передвижников Петр Нилус представлен своими живописными работами в Третьяковской галерее. Как литератор Петр Нилус не снискал успеха на Западе, куда он бежал от большевиков после

революции. Англичане, издавшие «Протоколы Сионских мудрецов», пытались найти его в Сербии в 1921 году, ошибочно полагая, что он и есть «тот самый Нилус». Ошиблись не только англичане: престарелый Репин писал Куприну из Финляндии: «За Петра Алекс. Нилуса радуюсь. В Париже нам редко кому счастливится. Как бы я желал прочитать нашумевшие его книги». Речь тут явно идет о скандальной славе Сергея Нилуса.

В эпистолярном жанре Петру Нилусу повезло больше, чем в сугубо литературном. Известна его переписка с Иваном Буниным, с которым он познакомился и подружился в 1898 году в Одессе; сохранилось свыше ста писем Петра Александровича к Ивану Алексеевичу. В первые тяжкие годы эмиграции в одном доме в Париже жили Бунины, Куприны, Нилусы. Сын полтавского помещика, внук генерала – героя Отечественной войны 1812 года Петр Нилус соединил свою жизнь с женщиной по имени Берта Соломоновна; вряд ли могут возникнуть сомнения по поводу ее национального происхождения. Стоит отметить, что Петр Александрович принимал еврейские проблемы достаточно близко к сердцу. В 1906 году он принял участие в литературно-художественном сборнике «В пользу еврейских детей, осиротевших во время октябрьского погрома в Одессе» – вместе с Корнеем Чуковским, Семеном Юшкевичем и другими.

Сохранилась интересная запись в дневнике Ивана Бунина во время его путешествия по Святой земле в 1907 году: «Капернаум. Жарко, сухо, очаровательно. У берега олеандры. Развалины синагоги. Раскопки... Из Капернаума в Табху, на лодке же. Из гребцов один молодой красавец, другой похож на Петра Ал. в валеной ермолке». Бунину показалось, что его друг Нилус похож на семита. Дочь Куприна видела лицо Нилуса в несколько ином ракурсе: «...широкое, калмыцкое, всегда немного загорелое, как у капитана дальнего плавания». Почти как у самого Куприна, в жилах которого текла и татарская кровь.

Ранние издания «Протоколов сионских мудрецов».

Коллекция С. Дудакова, Иерусалим.

После октября 17-го, при советской власти, судьба редактора и издателя «Протоколов Сионских мудрецов» – фальшивки, зловоние которой превзошло и «Мою борьбу» Адольфа Гитлера, – сложилась удивительно. Мракобес и черносотенец, скитаясь по городам и весям России, четырежды арестовывался – и каждый раз его отпускали на все четыре стороны. Нельзя исключить, что «всезнающие органы», в составе которых

было немало евреев, просто не знали, с кем они имеют дело... Так или иначе, но Сергея Нилуса чекисты задерживали как «подозрительное лицо» без определенных занятий и к тому же туманного социального происхождения. Можно допустить и иное: при «власти пролетариата» Нилус совсем утратил способность трезво мыслить, а в 20-е годы советская власть тихих сумасшедших еще не сажала надолго и не расстреливала.

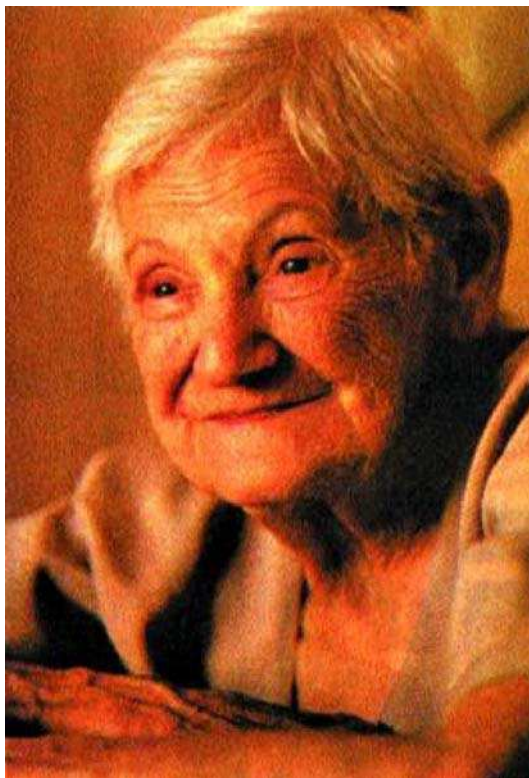
С апреля 1926 по май 1928 года Нилус жил в провинциальном Чернигове. Там его и арестовали в четвертый раз, увезли в Киев – и снова выпустили. В Чернигове должно было сохраниться «Дело» Сергея Нилуса – и какого же было мое удивление, когда мне стало известно, что никаких следов «дела» не сохранилось: неизвестно кто, когда и зачем изъясил его из архива. Во всяком случае, в двухтомном труде «Неизвестный Нилус» (Москва, 1995) ссылок на него нет.

Мои труды по розыску черниговского «дела» не обернулись, однако, пустыми хлопотами: я обнаружил однофамильца знаменитого антисемита – еврея Боруха-Мордуха Нилуса, жителя местечка Чернин Жукинской волости Остерского уезда. В связи с тем, что все имущество Боруха-Мордуха Нилуса – дом, склад сырого леса и бакалейная лавка – сгорело дотла во время пожара 19 июня 1897 года, погорелец – вдовец с шестью детьми на руках – обращался к властям с просьбой разрешить ему перебраться с пожарища в одно из соседних местечек. Еврейский Нилус ссылается при этом на свою незапятнанную репутацию – всем известно, по его словам, что он «не эксплуататор, как принято считать нас, евреев, а человек, живущий личным честным трудом». Законы для черты оседлости были, однако же, суровы: даже из местечка в местечко евреям возбранялось перебираться по собственному желанию и усмотрению. Власть не задержалась с ответом несчастному Нилусу, его слезное ходатайство было «оставлено без удовлетворения в силу Закона от 3 мая 1882 года». Более того: обнищавший Борух Нилус принуждался оплатить две гербовые марки, каждая достоинством в 80 копеек, и расписаться в том, что он уведомлен об отказе в его прошении – на тот случай, если он все же куда-нибудь переселится. А в случае такого дерзкого самоуправства Империя будет преследовать его на основании не только действующего законодательства, но и собственноручной расписки просителя, лишившей его возможности сослаться на совершенное неведение.

Вряд ли Борух-Мордух Нилус слышал когда-нибудь о Сергее Александровиче Нилусе. Оба они давным-давно ушли из этого мира, их потомки рассеяны по свету. Но злые семена, посеянные почти век назад «тем самым Нилусом», по сей день дают ядовитые всходы, и неведомо, когда удастся их вырвать, и удастся ли вообще.

СУДЬБА ЭМИЛИИ ШИНДЛЕР

Beitá Yòeí áñ

Доктор исторических наук, профессор, почетный член семи зарубежных академий Яков Яковлевич Этингер родился 12 августа 1929 года в Минске. Он был узником гетто и ГУЛАГа.

В 1956 году, окончив исторический факультет МГУ, он пришел в Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР и проработал там 33 года, пройдя путь от библиотекаря до главного научного сотрудника. За эти годы им написано 10 книг и около 500 статей по международным политическим и этническим проблемам стран Азии и Африки (многие работы изданы за рубежом). Никогда не состоял в КПСС и был «невъездным» в течение нескольких десятилетий.

Я.Я. Этингер был одним из организаторов общества «Мемориал» (1988), входил в состав его оргкомитета и первой рабочей коллегии. В конце 80-х – начале 90-х годов он сопредседатель Московского объединения жертв политических репрессий, один из инициаторов создания Ассоциации евреев – бывших узников гетто и фашистских концлагерей (1990), член ее совета. В настоящее время он состоит в совете Международного союза общественных объединений евреев — бывших узников фашизма (организован в январе 2000 года.), член правления общественно-политического клуба «Московская трибуна», созданного А.Д. Сахаровым, заместитель председателя правозащитной ассоциации «Гражданский мир» (образована в 1990 году.), член совета Международной ассоциации историков по изучению корней, причин и последствий сталинизма в России, член Международной федерации прав человека (Париж).

В 90-е годы Я.Я. Этингером опубликовано большое количество статей по проблемам сталинизма, политических репрессий и антисемитизма в Советском Союзе и в современной России, в частности о «деле врачей» – в российской и зарубежной печати: в США, Германии, Англии, Франции, Италии, Израиле, Испании, Голландии, Бельгии, Греции, Финляндии, Венгрии, Японии, Эстонии, Латвии. Он участник многих международных конференций и семинаров по вопросам прав человека, проблемам антисемитизма и нацизма в современной России. В течение последних десяти лет неоднократно выступал с лекциями в научных центрах Западной Европы, США, Израиля, а также в Совете Европы в Страсбурге в 1992 году.

В конце 1999 года в старом доме на севере Германии были обнаружены бумаги немецкого промышленника Оскара Шиндлера, имя и подвиг которого – он спас в годы Катастрофы 1200 обреченных на смерть евреев, – стали широко известны миру, когда на экраны вышел фильм Стивена Спилберга «Список Шиндлера». До последнего времени этот список считался утерянным. Немецкая газета «Штуттгартер цайтунг» первая сообщила о находке: оригинальный текст знаменитого списка был найден в старом, потертом чемодане, на ручке которого оказалась бирка с надписью «О. Шиндлер». Многие десятилетия чемодан пролежал в доме друзей Шиндлера в Хильдесхайме, что на севере Германии, до той поры, пока наследники этих людей – супружеская пара – не стали разбирать вещи на чердаке родительского дома. Оказалось, Шиндлер отдал бумаги на хранение своим ближайшим друзьям перед смертью. Они тоже уже умерли – женщина в 80-е годы, мужчина – чуть более трех лет назад. Список был передан их наследниками в редакцию газеты и опубликован. Это было спустя ровно 25 лет со дня смерти Шиндлера, объявленного в Израиле героем еще при жизни.

Речь идет не о каком-то одном листочке с подписью, который можно подделать, а почти о 10 страницах, собственноручно написанных Оскаром Шиндлером. Были и письма, которые он получал, фотографии, вырезки из газет – подделать все это просто невыносимо! К тому же люди, нашедшие чемодан, никоим образом не собирались на этом заработать.

О подлинности списка оживленно дискутировали израильские и немецкие ученые. Некоторые считали, что это не оригинал, но тем не менее важный документ. Немецкие эксперты обратились к самим «евреям Шиндлера»: некоторые из них еще живы, и они узнали на обнаруженных фотографиях несколько человек.

Как известно, «список Шиндлера» состоял из 1200 фамилий евреев – заключенных концлагеря. Весной 1943 года Оскар Шиндлер убедил нацистов СС в Кракове, что перечисленные лица необходимы для работы на его фабрике. Так люди были спасены от газовых камер. В настоящее время в Израиле, США, Канаде, Германии проживает более 6 000 потомков тех, кого укрыл от смерти Шиндлер. Несколько человек из его списка живы до сих пор. Среди них бывший судья Верховного суда Израиля Моше Бейский. С его помощью установлены фамилии людей на найденных в чемодане фотографиях.

А список прошел экспертизу в израильском Национальном институте памяти Катастрофы и героизма в Яд-Вашеме, который многие годы занимается поисками людей, спасавших евреев в годы второй мировой войны. Директор отдела «Праведники мира» д-р Мордехай Палдиель высказал мнение, что этот список является точной копией того, который был сделан Шиндлером через несколько месяцев после окончания войны и хранится ныне в Яд-Вашеме. Именно этот документ был использован в фильме

Спилберга. Д-р Палдиель подтвердил: найденные документы представляют несомненный интерес.

Как известно, фильм Спилберга заканчивается последним днем войны, 8 мая 1945 года. Документы дают возможность узнать о деятельности Шиндлера в послевоенный период. Он пытался заниматься бизнесом, но потерпел неудачу и разорился. В 1949 году уроженец чешского города Свитава вместе с женой Эмилией, помогавшей ему в спасении евреев, переехал в Аргентину, где в то время находилось много немцев, бежавших из Германии после войны. Как признал летом 2000 года президент Аргентины Фернандо де ла Руа, тогда в стране нашли убежище 180 нацистских преступников. Среди них были Адольф Эйхман и нацистский врач Йозеф Менгеле. В то же время аргентинские власти чинили препятствия въезду подвергавшихся геноциду. Президент Аргентины признал темное прошлое, связанное с симпатиями к нацистам, и принес официальные извинения.

Шиндлер прожил в Аргентине семь лет, затем возвратился в Германию, где и умер в 1974 году, не оставив жене никаких средств к существованию. Эмилия Шиндлер, которой теперь 93 года, более 40 лет живет в Аргентине, в 60 километрах от Буэнос-Айреса. У вдовы Шиндлера свое мнение о нем. По ее словам муж никогда не был героем, а только человеком с авантюрным характером. Корреспонденту немецкой газеты «Ди Вельт» Эмилия сказала: «Он покинул меня в 1957 году, забрав последние наши сбережения – 100 тысяч марок, полученных от германских властей за проданную фабрику». Эта женщина сыграла едва ли не решающую роль в спасении евреев, и в последнее время появились документальные подтверждения тому. По словам Мишеля Фридмана, французского адвоката, родители которого жизнями обязаны супружеской чете, «Шиндлер завязывал контакты с нацистскими бонзами, но без Эмилии ему бы ничего не удалось».

По некоторым сведениям, после отъезда из Аргентины Шиндлер проживал в семье одного врача. Правительство ФРГ с начала 60-х годов платило ему небольшую пенсию. В помощь ему в Израиле был создан Фонд спасенных Шиндлером, на средства которого он в основном и жил. На несколько месяцев в году приезжал в Израиль. И был похоронен в Иерусалиме на старинном католическом кладбище у подножия горы Сион. На собранные деньги Шиндлеру поставили памятник на могиле. «Благодарение Б-гу, что он был наш» – написано там на иврите. «Незабвенному спасителю 1200 обреченных евреев» – по-чешски и по-немецки выбито на другом памятнике, установленном земляками Шиндлера в городе Свитава в Чехии. Во время одной из поездок в Израиль я посетил католическое кладбище, где похоронен Шиндлер. По еврейскому обычаю на могиле нет цветов. Она обрамлена камнями, и каждый пришедший сюда кладет камешек на могилу. Кстати, там я познакомился с молодым офицером израильской армии, дед которого был в списке Шиндлера и после войны оказался в Израиле, там и умер.

Не так давно автобус из Мюнхена доставил Эмилию Шиндлер в Чехию. На ее морщинистом лице светились глаза, глядевшие вокруг с молодым любопытством. Она почти не могла ходить и передвигалась по улицам Праги в коляске, которую везла женщина средних лет с еврейскими чертами лица. После 54 лет разлуки Эмилия увидела родину.

На пограничном пункте в Розадове она предъявила немецкий паспорт. В нем значилось: «Эмилия Шиндлер, девичья фамилия Пелцл, родилась 22 октября в чешском старом Малянтине». Ее спутницей была Эрика ван де Розенберг, переводчица, писательница, профессор. Обе, кроме немецкого гражданства, имели и аргентинское.

С Эрикой Розенберг Эмилия познакомилась восемь лет назад. Свел их замысел написать книгу о судьбе Эмилии и ее мужа. Мемуары назвали «В тени Шиндлера». По мемуарам и под тем же рабочим названием снимался документальный фильм на мюнхенской студии «Бавария-фильм», которая и организовала им поездку в Чехию.

В перерывах между съемками, проходившими в тех местах, где в 1928 году Эмилия дала согласие будущему спутнику жизни, она рассказала: «В моих глазах он всегда останется необыкновенным человеком, привлекательным, веселым и предупредительным. Временами он относился ко мне с настоящим чувством. Однако это не был верный муж, и до нашего супружества, и после он сменил множество женщин. Этого я ему простить не могу. Не в силах забыть и то, как, потерпев фиаско в делах, бросил меня в Буэнос-Айресе с одними долгами. Я потеряла все: ферму, дом, сбережения. Еще сегодня за мной тысяча долларов его долга...» И еще: «Так хорошо, как я, его не знал никто. С чистой совестью скажу: будучи мне плохим мужем, он никогда другому не причинял зла. Жизнь вынуждала его идти на компромиссы, приспособляться. Но он никогда не был убежденным нацистом. Это точно. Желая блага Германии, он не хотел работать на Гитлера. Однако попал в сети военных хитросплетений, а война всегда плодит патологию. Тревога и забота о евреях, устроенных в его фирме “Emilia” в Польше, а потом в Чехии, – все от чистого сердца, при том что защита этих людей была очень небезопасна. Приходилось идти на риск, давать взятки, но ведь самое главное – результат, не так ли? 1200 спасенных жизней – это что-нибудь да значит». В 1984 году она посетила могилу Оскара в Иерусалиме.

Эрика Розенберг со своей стороны говорит: «Я сама еврейка, меня трудно провести: кто настоящий нацист, а кто нет – чувствую издалека. Оскар нацистом не был. (Шиндлер числился членом нацистской партии с 1935 года и пользовался правом носить золотой партийный значок. – Авт.) И нельзя забывать, какой помощницей для него была Эмилия. Когда я писала о них книгу, приходилось не только рыться в архивах, но и встречаться со спасенными. Многие вспоминают, что Эмилия самоотверженно доставала для них питание и лекарства, готовила еду и старалась поддержать их душевные силы и надежду на спасение».

Эмилия останавливается в своей коляске посреди двора текстильной фабрики «Vitka» в Брненце, где некогда был плац концлагеря «Брунитц». Оглядывается вокруг, смотрит на остатки бывших лагерных бараков и вспоминает – шеф-инженера Шёнбойма, Лютера Штерна и других. С тем же глубоким чувством говорит она о чешке Дадбковой, жене владельца мельницы, что неподалеку от лагеря. Это она, мельничиха, давала сотни килограммов муки, из которой Эмилия готовила евреям мацу.

Многие историки, включая чешскую исследовательницу Итку Грунт, австрийского писателя Т. Кенили и ряд других, подчеркивают, что иногда, к сожалению, роль Эмилии Шиндлер в спасении евреев недооценивается.

Сейчас она по-прежнему живет в Аргентине, совершенно одна. С ней перестала поддерживать связь племянница мужа из Мюнхена. Живет Эмилия в маленьком доме, который ей предоставила еврейская благотворительная организация. «Мне довелось видеть много горя в жизни, – говорит она, – но при этом я все же благодарна за прожитую жизнь!»

Аргентинские власти заботятся об этой женщине, хотя одно время выплата ей специальной пенсии была приостановлена. Сейчас она получает ежемесячно 900 долларов. «Мы хотим, чтобы человек, сохранивший столько человеческих жизней, имел

достойную старость», – заявил министр внутренних дел Аргентины Федерико Сторани. В 1999 году Эмилии было присвоено звание Почетного жителя Аргентины.

Эмилия завещала Эрике, чтобы после смерти ее кремировали и пепел развеяли над рекой Ла-Плата. «Судьба забросила меня в далекую Аргентину. Так пусть и прах мой уносится по реке в океан. Океан – все же не кладбище, а колыбель всего живого».

... В Израиле имена Оскара и Эмилии Шиндлер стоят в одном ряду со шведским дипломатом Раулем Валленбергом, датским королем Христианом X и многими другими выдающимися деятелями и простыми людьми, спасшими тысячи евреев. Их имена никогда не будут забыты!

ГЛЮКЕЛЬ ФОН ГАМЕЛЬН: РАССКАЗ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Продолжение.

Начало в № [103](#) – [111](#).

V

Муж мой навел справки, какова обстановка в Гамбурге. Все заверяли его: там абсолютно спокойно, что так и было. Тогда он послал человека, которому следовало сопровождать нас до дома, – то был наш старый друг «пуленепробиваемый Яков». Этот преданный человек имел лишь один недостаток: он любил выпить и очень быстро пьянел. Итак, наш добрый Яков добрался до Ганновера и написал, что ждет нас. А следует вам сказать, в те времена из Ганновера в Гамбург уже можно было добраться на почтовых. Поэтому я послала письмо молодому Аврааму Кантору, прежде служившему у нас, с просьбой встретить меня в Гамельне и препроводить в Ганновер. Вместе с ним мы и отыскали Якова. Тот, не откладывая, отправился к местному содержателю почтовых карет, как оказалось, такому же выпивохе, как и он, и уже в пятницу нанял почтовую карету, но на субботу мы еще остались в Ганновере.

Погода была ужасная, а со мной трое детей! Всю субботу свояк мой Лефман и его жена Ента убеждали и умоляли Якова хорошенько о нас заботиться и ни в коем случае не напиваться. Положа руку на сердце, он поклялся, что не выпьет ни капли сверх меры. Вскоре вы увидите, как сдержал он свое слово.

Рано утром в воскресенье мы выехали из Ганновера – я, дети, да сохранит их Б-г, горничная, слуга и наш замечательный Яков. На первом перегоне карету всегда сопровождал почтмейстер, а, как вы знаете, он был дружкой и собутыльником Якова.

Яков устроил нас в карете, убедился, что там удобно, и карета тронулась. Сам он и почтмейстер шли за нею пешком, нисколько не отставая. Я полагала, они просто хотят размяться, дойдут до ворот, а затем с нами поедут в карете. Когда мы выехали за городские ворота, я попросила Якова с почтмейстером присоединиться к нам, чтобы еще засветло добраться до места ночлега. Яков, однако, сказал: «Ради Б-га, езжайте быстро, как вам угодно, а мы с почтмейстером зайдем в деревню: ему там надо кое с кем повидаться. Потом мы вас быстро догоним». Я не сообразила, каковы их истинные

мотивы. Деревня Лангенхаген, о которой говорил Яков, недалеко от Ганновера. Это большая деревня, главная улица ее тянется на целую милю, и во всей стране не найти пива лучше, чем варят в Лангенхагене.

Мой добрый Яков и почтмейстер расположились в лангенхагенской пивной и весь день, почти до позднего вечера провели за пивом. Я же ничего не подозревала. Мы ехали, каждую минуту я оглядывалась назад: не видно ли Якова? И каждого обгонявшего нас спрашивала, не видел ли он его. Но увы!

Ехали мы, ехали и наконец добрались до таможенного пункта в десяти милях от Ганновера. Ямщик сказал: «Здесь надо уплатить таможенный сбор». Так я и сделала, а затем попросила его поспешить, чтобы успеть в гостиницу до наступления темноты.

Шел дождь, переходящий в снег, погода была такая, что добрый хозяин собаку не выгонит за дверь. Помню, приближался праздник Пурим. Капли дождя, упав на землю, тут же замерзали. Дети очень страдали от холода. Я все понукала ямщика: «Сами видите, какая мерзкая погода, долго ли мы будем стоять здесь под открытым небом?» Но ямщик отвечал: «Я не смею двигаться, пока не прибудет почтмейстер. Он велел стоять здесь, пока они с Яковом нас не догонят».

Что было делать? Мы просидели в карете еще два часа, пока, наконец, не вышел таможенник и, пожалев нас, предложил пройти в его уютную контору, чтобы дети отогрелись. Там мы просидели еще час. В конце концов я сказала таможеннику: «Сударь, прошу вас, велите ямщику ехать дальше, чтобы мы с детьми могли добраться до гостиницы до наступления ночи. Сами видите, какая разыгралась непогода – даже днем трудно ехать, что же мы станем делать ночью? А вдруг карета – упаси Б-же – перевернется? Тут уж точно нам не поздоровится!» Таможенник внял нашим доводам и приказал ямщику немедленно ехать. Однако тот заупрямился, говоря: «Если я послушаюсь вас, почтмейстер Петерсен накостыляет мне по шее и не заплатит ни гроша». Но таможенник был хороший и смелый человек и заставил ямщика продолжить путь. «Если эти пьяницы явятся сюда, – сказал он, – пусть берут лошадей и догоняют вас верхом. Ведь вы будете ночевать в гостинице».

Ямщик тронулся, и хотя буря не прекращалась, мы добрались до гостиницы. Там нас встретили приветливо и провели в общий зал, где было хорошо натоплено. Каким бы уютным не показался нам этот зал, там было полным-полно таких же, как мы, путешественников и ямщиков. Все, однако, очень хорошо к нам отнеслись и особенно жалели детишек, на которых не было сухой нитки. Я раздела их, развесив просушить маленькие платяца, и вскоре они согрелись и развеселились. Еда у нас была, хозяин гостиницы выставил отличное пиво, и мы смогли подкрепиться после тяжелого путешествия.

До самой ночи мы не ложились, все поджидали наших выпивох. Но никто не появился. Наконец я попросила, чтобы постелили матрас, набитый соломой, и мы с детьми улеглись. Заснуть я не смогла, но благодарила Б-га, что удалось найти кров для детей.

Так лежала я, углубляясь в свои мысли. Наверное, уже была полночь, когда вдруг послышалась страшная перебранка. В комнату с ножом ворвался почтмейстер и в пьяной ярости напал на ямщика, намереваясь расправиться с ним за то, что тот не ждал их. Прибежал хозяин гостиницы, и общими усилиями почтмейстера утихомирили. А я,

бедная, сидела в своем углу тихо, как мышка. Почтмейстер оказался совершенно пьян и взбешен – но Якова не было и духа!

Спустя некоторое время ярость почтмейстера поутихла, и он принялся за еду. Тогда я подошла и спросила: «Герр Петерсен, где вы оставили моего Якова?» «А где я должен был оставить его? – спросил почтмейстер. – Его совсем развезло, он свалился под забором возле пруда и сейчас, верно, там дрыхнет». Это ужасно напугало меня. Я не знала, к кому обратиться за помощью: как-никак Яков был человеком, евреем. Потом я догадалась попросить хозяина гостиницы послать двух крестьян на розыски Якова и доставить его сюда, чтобы он не валялся в такую непогоду.

Хозяин внял моей просьбе: двое мужиков были отправлены на поиски и нашли моего Якова в получасе езды от деревни, пьяного и скорчившегося прямо на земле. И пальто, и деньги, бывшие при нем, исчезли. Крестьяне взвалили его на лошадь и доставили в гостиницу. Хотя я была страшно сердита на Якова, а все же возблагодарила Г-спода, что снова вижу его. Это мне обошлось в шесть с лишним талеров. Я принесла ему еды и собственноручно обслужила своего замечательного слугу, которому была поручена забота обо мне и детях.

На рассвете хозяева приготовили карету, чтобы мы могли продолжить путь. Я усадила детей, горничную и слугу и сказала Якову, чтоб он тоже садился и не вел себя, как вчера. «Больше никогда! – поклялся он. – Но я должен в последний раз оглядеть комнату, не забыли ли мы чего-нибудь там». И, представьте себе, я ему опять поверила!

А мой добрый Яков, удобно расположившись в гостинице, стал вместе с почтмейстером опохмеляться. Я послала за ним ямщиков, так как мы уже достаточно долго сидели в открытой карете, а буря не унималась. Остальные ямщики начали ругаться, что лошади не выдержат столь долго стоять в непогоду. Но все бесполезно: почтмейстер был их хозяин, и ямщики ничего не могли поделать. Оставалось ждать, пока они с Яковым не кончат опохмеляться. Битых два часа мы ждали, пока они, наконец, не присоединились к нам.

И в каждой гостинице повторялась та же история. Но с Б-жьей помощью мы добрались наконец до Харбурга. До дома оставалось всего пять миль. В Харбурге нас встретили мои отец и муж, – можете себе представить, как мы обрадовались!

Из Харбурга водным путем мы добрались до Гамбурга. Благодарение Г-споду, дома я нашла всех друзей в добром здравии. Чума пощадила евреев: за время моего отсутствия заболело всего несколько человек. Г-споди, защити нас и впредь и в час нужды окажи помощь!

После полугодичного отсутствия мы снова были в нашем любимом Гамбурге. Это отсутствие обошлось нам, учитывая потерю жемчуга и процентов, больше чем в 1200 рейхсталеров. Но мы благодарили Всевышнего, что эпидемия нашей семьи не коснулась. О деньгах мы уже не думали. «Отдай мне души, а имущество возьми себе» (Брейшис, 14:21). Впоследствии с милости Всевышнего мы покрыли свои убытки сполна новыми сделками...

Постепенно убежавшие от чумы в Альтону стали возвращаться в Гамбург и опять взялись за дела.

Во время эпидемии всякая торговля прекратилась: перед жителями Гамбурга захлопнулись все двери.

Еврейский ростовщик.

Раскрашенное дерево. Германия, 1800 год.

VI

Спустя некоторое время муж мой, поехав на лейпцигскую ярмарку, тяжело заболел. В те дни евреи в Лейпциге подвергались страшной опасности: если кто-либо – упаси Б-же – умирал, на его имущество налагался секвестр.

За моим мужем заботливо ухаживал Иегуда Берлин, тоже приехавший на ярмарку. Убедившись, что дело пошло на поправку, он стал убеждать мужа, никогда не отличавшегося крепким здоровьем, отказаться от дальних поездок и предложил взять его партнером: он молод, готов ехать хоть на край света, говорил он, и уверен, что сумеет заработать достаточно, чтобы обоим обеспечить безбедную жизнь.

Муж отвечал: «Принять решение здесь, в Лейпциге, я не могу. Я еще недостаточно здоров и боюсь задерживаться, чтобы не стало хуже. Поскольку сейчас на ярмарке неделя подведения итогов, найму карету и вернусь домой. Приглашаю вас с собой. Дома, если будет на то воля Б-жия, мы сможем обсудить ваше предложение вплотную. К тому же рядом будет моя Глюкельхен, которая сможет дать нам разумный совет» (муж не принимал никаких решений без моего ведома).

К тому времени Иегуда был уже женат. Женитьбе его на дочери ребе Шмуэла, брата моего мужа, немало способствовал сам муж. Иегуда взял за ней в приданое 500 талеров.

Итак, муж и Иегуда вернулись из Лейпцига вместе. Муж был еще слаб, но не настолько, чтобы лежать в постели, и благодаря хорошему уходу через какую-то неделю совсем поправился. В течение всего этого времени Иегуда, не переставая, уговаривал меня убедить мужа, чтобы тот взял его партнером. Я считала, что мужу уже пора перестать

ездить за границу. Если бы, упаси Б-же, что-нибудь случилось с ним в Лейпциге, он лишился бы и жизни, и состояния.

Честно говоря, я давно была недовольна его частыми отлучками по делам и очень переживала, пока он находился в Лейпциге. Однажды уже было, когда, плохо себя почувствовав, он вернулся в разгар лейпцигской ярмарки, не оповестив меня о своем нездоровье. Выхожу я из дома и вижу: откуда ни возьмись мой муж! Можете себе представить, как эта неожиданность меня напугала! В другой раз с несколькими евреями он возвращался с зимней лейпцигской ярмарки, что-то задержало их, и в назначенный день мы их не дождались. А тут женщина, приносящая мне почту, помню это были письма из Франкфурта, возьми да расскажи, что на почте слышала дурные вести: барка с двумя каретами, в которых находились путешественники – евреи и христиане, – пыталась в ледоход переправиться на другой берег Эльбы, выше Гамбурга, и была раздавлена льдинами, а все, кто был на борту, пошли ко дну!

Я чуть не умерла от ужаса, стала кричать и плакать. Тут входит в комнату Моисей Грин, о котором я вам уже рассказывала, и, услышав мои вопли, увидев, в каком я состоянии, спрашивает, что стряслось. Я рассказываю все и молю: «Ради Б-га, берите лошадь, гоните к переправе и выясните, что произошло».

Хотя и он, и другие пытались убедить, что для паники нет оснований, я не могла совладать с собой. Поэтому Моисей Грин поскакал на берег. Я же бросилась к человеку, у которого можно было нанять лошадей и, заплатив, настояла, чтоб он немедленно послал своего слугу другим путем к переправе. А когда я вне себя от тревоги вернулась домой, у огня сидел мой добрый муж и сушил одежду! Все, что слышала женщина на почте, оказалось болтовней!

Из-за того, что поездки моего мужа всегда сопряжены были для меня с тревогами и страхами, я приветствовала план, который позволял ему оставаться дома. Поэтому к мысли сделать Иегуду нашим партнером я отнеслась благосклонно. Тем более, что он предлагал самые соблазнительные условия.

Однако я сказала ему: «Все, что ты говоришь, хорошо, но сам видишь, какая у нас большая семья и какие расходы мы несем: только на содержание дома уходит больше тысячи талеров в год, не говоря уже о расходах, сопряженных с делами, таких, как уплата процентов по вексялям и других, совершенно неизбежных. Не вижу, откуда на это возьмутся деньги». Иегуда отвечал: «Ах вот что вас беспокоит! Тогда я дам вам письменное обязательство: если ваш годовой доход будет составлять меньше тысячи талеров “банко”, вы вправе расторгнуть партнерство». Много было и других заверений, записывать их не хватит места!

Тогда я переговорила с мужем и рассказала ему о нашем разговоре с Иегудой и о радужных перспективах, развернутых предо мной. На что мой дорогой муж ответил: «На словах, детка, все это хорошо... Но у меня большие расходы, и не вижу толку брать Иегуду в партнеры». На что я предложила: «Давай попробуем заключить соглашение на год. Испытаем его. Я составлю текст договора и покажу тебе, а ты скажешь, что думаешь об этом». Вечером я села за работу и набросала проект.

Все это время Иегуда настаивал, чтобы мы оставили все заботы и передали в его руки все дела, поскольку, мол, он имеет средства и возможности и знает, как действовать ради удовлетворения обеих сторон. Тогда я спросила: «Как передать вам все наши дела?» «Мне известно, – ответил он, – что у вас есть драгоценности на несколько

тысяч талеров, которыми вы не станете рисковать. Давайте договоримся: вы продадите их или обменяете по своему усмотрению». Это был первый пункт соглашения.

Второй пункт предусматривал, что товарищество заключается сроком на десять лет с условием ежегодного подведения итогов совместной работы. Если не будет выходить по меньшей мере две тысячи рейхсталеров годового дохода, за моим мужем сохраняется право расторгнуть договор. Только на таких условиях мы соглашаемся его заключить. Если же товарищество будет расторгнуто, должны быть предприняты все меры вплоть до продажи всего имущества, дабы каждый партнер получил вложенные деньги назад. В-третьих, мой муж обязуется раз или два сопровождать Иегуду в Амстердам, чтобы проинструктировать его, что и как покупать. Купленный же товар будет оставаться в руках Иегуды, и он обязуется его реализовать. В-четвертых, мой муж обязуется вложить в дело от пяти до шести тысяч рейхсталеров, а Иегуда – две тысячи. К тому же Иегуда обязуется постараться продать или обменять как можно выгодней все драгоценности и другой товар моего мужа.

Взяв эти пункты за основу, мы составили соглашение, снабженное всевозможными оговорками, страхующими наши интересы. После этого Иегуда вернулся в Гильдесгейм, пообещав собрать сумму, представляющую его пай в товариществе, и через две-три недели вместе с моим мужем отправиться в Амстердам. Тем временем муж все оформил и перевел в Амстердам свои деньги. Все было готово, дело оставалось только за Иегудой. Он прибыл в назначенное время, но все, что он привез, – это векселя на 500 талеров!

«Что это значит? – спросили мы. – Должно быть две тысячи талеров!» — «Кое-какие золотые вещи я оставил жене, она их продаст и переведет мне недостающую сумму». Мы довольствовались таким ответом.

Итак, они вместе выехали и благополучно прибыли в Амстердам, где, как заведено, муж начал с маленьких закупок. Каждый раз, когда приходила почта, он спрашивал Иегуду: «Ну что, прибыли твои деньги?» И каждый раз Иегуда отвечал: «Не беспокойтесь, я обязательно получу их». Но время шло, а денег так и не было!

Что было делать моему мужу? Иегуда всячески улещал его, заверяя честным словом, и в конце концов совсем заговорил, так что муж выложил все свои деньги и вдобавок пятьсот талеров Иегуды на закупку товаров, что в Амстердаме, как вы сами знаете, делается очень быстро.

Затем муж вернулся домой, а Иегуда отправился в Гильдесгейм. Весь товар, приобретенный мужем, он забрал и стал разъезжать по купцам, продавая или обменивая его по своему усмотрению.

Вернувшись, муж стал ворчать на меня, что я втравила его в такое соглашение. «Иегуда с самого начала, – говорил он, – не сдержал слова, чего же от него ждать дальше? И чем все это кончится? В таком деле очень легко – упаси Г-сподь – сломать себе шею».

Я старалась успокоить его, причем несколько не кривила душой! «Иегуда молод! – говорила я. – И какое приданое он получил? Каких-то пятьсот талеров и все! Когда он уходил от нас, у него было 800-900 талеров, не больше, а это всего два года назад! Как же ему собрать две тысячи? Давай будем исходить из того, что у него нет ни гроша. Будем считать, что мы отправили его, как бывало, с деловым поручением, доверив

тысячи, как доверяли и прежде. Если Г-сподь захочет послать ему удачу в делах, Он сможет сделать это и с большим капиталом, и с малым».

Что оставалось делать моему мужу? Нравилось ему это или нет, но мы ввязались в это дело, теперь только и оставалось, запастись терпением. Прошло некоторое время, и Иегуда, как он писал нам, получил некоторую прибыль. Но «льва крошкой не насытишь!»

Короче говоря, прошел год. Было очевидно, что полученной прибыли не хватало на содержание даже одной семьи, не говоря уже о двух! Поэтому по истечении года муж поехал в Гильдесгейм, чтобы подбить итоги вместе с Иегудой. Как я говорила, он пришел к выводу, что дело не пойдет!

Он обратился к Иегуде как к брату: «Ты ясно видишь, что такое партнерство не удовлетворяет ни одного из нас. Годовая прибыль едва составила тысячу талеров». Иегуда не мог отрицать этого, и они по доброй воле расторгли партнерство и расстались вполне дружелюбно. Муж сам написал документ о расторжении в двух экземплярах – для себя и для Иегуды, и оба они, как заведено, поставили под документом подписи.

На руках у нас оставалось на несколько тысяч талеров колец и других драгоценностей из тех, что муж мой передавал Иегуде, чтобы продать их и затем переслать нам вырученные деньги. Был назван срок выплаты этих денег. Но срок прошел, а деньги все не поступали. Тогда мы написали Иегуде письмо в весьма сдержанных выражениях, напоминая ему об обязательстве и прося немедленно перевести деньги в Гамбург. На это Иегуда ответил, что он еще не все продал, однако постарается перевести деньги как можно скорее.

Прошел еще год, а мы так и не получили эти деньги. Тогда муж снова поехал в Гильдесгейм, намереваясь забрать их во что бы то ни стало. Увы, вместо денег он получил неожиданный ответ!

Сначала Иегуда несколько дней морочил мужу голову всякими отговорками, а под конец заявил так: «Я не дам вам ни фартинга. А следовало бы удержать с вас в два раза больше. Мы договорились о партнерстве на десять лет, а сотрудничали всего год. Я вправе требовать с вас еще несколько тысяч талеров. Все ваше – мое! Даже отдав мне все свое имущество, вы не покроете свой долг».

Муж, потрясенный таким заявлением, сказал: «Иегуда, что за разговор? Такова твоя благодарность за всю мою доброту? Ты пришел в мой дом гол и бос, а я в короткое время помог тебе заработать 900 талеров. Я к тому же доверил тебе несколько тысяч талеров своего собственного капитала, я показал тебе каждый уголок, каждое местечко, где, как полагал, ты мог бы заключить выгодную сделку. Принимая тебя за честного человека, я убедил своего брата Шмуэла выдать за тебя дочь. Больше того, это ты нарушил наше соглашение! Вместо двух тысяч талеров, предусмотренных договором, ты вложил всего пятьсот! Кроме того, договором предусматривалось, что если наше партнерство не будет давать двух тысяч талеров годовых, оно будет расторгнуто. В конце концов мы оба убедились, что оно убыточно. Оба по доброй воле расторгли соглашение и подписали надлежащие документы. Чего ты еще добиваешься? Прошу тебя, не давай людям повода злословить на наш счет. Как-никак мы родственники, и, если Г-сподь захочет, еще поработаем вместе!» Так говорил мой муж и сказал еще многое в том же духе. Но все это не произвело никакого впечатления на милого Иегудушку – он твердил свое!

После долгих пререканий и неприязненных слов с обеих сторон в дело вмешались третьи лица и, пожав друг другу руки, муж и Иегуда согласились избрать арбитра. Дело должно было рассматриваться через четыре месяца раввином Гильдесгейма. Мужу пришлось согласиться на это, потому что «не может препираться человек с тем, кто сильнее его» (Коэлес, 6:10).

С такими результатами муж вернулся домой и рассказал мне всю историю. Мы были очень удручены, ибо знали, что вели себя честно в отношении этого человека и делали ему много добра, да вознаградит нас Г-сподь!

Муж немного попенял мне, поскольку именно я высказывалась за это партнерство, но Б-гу ведомо, что хотела я как лучше и только стремилась избавить мужа от дальних поездок. Мне и в голову не приходило, чем это кончится; никогда не ожидала я ничего подобного от Иегуды, которого всегда считала честным человеком.

Никогда не узнаю я, не заподозрил ли Иегуда мужа в том, что он вел себя не товарищески и заключал какие-то сделки без его ведома. Возможно, нижеследующая сделка стала искрой, из-за которой загорелся весь сыр-бор.

Когда сразу же после расторжения партнерства муж вернулся из Гильдесгейма, он встретил в Гамбурге француза с большим запасом разных товаров. Они совершили обмен, оказавшийся весьма выгодным для нас. Но стоит человеку заработать сотню талеров, как у евреев начинаются разговоры, будто он заработал тысячу! Пошли слухи, что муж нажил на сделке многие тысячи, и, должно быть, эти слухи дошли до Иегуды. Возможно, он вообразил или ему внушили, а он поверил, будто муж мой имел в виду эту сделку, когда партнерство еще было в силе. И вне всякого сомнения, когда люди стали говорить, что мы заработали тысячи и тысячи, он охотно поверил.

Б-гу известно, как все обстояло на самом деле! Никогда раньше мы не замечали в поведении Иегуды ничего нехорошего, недостойного. Лишь один-единственный раз он занял враждебную позицию и отказался вернуть то, что было в его руках. «Человек смотрит на лицо, а Г-сподь – на сердце». Допускаю, что Иегуда считал себя правым, потому и стоял на своем. «Никто не видит своей вины».

Как бы то ни было, в руках Иегуды осталась большая сумма наших денег, и это не давало нам покоя. Я спросила мужа, почему он согласился, чтобы дело рассматривали в Гильдесгейме. Нужно было добиваться, чтоб оно рассматривалось в нейтральном месте. Он гневно отвечал: «Конечно, если бы за дело взялась ты, то все сделала бы лучше! Пойми, мое имущество в руках этого человека, и хочешь-не хочешь, все должно происходить там и так, как устраивает его, а не меня». В конце концов мы с мужем перестали ссориться и решили быть терпеливыми, предоставив все Г-споду Б-гу, так часто помогавшему нам в час нужды. Мы были тогда молоды, только что встали на ноги, – и вот, можно сказать, споткнулись на ровном месте. Приходилось выбираться из лабиринта на ощупь.

VI

Вот-вот должна была открыться франкфуртская ярмарка, и, как обычно, мужу предстояло ехать туда самому. Во Франкфурте он навестил своего брата, ученого Ицхока Гамельна и, рассказав ему все, что произошло между ним и Иегудой Берлином, попросил рекомендовать солидного знатока Талмуда, поскольку вскоре ему предстоит явиться в

Гильдесгейм, где, если только он не решит отказаться от своих претензий, каждая сторона должна представить собственного арбитра.

Мой свояк сразу же сказал мужу: «Считай, что ты уже проиграл, согласившись на суд в общине, где живет противник!» Муж указал на трудности, с которыми он столкнулся, а свояк опять повторил: «Брат мой, ты абсолютно прав, и, возможно, тебе удалось бы доказать свою правоту и твои претензии были бы признаны обоснованными, будь у тебя беспристрастные судьи и рассматривайся дело на нейтральной территории». На что муж отвечал: «Делу не поможешь, пусть события разворачиваются по желанию Б-га! Но, пожалуйста, рекомендуй мне честного адвоката». Подумав, свояк предложил: «Реб Ошер, который заседает в нашем раввинате, молод, и у него хорошая голова. Он годится для такого дела, но моя точка зрения тебе известна!»

Муж пошел к реб Ошеру, показал договор и документ о расторжении, после чего тот сказал: «Не беспокойтесь: дело ваше справедливое, и я с вами поеду».

На ярмарке муж посоветовался со своим братом, не может ли тот рекомендовать ему честного парня для работы в его деле. Короче говоря, ему рекомендовали Исохара Козна, которому, увы, суждено было сыграть роль Ирода в моей семье, и о котором я расскажу позднее.

Как только ярмарка закрылась, муж и его адвокат отправились в Гильдесгейм подавать иск. Как рассказать об этой истории? На ста листах не опишешь все, что произошло. Наш адвокат ничего не смог добиться, он был против двоих. Не мог он согласиться и с несправедливым приговором, а когда ему пригрозили тюрьмой, если он не уступит, добрый реб Ошер потихоньку покинул Гильдесгейм, но не раньше чем представил судьям пространное «мнение адвоката», конечно, в пользу моего мужа.

Раввин Гильдесгейма и парнас еврейской общины – воздержусь назвать их имена, поскольку сейчас все они уже предстали перед Вечным Судьей, – телом и душой были преданы Иегуде Берлину и всячески старались навязать моему мужу очень невыгодное соглашение. Муж не хотел принимать их условия, и это могло обернуться нескончаемой судебной тяжбой.

Свекор, живший тогда в Гильдесгейме, со слезами на глазах умолял моего мужа: «Дорогой сын, – говорил он, – сам видишь, что тут происходит. Прошу тебя, ради Б-га, не допускай нескончаемой тяжбы. Запасись терпением и постарайся выговорить наилучшие условия. Б-г тебя наградит, и ты наверстаешь то, что здесь потеряешь».

Против воли муж согласился пойти на мировую. Можете себе представить условия, которые были ему продиктованы! Одно скажу: в конечном счете мы лишились трети всего своего имущества!

В этом я виню не столько Иегуду Берлина, сколько тех, кто его подстрекал. Сейчас мы уже всех их простили. Не затаили зла и на Иегуду. Должно быть, он считал, что требует только то, что принадлежит ему по праву. Иначе не стал бы — думаю, не стал бы – вести себя таким образом. Но мужу моему пришлось солоно! Однако кто сумел бы помочь ему в таких обстоятельствах? «Кто молится о том, что произошло, молится понапрасну».

Не прошло и месяца, как Г-сподь Всемилостивый, видя нашу правоту, открыл такие возможности перед нами, что мы почти полностью возместили убытки. Со

временем доверие и взаимопонимание между мужем и Иегудой восстановились. Позднее я расскажу вам, с какими почестями приняли меня он и его жена, когда я приехала в Берлин. Иегуда никогда не упускал возможности оказать деловую поддержку моим детям, так что в конечном счете жаловаться на него не приходится.

По моему глубокому убеждению, если бы наше товарищество приносило хорошую прибыль, никакой бы ссоры не произошло. Но похоже на то, что для Исохара Коэна эта ссора стала большой удачей. С тех пор дела его пошли в гору, и он стал богаче.

Немецкий еврей. Германия, XVIII век.

VIII

Вся эта история, как и многое другое в моей книге, не имеет никакого значения, и если я рассказала о ней, то только чтобы прогнать меланхолию, терзающую меня.

Однако вы из этого можете увидеть, что со временем все меняется: «Г-сподь делает лестницы, по которым один человек поднимается вверх, а другой опускается вниз».

Иегуда Берлин пришел к нам с пустым карманом, но с Б-жьей помощью сейчас его капитал достигает ста тысяч рейхсталеров. Сейчас он участвует в таких деловых операциях и пользуется таким уважением курфюрста – да умножит Г-сподь его славу! – что, по-моему, если и дальше он будет так процветать и Г-сподь не будет против, то умрет самым богатым человеком во всей Германии.

Заметьте также, скольким людям мы с Б-жьей помощью помогли пробить себе дорогу, и как все, заключавшие сделки от нашего имени, разбогатели! И тем не менее большинство из них не считают себя обязанными нам благодарностью. Что поделаешь, так уж водится на белом свете!

Больше того, многие, кому мы делали добро, отплатили нам или детям злом. Однако Г-сподь Всемогущий справедлив: мы, грешные, не можем судить, и даже порой сами не знаем, что для нас плохо, а что хорошо, и когда обстоятельства складываются не так, как нам хочется, считаем, что дела плохи. Но то, что кажется злом, еще может оказаться благом. Если бы верный и честный Мордехай – да воздаст Г-сподь погубителям его по заслугам, – остался жив, многие из нас, возможно, избежали бы горя, а сам он, несомненно, стал большим человеком.

Теперь мы с мужем договорились с Моисеем Грином. Крупных дел мы с ним не переделали, однако, как я уже упоминала, заключили ряд выгодных сделок, закупив и сбыв жемчуг. Он много разъезжал, оставляя жену и детей в Гамбурге. Мы не раз помогали им, даже не зная, покروют ли будущие прибыли наши расходы, так сказать, «бросали хлеб по течению». Короче говоря, хотя прибыли были невелики, но концы с концами сходились. Мы бы рады были продолжать вести с ним дела, если бы он не уехал из Гамбурга в Шотландию, что неподалеку от Данцига. Там ему живется неплохо, без преувеличения сказать, он процветает.

Авроом Кантор, служивший в нашем доме еще мальчишкой, сейчас имеет собственное дело и, действуя честно, тоже преуспевает. Мы его не раз посылали в Копенгаген, там он разбогател, в конце концов там и обосновался с женой и детьми. По слухам, сейчас капитал его достигает 15 тысяч рейхсталеров, и дела идут хорошо. Во всяком случае, за детьми он дает богатое приданое.

Родственник мой Мордехай Коэн и Лейб Бишере стали деловыми партнерами мужа. Он снабдил их деньгами и гарантийными письмами и отправил в Англию. Но из-за войны до Англии они не добрались и от плана этого отказались. Тем не менее, они положили в Амстердамский банк некоторую сумму денег под хороший процент, после чего мой родственник Мордехай Коэн, разъезжая по Голландии и Брабанту, совершил немало прибыльных сделок. Первая его поездка заложила основу дальнейшего процветания.

Свояк мой Элиас Рис был совсем юношей, неопытным в торговых делах. Тем не менее муж предоставил ему крупную сумму в кредит и выдал аккредитив на 20 тысяч рейхсталеров на Амстердамский банк.

Многие и многие из гамбургских евреев, нынешние столпы еврейской общины этого города, благодарили Г-спода, когда мы предоставляли им кредиты. Я могла назвать здесь немало имен, но что толку? Где та доброта, которую ты, мой добрый и верный Хаим Гамельн, так щедро выказал всему миру? Ты охотно протягивал руку помощи одному, сердечно встречал другого, зачастую несмотря на собственные беды и не считаясь с расходами. Бывало, муж мой вполне отдавал себе отчет, что не получит от своих щедрот никакой прибыли, но всегда поступал, как подсказывало его доброе сердце. Таковы и твои дорогие и благочестивые дети: они скорее умрут, чем навредят другому.

Похоже, из всех, кому мы протягивали руку помощи, ни один не вспомнил, чем нам обязан! А ведь они вполне могли бы помочь моим дорогим детям, которые лишились в юном возрасте доброго отца и растерялись, как «овцы без пастуха». Помогите нам, Б-же, все получилось как раз наоборот! Действия этих людей привели к тому, что мои дети потеряли тысячи талеров, и деньги сына Мордехая попали в дурные руки. Хотя председатель Совета и весь синклит судей пришли к выводу, что купцы не вправе выставлять никаких претензий, поскольку сделка была честной и открытой, кредиторы не давали Мордехаю покоя. В канун Дня Искупления он был принужден выдать чек на все свои деньги, и купцы продиктовали ему такие условия, которые привели к финансовому краху. Пусть Г-сподь Б-г зачтет наше горе, когда наступит время расплаты за грехи. Они принудили моего сына сделать это «во имя Б-жие», пусть же Г-сподь воздаст им по делам их.

Не могу обвинять человека, которого я имею в виду, потому что не знаю его мыслей. «Человек смотрит на дела, а Б-г – на сердце». Одно я хорошо знаю: дети мои были молоды и нуждались в кредите. Они предложили покупателям некоторые векселя.

Купцы взяли их, предложив встретиться после закрытия биржи. Подозреваю, тем временем один из купцов навел справки относительно некоего еврея, к которому он относился с большим уважением. Когда после закрытия биржи мои дети пришли к этому купцу получить наличные за свои ценные бумаги, запасшись хорошими гарантийными письмами, он вернул им векселя. Вследствие этого им часто отказывали в кредитах.

Великий и единый Г-сподь Б-г, умоляю Тебя простить мне мои мысли. Вполне возможно, я напрасно думаю дурно об этом человеке, мои подозрения беспочвенны, и вполне возможно, он поступил так «во имя Б-жие». Все в руке Б-га, надо только помнить, что наш суетный мир не вечен!

Лампа. Германия, XVIII век.

IX

Всемогущий Б-же, Тебе хорошо известно, что я провожу дни в печали и тревогах. Долгое время я была женщиной, любимой и уважаемой своим благочестивым мужем, зеницей ока его. Но после смерти его кому я нужна? Кто ценит меня и оказывает почет и уважение? Знаю, то, что я жалуясь и плачу, свидетельствует о слабости, и это нехорошо. Лучше бы я на коленях ежедневно благодарила Г-спода за милости, которые он даровал мне, недостойной. Как-никак, до сего дня я сижу за собственным столом, ем, что мне нравится, по ночам сплю на собственной постели и даже по великой милости Б-жьей могу потратить лишний шиллинг на то, что хочется. Мои любимые дети со мной и, если не все ладится то у одного, то у другого, все же благодарение Создателю, все мы живы и здоровы. А сколько людей в этом мире лучше, справедливей и преданней Б-гу, чем я, таких людей, которых я сама считаю образцом благочестия, – не имеют куска хлеба для себя и детей! Могу ли я в таком случае достаточно отблагодарить Создателя за все блага, дарованные нам безвозмездно?

О, если бы мы, бедные грешники, признали вечное милосердие Б-жие, Г-спода нашего, который из праха земного создал нас, людей, чтобы мы служили Творцу, и дал нам знать Его великое, вызывающее трепет священное имя!

Посмотрите, дети мои, что делает человек, чтобы заручиться милостью короля – человека смертного, из плоти и крови, который сегодня здесь, а завтра в могиле. А ведь никто не знает, сколько проживет тот, кто просит, и тот, кто дает! Но посмотрите, какие богатые дары можно получить из рук брэнного человека. Король способен дать и почет, и богатства, но все это мирское и для вечности ничто! Человек может гордиться почестями и копить золото до последнего дня, однако приходит Смерть, и все забывается. Все тлен, все пустое: и почести, и богатства! Всякий знает это и тем не менее стремится служить смертному владыке, чтобы получить преходящую награду.

Насколько же больше следует нам денно и ночью стремиться служить Царю Царей, который живет и правит вечно! Ибо от Него исходят все милости, которые мы получаем из рук человеческих царей. Это Он дает брэнным царям все, чем они владеют, и внушает им воздавать почести тем, кого почитать Его Святая воля. Ибо «сердце царя в руке Г-спода» (Притчи Соломоновы, 21:1). Дары земного монарха – ничто в сравнении с даром Б-га Славы, посылаемым тем, кого Он хочет почитать, – вечностью незапятнанной, без меры и срока.

Поэтому, дорогие дети моего сердца, утешьтесь и терпеливо снесите свои печали. Служите Г-споду Всемогущему всем сердцем как в добрые, так и в недобрые времена. Хотя порой кажется, что мы вот-вот сломимся под тяжким бременем, следует знать, что Г-сподь Б-г никогда не возлагает на своих слуг бремя тяжелее, чем они в состоянии нести... Счастлив тот, кто с терпением приемлет все, что Г-сподь ссудил ему и его детям.

Потому и я молю Создателя дать мне силу безропотно нести мирские заботы и горести, ибо все они – дело наших собственных рук. «Человек должен благодарить и за дурное, и за хорошее». Препоручим все Г-споду. А сейчас я продолжу свой рассказ.

Х

Мате, моей дочке, пошел третий годик. Более очаровательного, более прелестного ребенка я не видывала. Не только мы, но каждый, кто смотрел на нее или слышал ее лепет, бывал восхищен. Но знать Г-сподь, глядя на нее, радовался еще больше. Когда ей пошел третий годик, у нее вдруг стали опухать руки и ноги. Каких только врачей мы ни приглашали, какие ни применяли лекарства. Но после того как ребенок промучился четыре недели, Г-споду Б-гу угодно было взять Свое Себе, а наше оставить нам: душенька улетела на небо, а детское тельце лежало перед нами, чтоб мы оплакивали ее, пока не разорвется сердце.

Нельзя рассказать, как горевали мы с мужем. Боюсь, что согрешила перед Б-гом и тем навлекла на себя еще более тяжкую кару, чем та, которая уже постигла меня. Мы так страдали, что оба заболели и долго пролежали больные, истерзанные душевной болью.

Потом я опять оказалась затяжелевшей и через некоторое время родила дочь Хану. Роды были тяжелые, и врачи, сомневаясь в моем выздоровлении, хотели принять отчаянные меры. Когда они объяснили моим родным, что именно хотят сделать, не подозревая, что я понимаю или сознаю, о чем они говорят, я заявила мужу и матери, что на это не пойду! Родные поставили в известность врачей о моем решении, и, хотя те

сделали все возможное, дабы убедить меня, все было бесполезно. Я сказала: «Что бы вы ни говорили, я не стану больше принимать ваши лекарства. Если Г-сподь в своей доброте захочет исцелить меня, он сделает это и без лекарств. Если же нет, то никакие лекарства в мире не помогут». Затем я попросила мужа уплатить причитающийся врачам гонорар и больше к ним не обращаться. Так он и поступил.

Г-сподь даровал мне нужные силы, и через пять недель после того как слегла, я уже смогла пойти в синагогу, хотя ноги все еще подгибались. Я возблагодарила Б-га за все, что Он сделал. С каждым днем здоровье мое восстанавливалось, и наконец я распрощалась и с сиделкой, и с кормилицей. С помощью Всевышнего я вернулась к домашним обязанностям и в конце концов сумела забыть потерю своего дорогого ребенка, как того и желал Г-сподь.

У раввина Йоханана бен Заккая было десять сыновей. Девятеро умерли, и в старости он держался за последнего, трехлетнего. Однажды в его доме готовились к большой стирке и поставили на огонь огромный котел. Ребенка посадили на скамейку и как-то позабыли о нем. А он, по-детски неразумный, встал и захотел посмотреть, что там бурлит в котле. Шаткая скамейка накренилась, и ребенок упал в кипящую воду. Он испустил крик – все бросились к нему, и отец пытался спасти свое дитя, но вытащил только детский пальчик и стал биться головой о стенку и кричать: «Плачьте о моем горе, ибо от моего десятого жертвоприношения Б-гу осталась одна только эта косточка». Эту косточку он повесил себе на шею. Когда ученые Талмуда приезжали к нему издалека, он спокойно указывал им на нее, как будто хотел показать ребенка.

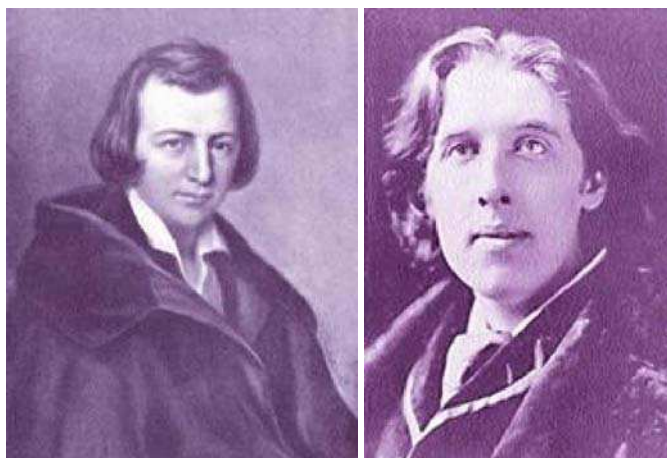
Раввин Йоханан был большим ученым. Он знал Талмуд, Мишну и Тору, понимал Каббалу и тайну сотворения мира, мог призывать ангелов и изгонять бесов, знал небесные светила и понимал, что шепчет листва деревьев, и если такое горе обрушилось на великого и доброго раввина, что говорить о нас, грешных? Однако до конца дней своих он оставался терпеливым и благочестивым человеком.

Так и мы обязаны умерять горе наше, когда – помоги нам, Б-же, – наступают черные дни; должны прославлять Праведного Судию, зная, что суд Его справедлив!

Всем нам суждены горькие утраты. Но печаль и траур не помогают, а только подрывают телесные силы и ослабляют душу. Никто, угнетенный телесным недугом, не может служить Г-споду как должно! Когда древние пророки просили Дух Б-жий сойти на них, они играли на свирели, арфе и на маленьких барабанах, чтобы возрадовались все члены тела, ибо Дух Б-жий не спешит приходить к тем, кто болен телом.

Êííäö ì íáé ò ðáòüüé éí èæéè

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ И ОСКАР УАЙЛЬД

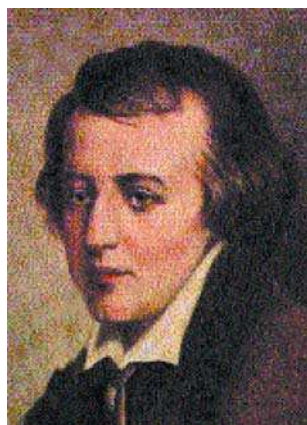
Heinrich Heine und Oscar Wilde

Психологическое исследование

Первая публикация исследования – в журнале «Шпигель» № 12, 1908, Мюнхен.

Принимаясь за это исследование, я не ставил своей целью разыскивать в сочинениях Гейне новые, до сих пор неизвестные источники творчества Уайльда. Я хотел лишь провести параллель между двумя художниками, параллель, которую, насколько мне известно, никто до сих пор не проводил, и которая, возможно, поможет понять психологию обоих писателей.

Ибо какими бы различными на первый взгляд они ни казались – беспомощный, беспокойный еврей, несмотря на свою светскость так неприспособленный к повседневности, и аристократически небрежный, подчеркнута светский англичанин, – мы при более глубоком исследовании обнаружим, однако, так много общего в их стиле и мастерстве, так много знаменательного сходства в положении, занимаемом ими в литературе, что сопоставление этих двух писателей уже не будет расцениваться как шутка, не имеющая под собой никаких оснований.

1. Общее в стиле

Прежде всего — оба писателя отличаются друг от друга по образу жизни. Вот Генрих Гейне — несмотря на его стремление к блеску и роскоши, несмотря на его легкомысленную, цыгански хвастливую болтовню удачи редко сопутствуют ему, он всегда педантично расчетлив, в лучшие свои годы едва ли может позволить себе потратить на домашнее хозяйство столько, сколько Уайльд готов выбросить ради мимолетного каприза, человек, которому иной раз так и хочется кинуть упрек: «Propter vitam vivendi perdere causas»^[1] (ради земной жизни предать высшие цели — лат.) и Оскар Уайльд, блистательный king of life, grand viveur (король жизни. — англ.; жуир. фр.), ослепительный законодатель мод, который, располагая огромными доходами (до 9000 фунтов ежегодно во времена творческого подъема), никогда не мог навести порядка в своих денежных делах, жизнь которого до внезапной и ужасной перемены^[2] представляет собой цепь изысканнейших, расточительнейших наслаждений.

Вот Генрих Гейне — он очень хотел играть роль светского человека и никак не мог преодолеть в себе унаследованные от отца черты мелкого буржуа, и Оскар Уайльд — истинный денди, бесспорный король лондонских и парижских салонов, олицетворение всего светского.

Вот Генрих Гейне, насквозь fanfaron de vice (человек, думающий о себе хуже, чем он есть на самом деле. фр.), честное, традиционное стремление к морализации обнаруживается во всем написанном им, и Оскар Уайльд, начисто лишенный совести, которого плохо маскирует его во многом противоречивое письмо из тюрьмы, обычно неправильно именуемое нами как «De profundis» (заупокойный католический гимн: от первых слов «Из глубин...» лат.).

Вот Генрих Гейне — человек с предвзятыми мнениями, вся его жизнь — живая передовица, всегда что-то защищающий всем теплом своей души, и Оскар Уайльд — холодная натура, преданная одному лишь искусству, противопоставляющий любой политике, любой тенденциозности ледяное равнодушие, никогда не стремящийся кого-либо переубедить, снисходящий лишь до высказывания своего мнения.

И все же, несмотря на все эти различия, чувствуется известная общность, нечто роднящее две эти индивидуальности.

Источник трагического в характере обоих писателей – один и тот же. Трагичным в сущности Гейне мне представляется раздвоение между его большим, болезненным стремлением к сильной абсолютной вере и горьким скептицизмом, разрушающим все чисто эмоциональное. Всю свою жизнь Гейне искал идеал, к которому смог бы со всей страстной самоотреченностью прилепиться; но каждый раз эту, находящуюся в поре своего первого цветения веру разрушал его едкий критицизм. Так шестнадцатилетний мальчик бросился в объятия туманного мистицизма^[3] с католическим налетом, так юноша внушил себе байроническую страсть к своей кузине, так берлинский студент увлекался национально-еврейскими бреднями, так парижский литератор носился с различными политическими утопиями. Все эти идеалы, однако, не смогли устоять перед его оценивающим разумом, все они гибли под натиском его саркастического ума.

Так же, как у многих культурных евреев девятнадцатого столетия, сатирические мысли обвивали любое его чувство, чтобы затем задушить его в своих отравленных объятиях. По-видимому, писатель сам очень ощущал эту мучительную двойственность своей души. Ибо пронизывающая все его творчество раздвоенность между идеями Назареев и мифом о Елене Прекрасной – что же это как не антагонизм между романтически иронизирующим критицизмом и гармонически наивным, самоуверенным идеализмом, антагонизм, который он, пожалуй, чувствует, но никогда не в состоянии примирить? И о чем ином возникает печальная песнь о никогда не угасающем стремлении к чудесному острову Бимини^[4], как не об этом, самом горячем, сладостном и мучительном желании примирения? Гейне сам себе дал удивительно точную характеристику, сказав однажды об Ари Шеффере^[5], что все его произведения «представляют собой эфемерное стремление – взгляд из мира земного без настоящей веры в мир потусторонний – туманный скептицизм». Эта жажда целостности, религии, гармонии индивидуума является основным ядром в сущности Гейне. Это стремление с перебитыми крыльями, стремление, угасающее в печальной разочарованности, является в его сущности действительно трагичным.

Пожалуй, с обывательской точки зрения было бы правильным утверждать, что основная характерная черта Оскара Уайльда – аффектация, что его любовь к искусству – не что иное, как игра. Однако такое объяснение нас не удовлетворяет, оно принижает, омещанивает задачу, делает ее банальной и не приближает нас к решению вопроса. Мы не решились бы его и в том случае, если бы под влиянием дурманяще сладостного красноречия Гофмансталя^[6] пытались показать, что трагичное у Оскара Уайльда заключается в сумеречно- жутком предчувствии ужасной перемены в своей судьбе, в зловещем, смутном ожидании, едва ли не перешедшим в желание, того внезапного падения, которое жестоко изменило течение его жизни, подобно тому, как предсказания оракула – течение жизни Эдипа.

Я более склонен думать, что трагическая основа сущности Уайльда – та же, что и у Гейне, – никогда не утихающая, вечно сжигающая жажда гармонии, религии, цельности индивидуума. Острый, безжалостный ум писателя с неопровержимой ясностью показывает ему вопиющие противоречия его жизни, фрагментарность его характера. Он ищет средства уйти от этого мучительного сознания, он ищет веру, к которой мог бы прилепиться; он внушает себе уверенность во всемогуществе искусства, освобожденного его адептами и жрецами от несовершенства бытия. Он страдает, он высмеивает, он принижает действительность. Перед невероятной отвагой его атак «факты бегут словно дикие звери от охотника». «Чтобы уйти от страданий жизни, он становится зрителем своей собственной жизни» («Дориан Грей»), «свою жизнь он подменяет искусством, пытается, используя красоту, сделать себя совершенным». Он бежит от пустоты своей жизни в искусство. Но ему приходится признать, что и здесь страстное желание, цель, к которой он стремится, не приводит к покою, и в часы таких мучительных, полных отчаяния прозрений оскорбленная, униженная действительность мстит своему поработителю, с издевательской жестокостью погружает его в омерзительную клоаку, принуждает его осквернить себя, как осквернил себя Дориан Грей, ради того, чтобы забыться.

Уже в грандиозном панегирике искусству, созданном им в романе «Дориан Грей», чуткое ухо услышит нотки этой глубокой разочарованности во всемогуществе искусства. Более отчетливо звучит эта тема в сказке «Рыбак и его душа», еще более отчетливо – в письме из тюрьмы. И даже те, внутренний слух которых весьма нечувствителен, слышат эту тему в маленькой притче «Рассказчик», дошедшей до нас благодаря другу Уайльда, Андре Жиду. Человек, который видит окружающий мир не более глубоко, чем любой из нас – таково содержание притчи, – хорошо рассказывает невероятные истории о всем увиденном им. И вот однажды, увидев действительно удивительное – фавнов, сильфов и сирен, он замолкает, теряет свой дар рассказчика. Вот она, горькая истина: живущий реальной жизнью не рассказывает, не творит, не может уйти в область искусства. Лишь тот, кто не живет полнокровной жизнью, лишь человек с раздвоенным сознанием пытается найти в искусстве то, что вдохнуло бы жизнь в его пустое существование, сделало бы его существование содержательным.

Следовательно, это страстное стремление к целостности, к религии, к гармонии личности – лучшее и неподдельное в Оскаре Уайльде. Это страстное стремление с перебитыми крыльями, это стремление, задышающееся в проклятом разочаровании – действительно трагичное в его сущности.

Эта злосчастная раздвоенность между желанием и неспособностью верить во всеуниверсальный идеал роднит между собой Генриха Гейне и Оскара Уайльда.

2. Общее отношение к искусству

Ни Гейне, ни Уайльд не творили из внутренней потребности за исключением разве тех случаев, когда их заставляло высказаться то страстное стремление, о котором мы только что говорили. Как ни могучи были их таланты, все же в их произведениях не чувствуется дыхание того чистого, высокого вдохновения, которое заставляло творить, например, Гёте, Клейста, Готфрида Келлера^[7]. В недобрый час Гейне мог написать и такое: «В конечном счете поэзия всего лишь красивая безделушка». И в то же время, имея склонность убивать все окружающее своими ироническими афоризмами, искусство они воспринимали со всей серьезностью.

Оба не раз пытались проанализировать свое отношение к сущности искусства. Во всем существенном их взгляды на искусство полностью совпадают.

Прежде всего, оба совершенно отделяют личность художника от его творчества. Гейне неодобрительно высказывается о тех литературоведах, которые пытаются найти связь между личностью автора и его произведениями, они «лишают стихотворение девственности»; Уайльд же утверждает: «То, что иной писатель – отравитель, ничего не говорит против его прозы. Семейные добродетели никакого отношения к искусству не имеют»^[8].

Для обоих искусство – самоцель, для обоих – оно нечто противопоставляемое жизни, действительности. Вот как говорит Гейне: «Дагерротипия свидетельствует против ложного взгляда, будто искусство есть подражание природе. Природа здесь сама доставила доказательство того, как мало она понимает в искусстве, каким жалким получается все у нее, когда она начинает заниматься искусством» («Мысли, заметки, импровизации». – перев. Е. Лундберга). Уайльд пишет: «Искусство представляет лишь само себя; независимое, оно живет точно так же, как мысль, замкнутой жизнью и развивается совершенно органически», или «Истинным учителем искусства является не жизнь, а искусство». Таким образом, как сама собой разумеющаяся напрашивается мысль: все материальное обоим писателям представляется совершенно не стоящим внимания. «Изображает ли кто-нибудь сыр с гнильцой, – читаем мы у Оскара Уайльда, – или прекрасную Елену – одно и то же, если это изображение – искусство». И Гейне с восхищением отзывается о испанцах, «которые в равной степени получали наслаждение от любой хорошей картины, безразлично, что на ней изображено, – мальчишка ли попрошайка, ищущий у себя насекомых, или благословенная дева Мария». Искусство для них – форма, искусство для них – стиль. «В искусстве, – поучает Гейне, – форма – все, материя – ничто. Штауб (знаменитый парижский портной) независимо от того, чей материал, его или заказчика, берет за фрак одну и ту же цену. Он берет деньги лишь за фасон, материал же дарит».

В теснейшей связи с таким подчеркиванием примата формы находится безусловно аристократический характер их поэзии. Они любят пышность, богатство, стильное изящество, драгоценное, редкое, охотно и свободно обращаются к древним, благородным культурам. Никто не славословил изящество такими тщательно отшлифованными словами, как Уайльд в «Дориане Грее», а иронии Гейне не заглушить его гордости своим родом, перерастающей подчас в дифирамбы. Редкий писатель так вдохновенно, так тонко высмеивал вульгарное, плебейское, как Гейне, как Уайльд, редко кто бросал в светскую или литературную чернь слова, полные такой издевки, такой жгучей ненависти, как Гейне или Уайльд. «Демократическая ненависть к поэзии, – глумится Гейне. – Парнас следует скрыть до основания, сравнять, на месте его проложить макадам^[9], и там, где некогда карабкался в высь досужий поэт, подслушивая соловьев, вскоре ляжет ровная столбовая дорога, пройдут железнодорожные рельсы» («Мысли, заметки, импровизации». – перев. Е. Лундберга). Или: «Демократия ведет к гибели литературы: к свободе и равенству стиля». Ему же принадлежит блестящее выражение: «В мире поэтов – tiers etat (третье сословие. фр.) не приносит пользы, оно вредно».

Оба они – до мозга костей романтики. Они ненавидят повседневность, действительность. В сатирах, в гротесках они искажают будничные события, будничных людей, высмеивают все устаревшее, все традиционное. Они любят новизну, все отличающееся от вчерашнего, все необычное. Любят костюм, жест, маску, театр, все изысканное, непривычное, труднодоступное. Общечеловеческому они предпочитают странное, диковинное, несвойственное человеку. Их излюбленной областью является область сновидений, привидений, противоестественного. Больше всего ценят они внешность, позу. Без всякого стеснения готовы они пожертвовать содержанием ради оболочки. Уайльд договаривается до парадокса: «Лишь поверхностные люди принимают поверхность за что-то поверхностное». Так подчас они оказываются похожими на того

стендалевского самоубийцу, который перед тем, как выброситься из окна, думал о том как бы упасть на мостовую поизящнее.

Их искусство – романтично. Они ненавидят все мещанское, буржуазное и своим принципом избрали *epater le bourgeois* (эпатаж буржуа. – фр)^[10]. Они любят играющее всеми цветами радуги очарование большого преступления. Они ненавидят простое, здоровое. «Основная черта нынешних поэтов, – издевается Гейне, – здоровье, вестфальское, австрийское, даже венгерское здоровье». И они любят нежное, болезненное, извращенное.

Они – романтики. Выразительное для них – искусство низшего разряда, и Гейне полагает, что, упрекая греков и Гёте в выразительности, он принижает их. Краски и звуки любят они больше всего. Они предпочтут изнасиловать, изуродовать мысль, образ, но не откажутся от красок, звучаний. Они ненавидят бесцветность и испытывают ужас перед скукой.

Собственно предмет им часто вообще безразличен. Подобно искусным адвокатам, они могли бы защищать любое из двух противоположных мнений. Ничто не внушает им глубокого благоговения, ни к кому не испытывают они уважения и к себе также.

Они – не великие творческие личности. Иные их внезапные идеи поражают своей силой, но тут удивительно подходят слова Грильпарцера^[11]:

Внезапные идеи – неглубокие мысли.

Глубоким мыслям присущи границы.

Внезапная идея не знает границ,

Исполнение же ее – топчется

на месте.

Тщательно продумать, построить логические заключения, гармонически скомпоновать несколько мыслей – на это им недостает энергии. Поэтому они и не решаются работать на новом материале, хотя и могут придумать интересную фабулу. Я вспоминаю о том, как Гейне своими произведениями «Тангейзер» и «Летучий голландец» помог Рихарду Вагнеру^[12].

Оскар Уальд со своей матерью

Понимая свою слабость в композиции, Гейне и Уайльд предпочитают обращаться к унаследованному от старых мастеров материалу, уже композиционно обработанному, они ограничиваются тонкой отделкой частностей. На вопрос, является ли разделение труда в сфере духовного творчества плодотворным, Гейне отвечает утвердительно: «Шедевр можно создать только так». И он ссылается на Гомера, на Шекспира, на Гёте, которые для своих произведений весьма часто заимствовали материал у предшественников. И Уайльд использует, как известно, как раз для своих наиболее совершенных творений материал и даже основные контуры чужих работ: для «Флорентийской трагедии» – новеллу из книги Страпаролы ^[13] «Piacevoli notti» («Приятные ночи»), для романа «Портрет Дориана Грея» – рассказ Эдгара Аллана По и роман Бальзака «Шагреновая кожа», для «Саломеи» – повесть «Иродиада» Гюстава Флобера.

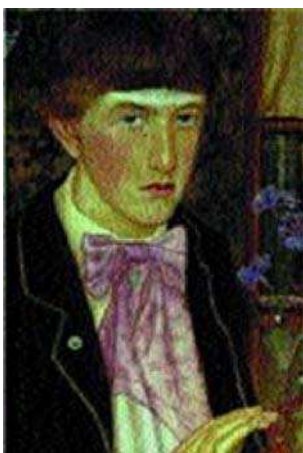
Гейне и Уайльд мелки в своих больших полотнах, велики в небольших произведениях. Им не удаются многоактные драмы, длинные рассказы, но они непревзойденные мастера афоризма, баллады, они неподражаемы в описании мгновения – Гейне – как лирик, Уайльд – как автор одноактных пьес, короче, в любом малообъемном произведении. Во всем, относящемся к технике художественного творчества, они тонкие ценители, высокоэрудированные знатоки. Они высказывают смелые суждения о новых картинах, о поразительно красочных характеристиках, о верности чувству стиля, о захватывающих контрастах, о грациозной элегантности, о тончайшей культуре речи. Они могут добиться любого желаемого ими эффекта в малом, и даже – как раз это представляется мне триумфом их виртуозности – средствами чрезвычайно рафинированной, сложнейшей техники они умеют создать впечатление предельной простоты, глубокой трогательности.

Каждый из них – в разладе с собой: они начисто лишены чувства юмора, но зато владеют блестяще отточенной остротой, такой зловеще жалиющей остротой, какая в мировой литературе давалась разве что еще Аристофану, Аретино, Сервантесу, Рабле, Гриммельсгаузену, Бомарше, Вольтеру, Лессингу и Ибсену.

С равной уверенностью выискивают они и находят все смешное в объекте своего наблюдения или все, что есть в нем хорошего. Никогда не рассматривают они

художника или художественное произведение как нечто целое, всегда лишь – его достоинства или недостатки. Как критики они предвзято односторонни. В критике наиболее удается им то же, что и в оригинальных произведениях. Центр тяжести в их критике – форма. Уайльд пишет блестящее эссе, основная мысль которого в том, что «отталкиваясь от обсуждаемого художественного произведения, критик должен создать свою оригинальную работу» и в тонкой сатире «Портрет мистера WH»^[14] высмеивает пороки профессиональных литературных исследований. Представления же Гейне о критике исчерпывающе выражает его афоризм по поводу «Истории литературы» Гервинуса^[15]: «Задача заключалась в том, чтобы передать без остроумия в толстой книге то, что Гейне дал в маленькой книжечке с большим остроумием: задача решена правильно».

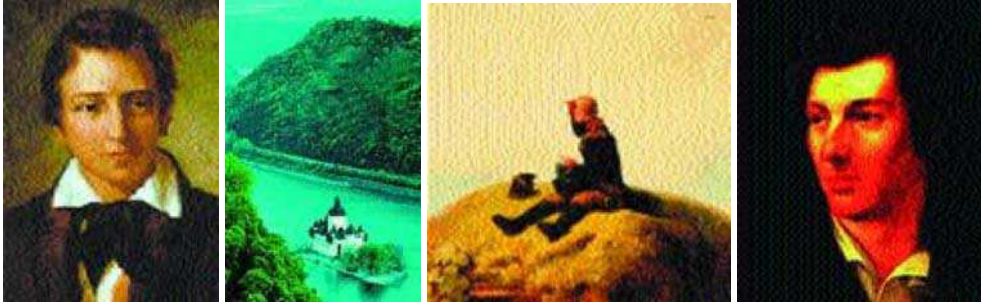
Показанные нами общие для обоих писателей черты по отдельности ничего не говорят, собранные же вместе – говорят о многом. Попытаемся же найти в этих частностях общность.

Итак, мы установили: общим для обоих писателей являются уверенность в абсолютной независимости творчества художника от его характера, уверенность в самоцели поэзии, презрение к материалу, благоговение перед формой; общим для их творчества являются основные черты романтизма: аристократический характер, пренебрежение к общечеловеческим чувствам, пристрастие к необычному, болезненному, к извращению, преклонение перед краской, музыкой; общим для них, далее, являются неспособность создать большое художественное полотно, высокое мастерство в исполнении малообъемных произведений, виртуозная техника, недостаток юмора, блестящее остроумие, высокий дар художника-критика.

Вот отдельные слагаемые исследования: каков же итог? Гейне и Уайльд – выдающиеся мастера искусства. В их работах, в звучании их слов, в строении их фраз – нет ни одного изъяна; гармония их стихотворений безупречна. Однако добросовестное прилежание, с которым они описывают людей и вещи, не согревает объекты их наблюдения, оно лишь освещает их. Писатели повествуют о людях, о предметах удивительно красивыми, красочными, пожалуй, даже, если хотите, теплыми, живыми словами, но элементы творчества при этом отсутствуют. Они говорят обо всем умно и возвышенно, они оценивают, критикуют, но не формируют, не создают. Писателям недостает любви к созданным ими образам, чтобы наполнить их жилы кровью своего сердца. Никогда чувства не говорят в их образах, нет, образы лишь говорят о чувствах. Это к Гейне и Уайльду относится сказанное однажды Гейне о Лессинге: «Есть люди, к которым все приходит извне, так называемые таланты... Ничего нет в их сознании, что они восприняли бы не своими органами чувств. Но есть также люди, все творчество

которых духовно, это гении, Рафаэль, Моцарт, Шекспир, роды которым даются труднее, чем так называемым талантам. У тех – поделки без жизни, без сокровенной сущности, механизм, у этих – органичное создание». В любом произведении Гейне и Уайльда обнаруживаются следы критики, всегда в них что-то определяется, подвергается психологическому анализу. Оба писателя исключают жизнь из сферы искусства: их искусство уподобляется тому лишенному души рыбаку, о котором рассказал Уайльд.

Естественно, это не категорическое утверждение. Конечно, в сочинениях обоих художников иной раз и звучат нотки чистейшей поэзии. Но эти отдельные исключения не противоречат основному характеру литературного творчества писателей. Поклонникам обоих писателей можно, пожалуй, сделать уступку, признав, что Гейне и Уайльд занимают некое промежуточное положение – между талантами и гениями, имея в виду определение, данное самим Гейне: «Гений творит синтетически, талант – аналитически. Однако имеются и такие характеры, которые в этом смысле могут быть и гениальными и талантливыми».

Гейне и Уайльд очень хорошо понимали, чего они стоят как творческие личности. Они были слишком тонкими ценителями и большими эрудитами, чтобы достичь высот поэтического творчества. Как ни парадоксально это звучит, они терпели крушение, разбиваясь о скалы своего мастерства. Или, пользуясь терминологией Гейне, я мог бы сказать, что они были слишком большими художниками, чтобы стать великими поэтами.

Все, что у Гейне, у Уайльда исходит от души, должно сначала совершить окольный путь – через рассудок. Их искусство в конечном счете представляет собой опозитизированную критику.

Это и является общим в их искусстве: их поэзия – поэзия рассудка, а не сердца.

Мы видим, что противоречие между сердцем и рассудком, противоречие, которое делает их жизнь трагической, подтачивает также и их искусство. Болезненно разросшийся критицизм этих художников побудил их ради сохранения чистоты своего искусства отдалить, изолировать его от своей жизни. Мефистофельская шутка мирового духа – ибо как раз эта изоляция творчества от жизни не позволяет им достичь высот искусства.

3. Общее в литературном положении

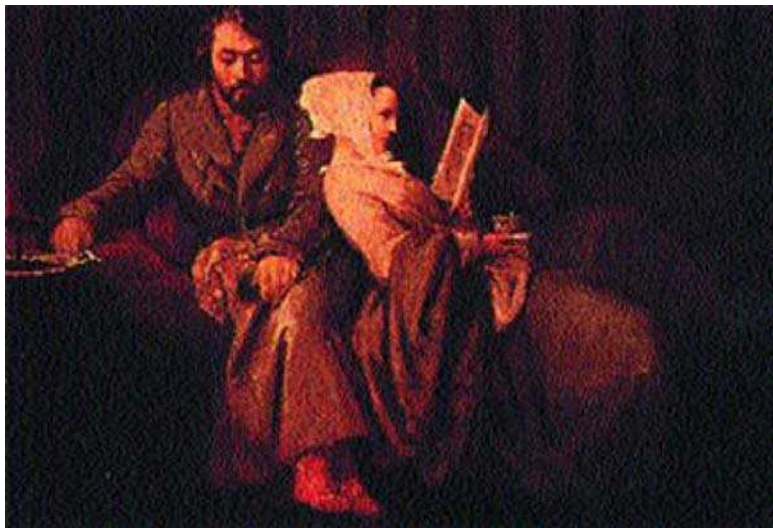
Характер произведений Гейне и Уайльда последовательно космополитичен. Оба поэта во всем интернациональны. Оба любят Париж, самый интернациональный город мира, французскую литературу, которую очень хорошо знали и которой обязаны были богатейшими источниками и стимулами к творчеству, безупречно владели французским языком, на котором бегло говорили и легко писали. Как известно, некоторые прозаические произведения Гейне, «Саломея» Уайльда появились сначала на французском. Интернациональный характер их поэзии подтверждается тем, что ни один немецкий поэт, ни Гёте, ни Шиллер даже, не популярен так за границей, как Гейне, и что после Шекспира и Байрона Уайльд – самый читаемый за пределами Англии английский автор. Ни одному немецкому поэту так не везло с хорошими переводчиками, как Гейне, ни один англичанин девятнадцатого века, ни Байрон, ни Диккенс не был так хорошо переведен на другие языки, как Уайльд. Общим в литературном положении обоих писателей является это преодоление национальных барьеров.

Характерное для обоих пренебрежение содержанием является причиной другой общей черты. Считая себя вправе использовать для творческой обработки любой материал, они ввели в мировую литературу новые сюжеты. Вслед за Рихардом Майером^[16] можно утверждать, Гейне впервые открыл поэзию моря и вновь вернул миру поэзию физических страданий. Он популяризировал также – правда, не открыл – поэзию мелких, грязных, низких порывов души, поэзию тех чувств, которые каждый хочет сохранить в тайне, поэзию мелких грешков. Уайльд со своей стороны с неслыханной дерзостью открыл для поэтического искусства область половых извращений. Этому открытию можно удивляться, можно его проклинать, но как с литературным фактом, с ним не считаться нельзя, ибо за первооткрывателем в эту новую область последовали писатели всех национальных литератур.

Столь характерные для Гейне и Уайльда пренебрежение содержанием и пристрастие к остроумиям позволяют провести дальнейшие параллели: и тот, и другой использовали весьма своеобразно романтическую иронию. Многие их поэтические произведения до последней фразы апеллировавшие к чувствам читателя, неожиданным заключительным оборотом приобретают совершенно новое звучание, воздействующее на рассудок читателя. Я имею в виду знаменитые «циничные» концовки стихотворений Гейне, заключительную часть «Флорентийской трагедии» Уайльда. Если быть объективным к своеобразию творчества Гейне и Уайльда, то эти концовки, весьма быстро нашедшие себе подражателей, не следует рассматривать как произвольные, вычурные придатки к произведению; нет, это органичные составные элементы произведения, это его мозг, его сущность.

Итак, лиризация острот, скептицизма, взятая Гейне и Уайльдом на вооружение, очень быстро нашла распространение у подражателей. Но нельзя не признать, что это влияние принесло с собой серьезную опасность. Многие переняли у поэтов внешнее в методе, не поняв силы абсолютного господства форм, решив, что располагая таким оружием, они смогут опозитизировать любую мысль. Но несмотря на кажущуюся небрежность как раз подобное искусство особое внимание уделяет форме, и если в форме не удастся достичь самых больших высот, оно полностью теряет свою ценность. Вот и получилось, что многие литературные приемы, заимствованные иными подражателями у Гейне (для лирики) и у Уайльда (для драмы), использовались ими как фабричное клеймо для порнографических произведений самого низкого сорта. И Гёте оказался прав, сказав однажды о Гейне: «Он – Б-жество тех, которые охотно стали бы такими же отрицательными личностями, как и он, но не имеют к этому таланта». Создав шаблоны, с помощью которых мысли, лишённые всяких чувств, облекаются в форму лирических стихотворений, Гейне способствовал массовой фабрикации низкопробной лирики. Создав шаблоны, с помощью которых о любой женщине можно написать неоромантическую драму, Уайльд открыл шлюзы бурному потоку низкопробных неоромантических драм. Поистине ироническое стечение обстоятельств – богатое, насквозь аристократическое искусство этих двух художников способствовало тому, что на Парнас вскарабкалась целая толпа ординарнейших плебеев.

«Генрих Гейне и его жена Матильда». Художник Э.Кейтц, 1851 год.

Конечно, Гейне и Уайльд, так настойчиво подчеркивая всем своим творчеством формальные принципы, чрезвычайно много сделали для развития литературной культуры. Никому из немецких лириков не удавалось создать чарующих ритмов, подобных тем, которыми так богаты стихи Гейне. И ни одному немецкому прозаику, да и французскому тоже, не удалось устоять против влияния его изысканной прозы, полностью отвечающей идеалу Ницше: приблизиться насколько возможно к поэзии, но не оказаться в ее пределах.

Аналогичное можно сказать о прозе Уайльда и английской литературе. Если у нас сейчас есть фельетонисты, произведения которых можно отнести к большой литературе, то в этом прежде всего заслуга Гейне и Уайльда. Их в первую очередь мы должны благодарить за то, что импрессионизм проник в критику. Многие первоклассные критики опирались и опираются на их наследие.

Перейдем же теперь к основному признаку, характеризующему общность в их литературном положении.

Представим себе, что историк литературы, смотрящий поверх барьеров национальностей, пишет историю европейского романтизма девятнадцатого века. Было бы чрезвычайно интересно проследить за всеми приливами и отливами романтизма в европейской литературе. Он не обнаружит, по-видимому, различия между старшими и младшими романтиками и едва ли найдет в девятнадцатом веке хотя бы десятилетие, в котором ни одна из европейских литератур не находилась под господствующим влиянием романтиков. Да, вероятно, окажется, что сильное натуралистическое течение семидесятых-восьмидесятых годов не что иное, как искаженное, замаскированное романтическое движение.

И станет очевидным: Генрих Гейне, Виктор Гюго, Фридрих Ницше, Оскар Уайльд, все эти художники – титаны европейского романтизма.

Тотчас же обнаружится, что между Гейне и Уайльдом и здесь можно провести самые близкие параллели. Среди этих четырех именно они являются представителями рассудочного искусства. Среди романтиков девятнадцатого века именно они являются художниками, в совершенстве владеющими техникой формы.

Мы наблюдаем здесь цепочку культурной преемственности. Как во многом другом, и здесь Уайльд завершил начатое Гейне. И если позволительно назвать Гейне Иоанном нашего раннего романтизма, то Уайльда – какое многозначительное совпадение дат смерти Гейне и рождения Уайльда (1856 год!)^[17] – мы смогли бы считать мессией этого направления.

[4] Бимини – небольшой островок Боготского архипелага (Вест-Индия). Поэма «Бимини» (написана после 1851 года) – о ключах молодости, об острове вечного счастья. Поэт находит этот остров. Заключительные строфы поэмы приводятся в переводе В. Левика.

**...Наконец пришли в страну, —
В ту страну, в предел печальный,
В тень угрюмых кипарисов,
Где шумит река, чьи волны
Так чудесны, так целебны.**

**Та река зовется Летой.
Выпей, друг, отрадной влаги
И забудешь все мученья,
Все, что выстрадал, забудешь.**

**Ключ забвенья, край забвенья!
Кто вошел туда – не выйдет.
Ибо та страна и есть
Настоящий Бимини.**

[5] Шеффер, Ари (1796-1858) – французский исторический художник.

[6] Гуго фон Гофмансталь (1874-1929) – австрийский поэт, прозаик, драматург. Мысль о том, что Уайльд предвидел свою судьбу, высказывалась многими. Так, Андре Моруа в лекции «О биографии как художественном произведении» напомнил, что Оскар Уайльд как-то заметил, что жизнь, для того чтобы быть прекрасной, должна окончиться неудачей, и привел в пример жизнь Наполеона, доказав, что, не будь ссылки на остров Св. Елены, она утратила бы весь свой трагизм.

[7] Клейст, Генрих фон (1777-1811) – немецкий драматург, новеллист.
Келлер, Готфрид (1819-90) – швейцарский немецкоязычный писатель.

[8] В письме редактору журнала «Шотландское обозрение» от 09.07.1890 Уайльд писал: «Для поэта вообще нет нравственного кодекса. Добродетель и порок для него то же самое, что для живописца краски на его палитре <...> Яго может быть чудовищем порока, а Имогена беспорочно чиста. Но, как сказал Китс, Шекспир испытывал такую же радость, создавая образ Яго, как и творя Имогену».

[9] Здесь – мостовая, выполненная способом, при котором поверх слоя крупных камней насыпается несколько слоев мелкого щебня, утрамбовываемых тяжелым катком. Названа по фамилии инженера-изобретателя Мак-Адама.

[10] К. Чуковский в очерке «Оскар Уайльд» пишет об экстравагантном, «эстетском» костюме поэта, рассчитанном, чтобы «привлечь к себе внимание публики: короткие штаны до колен, черные длинные чулки, бархатный золотистого цвета пиджак, украшенный огромным цветком в бутоньерке (порой лилией, а порой и подсолнечником) и при этом каштановые кудри до плеч, немислимые в тогдашнем английском быту».

[11] Грильпарцер, Франц (1791-1872) – австрийский драматург, поэт, критик.

[12] Поэма «Тангейзер» (1836) – свободное переложение немецкой народной баллады – была использована Р. Вагнером при создании оперы (1843–1845). По народным преданиям и новелле Гейне «Летучий голландец» Р. Вагнер написал оперу (1841).

[13] Страпарола, Джан Франческо (последняя четверть XV века – после 1557) – итальянский писатель. Книга «Приятные ночи» представляет собой собрание новелл, анекдотов, загадок (75 миниатюр). Книга попала в Индекс, издавалась с большими купюрами. К. Чуковский в упомянутом очерке об Уайльде пишет: «Его роман “Портрет Дориана Грея” изумительное

подражание Бальзаку и Гюисмансу, в его сказках много Андерсена, его знаменитая поэма “Дом блудницы” есть сочетание Эдгара По с Бодлером».

[14] «Портрет мистера WH» (1887) – новелла, своеобразная литературная мистификация, объявляющая адресатом сонетов Шекспира Уильяма Хьюза, юношу-актера, исполнявшего, как это было тогда принято в британских театрах, женские роли. Аргументом в пользу своей гипотезы Уайльд выдвинул тот факт, что актера с этим именем в списках шекспировской труппы нет.

[15] Гервинус, Георг Готфрид (1805-1870) – немецкий историк и политический деятель, создатель культурно-исторической школы в немецком литературоведении. Автор «Истории немецкой национальной литературы» (5 книг, 1835-1842). Вероятно, Гейне, давая отзыв о книге Гервинуса, имеет в виду свою работу «Романтическая школа» (1833).

[16] Майер, Рихард Мориц (1860-1914) – немецкий историк литературы.

[17] Лион Фейхтвангер ошибся, назвав 1856 год годом рождения Уайльда. Эта дата дается и в БСЭ (второе изд.), и в ряде книг об Уайльде. Однако в БСЭ (третье изд.), в немецком Брокгаузе 1974 года издания, в Британской энциклопедии – это 1854 год.

КОНЕЦ СВЕТА

Ááááá Ì ááááá

В особнячке по улице Ливанских кедров, третий дом от угла, подымались рано. Первым, в шесть утра, вставал Рувим Гутник, глава семьи и хозяин, мужчина за пятьдесят, с сильными руками и короткой мощной шеей, но уже проверяющий давление крови в две недели раз и прислушивающийся время от времени к усталому бегу сердца. Следом за хозяином послушно подымалась с коричневого матрасика собака Юка – рыжая сука доброго нрава и редкой породы, охотничьих кровей. А потом и Полина, Поля, со вздорным смешным характером, младше Рувима на шесть лет, появлялась в дверях спальни в своем бархатном, винного цвета халате и домашних китайских шлепанцах со вздернутыми острыми носами. Один только дедушка Моисей Соломонович, книгочей и в дальнем прошлом гуляка и игрок, продолжал похрапывать в своей комнате под крышей. А больше в особнячке никого не было: дети – и общие, и отдельные – разъехались уже по разным краям страны и земли и жили обособленно, по своему разумению.

Фасадом особнячок выходил на улицу Ливанских кедров, а тылом – в зеленый дворик, на ухоженную травяную лужайку с дачным столиком, в самом центре которой красиво росло серебристое масличное дерево. За белым ажурным забором, ограждавшим земельное владение Рувима Гутника, кипела стройка: там возводили дом, загорелые рабочие тюкали молотками по доскам опалубки, а бетономешалки, установленные на платформах грузовиков, рычажи и фыркали. За стройкой широко расстилалась апельсиновая роща, там жили зайцы под темными кронами, осыпанными искрами плодов. Апельсинов оранжевых луны восходят и светят.

Умывшись и обстоятельно причесав остатки волос на угловатом черепе, Рувим спустился со второго этажа в нижнюю гостиную и, отперев задвижку, широким хозяйским движением распахнул двери, ведущие на лужайку. Прodelывал он это каждое утро – и для себя, и для Юки: ему не терпелось после тесной затемненной спальни поскорей окинуть взглядом сверкающий простор мира, а разумное охотничье животное после ночного отдыха желало ограниченной свободы для отправления естественных надобностей. Распахнув двустворчатую, похожую более на небольшие ворота дверь, Рувим по-хозяйски оглядел простор с масличным деревом, проснувшейся уже стройкой и бесконечным небом над утренней равниной и, отступив от порога, прошел в кухню включить электрический чайник. Все, что произойдет дальше, было известно Рувиму досконально: Юка вернется в дом и примется грызть свои шарики, чайник вскипит, Поля спустится сверху, со второго этажа и займется тостами и яичницей с помидорами и сыром. В семь часов придет пора уходить на службу – Рувиму в его магазинчик электробытовых товаров, приносящий, слава Б-гу, устойчивый доход, а Поле – в почтовое управление на полставки. И в доме останутся двое: Юка и дедушка Моисей Соломонович, похрапывающий покамест в комнате под крышей. Такой устойчивый распорядок не то что нравился задубевшей за долгие годы однообразия душе Рувима Гутника, но внушал уверенность в незыблемости и правильности мирового существования.

Юка, стоя на пороге, в дверях, то ли на кого-то зарычала, то ли заскулила, и Рувим обернулся удивленно: эт-то еще что такое? Рабочие со стройки, что ли, дразнят собаку? Прижав хвост к брюху и нагнув голову, Юка продолжала тоскливо рычать на одной ноте.

– Ну, я вам сейчас покажу!.. – пробормотал, неизвестно к кому обращаясь, Рувим и решительно шагнул к дверям.

Во дворе никого не было. Посреди лужайки, на месте масличного дерева, рос гигантский, в три обхвата ливанский кедр, острой своей короной вымахнувший куда выше крыши рувимова особняка. На мощной нижней ветви, на высоте второго этажа, сидела почему-то крупная, размером с пони обезьяна и нагло скалила отменные зубы. У Рувима опустились руки.

– Н-да... – отступив вглубь гостиной, озадаченно молвил Рувим. – Не может этого быть. – Юка боязливо жалась к его ногам.

Тут на лестнице показалась Поля в своих китайских шлепанцах.

– Иди сюда, – строгим шепотом позвал Рувим. – Смотри!

Поля выглянула через порог, как через невидимый барьер, – изогнувшись в поясе.

– Обезьяна, – сказала Поля. – Не может быть. А вдруг она из зоопарка убежала?

– А кедр? – сказал Рувим, держась на расстоянии от двери. – Из Ливана убежал?

Самым неприятным, возможно, было то, что за ажурным заборчиком не кипела теперь никакая стройка – не было там ни рабочих, ни их машин, а только суровые валуны, покрытые зеленым лишайником, и близкие снежные горы, отродясь неведомые в этих жарких библейских краях.

– Так это как же, Рува, – потухшим голосом сказала Поля. – Это что ж случилось-то...

Тут спустился нежданно из-под крыши дедушка Моисей Соломонович, храпевший в обычные дни до девяти часов.

– А то и случилось, – отпихнув внучку и с опаской выглянув наружу, сказал дедушка, – что конец света наступил. Дожили. Вон, черт на дерево залез.

На замечание дедушки Моисея Соломоновича внимания не обратили, пропустили его мимо ушей. Рувим, надев очки и повторяя, как заведенный, «сейчас, сейчас», листал телефонный справочник, а Полина, отступив к лестнице, ведущей наверх, стояла совершенно неподвижно, вцепившись в перила. Зубастая обезьяна на ветке испугала ее ужасно, и более всего ей сейчас хотелось, чтобы кто-нибудь решительный и смелый – Рувим ли, дедушка ли – закрыл дверь, отгораживающую хоть хлипко, хоть как спокойную гостиную от опасного внешнего мира. Надежды на такой мужественный подвиг было немного, поэтому она принялась убеждать себя в том, что все это ей привиделось, что нет никакой обезьяны на неизвестно как появившемся ливанском кедре – но заставить себя выглянуть наружу, чтоб убедиться в наваждении, она не могла.

А дедушка Моисей Соломонович снял с крюка вешалки зонтик и шаркающей, куда как не геройской походкой вышел из дома на волю. Подойдя вплотную к ливанскому кедру, он деликатно постучал зонтиком по его необъятному стволу и взглянул вверх, в красивые заросли ветвей. Обезьяна неодобрительно вылупилась на него, потом сунула в

пасть коричневые пальцы и противно оттянула щеки. Дедушка Моисей Соломонович подумал и замахнулся на зверя зонтиком. Тогда обезьяна легким движением освободила руки и сделала непристойный жест. Дедушка снова немного подумал и засмеялся вполне искренне, а обезьяна захлопала в ладоши.

– Не так страшен черт, как его малюют, – сказал дедушка Моисей Соломонович и угодливо погрозил обезьяне пальцем.

В гостиной особнячка царила тем временем напряженная атмосфера. Говорить о неожиданных изменениях за окном было еще страшно, поэтому невысказанные горькие слова клубились, как рой мошкар, в глубинах беспокойного существа Полины, а Рувим усердно листал телефонный справочник, в котором насчитывалось не менее полутора тысяч страниц.

– Что ты мусолишь этот дурацкий справочник? – оторвавшись от перил, сказала Полина. – Сделай что-нибудь! Ты же мужчина.

– Ну, конечно! – не отводя глаз от бесконечных колонок цифр, сказал Рувим. – Ты всегда считала, что настоящий мужчина – это тот, кто умеет чинить водопровод.

– Ах, вот как ты заговорил! – разыграла фальшивое удивление Полина. – Вместо того, чтобы...

– Вот! – воскликнул Рувим, направив палец в строку справочника. – Нашел! Муниципальная служба защиты граждан от диких животных! – Он потянулся к телефонному аппарату и снял трубку. Телефон был мертв, как стол, на котором он стоял.

– Ну? – спросила Полина.

– Молчит, – озадаченно сказал Рувим. – Не работает...

– Сходи к соседям да позвони, – сказала Полина и плечом повела. – Ну, иди же!

– Сама иди, – подымаясь из-за стола, огрызнулся Рувим. – Ишь, разошлась!

– Хам, – сказала Полина, впрочем, беззлобно.

Рувим пересек гостиную и подошел к входной двери, ведущей на улицу. Позвонив ключами, он отпер замок и вышел на крыльцо. Не было перед ним ни знакомых соседских домов, ни самой улицы Ливанских кедров. До самого горизонта лежала влажная степь с разбросанными по ней островками черного леса. Наискосок равнину прочеркивала полноводная медленная река в зеленых берегах. Ни людей не обнаруживалось в поле зрения Рувима, ни их строений.

Более всего в открывшемся пейзаже Рувима поразила река. Он, Рувим, знал совершенно однозначно и безоговорочно, что нет здесь никаких полноводных рек – ни одной. Такой уж получился тут изначально безводный край, и испокон веков жители этих мест воевали друг с другом из-за воды. И вдруг – река, хоть рис тут сажай, как в Индонезии.

– Река, – вернувшись в дом, мутным голосом сказал Рувим. – Там – река.

– Может, это наводнение? – с надеждой в голосе спросила Полина.

А дедушка Моисей Соломонович, постукивая зонтиком, вошел как-то боком, бочком и сказал уверенно:

– Наводнение, наводнение... Неси, Рувим, коньяк. Наливай, а то что-то ноги зябнут. И обезьяне этой чертовой нальем стопку.

Рувим достал из бара бутылку бренди и пару винных бокалов и налил.

– Держите, дедушка, – сказал Рувим. – Ну, что там? – Он кивнул в сторону лужайки, как в сторону линии фронта. – Эта сидит?

– Сидит, куда денется, – чуть сварливо, как о хулигане-родственнике, позорящем репутацию семьи, сказал дедушка Моисей Соломонович. – Он пока смирный, не кидается.

– Почему «он»? – придвигаясь поближе к старику, озадаченно спросил Рувим. – Это ж обезьяна.

– Черт это, – высказал уверенность Моисей Соломонович. – Ты на него только погляди – глаза человечьи, как у татарина.

– А там – река, – сообщил Рувим, указывая на окно, ведущее на улицу.

– Река? – с долей недоверия в голосе переспросил дедушка Моисей Соломонович.

– Да, река, – скорбно кивнул головой Рувим.

– Ну, река так река, – сказал дедушка и допил последние капли из бокала.

– А вам не страшно? – шепотом, как о тайном, спросил Рувим. – Все это – река, и мы совершенно одни в какой-то степи...

– Ну, одни, ну, река, – сказал дедушка Моисей Соломонович. – Человек не собака, человек ко всему привыкает. А чем тебе река хуже пустыни? Ведь пока нас никто не убивает!

– Магазины, наверно, все закрыты... – подойдя, высказала предположение Полина. – И продуктовые, и все.

– Где ты тут видишь магазины? – взбеленился Рувим. – Можешь ты, наконец, понять: мы отрезаны, от-ре-за-ны от всего!

– Конец света пришел, – дедушка Моисей Соломонович подмигнул зятю повеселевшим глазом и придвинул к нему порожний бокал. – Давай, лей!

– Ну, взялся за свое! – глядя, как веселится дедушка Моисей Соломонович, сварливо заметила Полина. – Хоть бы постыдился клюкать-то! Старик ведь уже!

На замечание внучки дедушка не обратил ни малейшего внимания, как будто муха пролетела в другом конце комнаты.

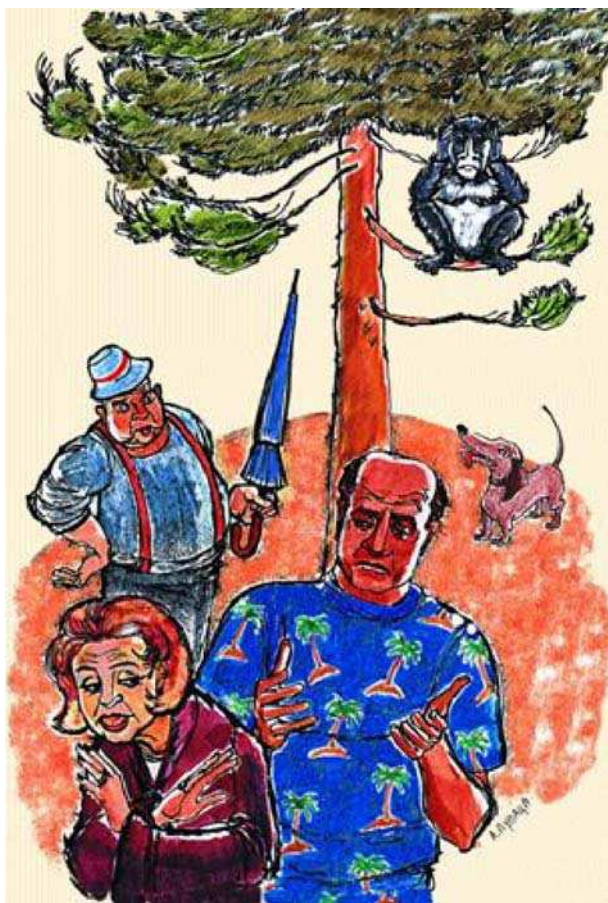
– Опьянеете, а потом что будет? – не успокоилась Полина. – Сейчас, когда надо сохранять трезвую голову...

– А зачем? – справился дедушка Моисей Соломонович. – Трезвую – зачем?

– Что-то она разошлась! – обращаясь к дедушке, строго подметил Рувим, а потом обернулся к жене: – Эй, ты! Чего это ты разошлась? А ну, замолчи! И неси завтрак!

Полина окаменела, не поверив своим ушам: за без малого двадцать лет счастливого брака Рувим впервые сказал ей «эй, ты!» Да и «замолчи», пожалуй, она от него никогда прежде не слышала.

– Ах, так, – доставая яйца и сыр из холодильника, сказала Полина. – И это ты мне смеешь говорить – ты, который мне всю жизнь исковеркал...

Это было что-то новое – насчет исковерканной жизни, и Рувим разведочно взглянул на дедушку Моисея Соломоновича. Дедушка взгляд перехватил и беззаботно пожал плечами. Мало ли что женщине взбредет в голову! Мели, Емеля, твоя неделя... Рувим уже привык за два десятка лет и почти перестал обращать внимание на эти вечные полинины «ты – лучше всех», «у тебя самая лучшая голова», «ошибаться ты просто не умеешь». Имелось в виду и электроинженерное, еще до иммиграции в Израиль, прошлое Рувима Гутника в городе Кривой Рог, и его коммерческое настоящее в городе Кирьят-Оно. Рувим знал, был уверен, что есть на свете и поумней его люди, и покрасивей, – но пускаться в спор с женой не желал: Полина стояла на своем с твердостью, достойной

лучшего применения. Поэтому внезапное откровение насчет исковерканной жизни озадачило Рувима – прежде само это мясорубочное какое-то понятие всецело относилось к первому полининному браку, неотступно маячившему где-то позади. О бывшем муже – горном каком-то гое и красавце, умевшем замечательно жарить шашлык, – Рувим выслушал немало интересных историй, вольно размещавшихся в сказочном прошлом, мебелированном красивыми озерами и горами и украшенном пирами с праздничной стрельбой и верховыми скачками в разных направлениях. Горный гой, как следовало из полининных, чуть тронутых романтической ностальгией рассказов, о хлебе насущном для себя и для своей молодой жены не задумывался никогда – все необходимое, как бы с неба свалившись, оказывалось на нужном месте, под рукой: и баран в венчике из изумрудной киндзы, и ископаемое изумрудное ожерелье из запасника краеведческого музея, не говоря уже о «жигулях» и каменном родовом гнезде с деревянным сторожевым мезонином... С небес, как известно, редко что падает, кроме града да птичьего дерьма, – поэтому полночашную горную жизнь внучки Поли дедушка Моисей Соломонович уверенно объяснял особенностями характера красавца-гоя: «Разбойник с большой дороги». Союз горного льва и низинной овечки носил сезонный характер: с наступлением зимних холодов горячие обещания и ветвисто составленные клятвы увяли и зачахли, делать было нечего и углубленная в себя Полина была посажена в поезд, катящийся под горку, в низинные края. Помимо главного подарка – живой горной луковки, не по дням, а по часам набухающей и набирающей силу в полининном бархатном чреве, в купе были щедро сложены и другие памятные подарки: тяжелая, как дверь, белая бурка, сапоги-ичики для исполнения горных танцев, четыре пары пестрых шерстяных носков ручной работы, полосатый конский рюкзак под названием «курджун», белая сванская шапочка на черном шнурке и завернутая в чистый головной платок вяленая баранья нога. Ископаемое изумрудное ожерелье, к сожалению, было решительно изъято из груды подарков разбойной рукою горного красавца, не пожелавшего в последний момент навсегда расстаться с реликвией своего маленького, но зато чрезвычайно гордого народа.

Рувима эта горная эпопея не занимала ничуть. Ну, было, ну, проехало. Сам Рувим был человеком сугубо низинным, хотя и у него, как говорится, случались в жизни встречи...

– Это я тебе исковеркал жизнь, – скептически улыбаясь, повторил Рувим слова жены и налил в придвинутый дедушкой винный бокал бренди «777». – Я! Я, который, по существу, дал тебе все: дом, положение, службу на полставки. Которого не смутило твое прошлое!

– Прошлое? – глухо и грозно, как из вулкана, донеслось из нежных полининных недр. – Какое-такое прошлое? Я могла, как тебе известно, стать актрисой – а осталась никем, потому что вышла замуж за неудачника, за инженеришку. Ну, что ты пьешь с утра? Иди, торгуй в свою жалкую лавчонку!

Дедушка Моисей Соломонович глядел в сторону с большим безразличием, а Рувим удивленно и отчасти даже встревоженно пожал плечами: о несостоявшейся артистической карьере жены он слышал впервые.

– Где она, моя лавчонка! – сказал Рувим и махнул рукой. – Покажи хоть, где!

– Нет, ты меня изволь выслушать! – продолжала Полина на более высокой ноте. – Сегодня, когда, когда... я тебе все...

Рувим, взяв бутылку бренди за тонкое горло, со вздохом поднялся из-за стола и вышел на лужайку. Дедушка Моисей Соломонович с бокалами поспевал за ним, как катер за крейсером. На лужайке не произошло никаких перемен. Обезьяна угрюмо помещалась на ветке, как будто эта ветка всегда была ее местом жительства, а ливанский кедр приходился ей унылой родиной.

– Я боюсь, дед, – отхлебнув из горлышка и протягивая бутылку Моисею Соломоновичу, сказал Рувим. – Я страшно боюсь...

– И я тоже, – откликнулся Моисей Соломонович. – Может, до завтра доживем...

– Гляди, Полина как выступает! – как бы между прочим заметил Рувим.

– Она тоже боится, вся дрожит, – рассудил дедушка и сделал мелкий глоток.

– Полный финиш, – вздохнув, сказал Рувим. – Все. А мы еще почему-то сопим, вот что странно...

– Я когда-то то ли кино такое смотрел, то ли книжку читал, – сообщил дедушка Моисей Соломонович, – «Момент истины» называется. Про то, как все вдруг решили говорить правду, только правду и ничего кроме правды – и такое наплели! Вот и сейчас так получается...

Полина, неизвестно зачем, выглянула из дома на лужайку и недобро взглянула на двух мужчин, стоявших под ливанским кедром. Рувим, желая разрядить немного атмосферу, смешливо вытянул толстую шею и сказал «ку-ку!». Полина, однако, не улыбнулась, а обезьяна с ветки гневно взглянула.

– Давай выйдем отсюда, – предложил Рувим. – А то с ума сойдем...

Дедушка Моисей Соломонович с готовностью пошлепал вслед за Рувимом через гостиную к двери.

– Палку возьми, – посоветовал дедушка. – На всякий случай.

– Ну да, – легко согласился Рувим. – С гвоздем... От кого отбиваться-то?

Они вышли на крыльцо и спустились по лестнице вниз. Тротуара теперь не было, но травяное поле, подступившее вплотную к рувимову особнячку, оказалось вполне пригодно для передвижения пешим ходом. Возможно, в невысокой сочной траве скрывались змеи и другие неприятные животные, но думать об этом не хотелось: солнце светило любезно, да и «777» сделали свое доброе дело.

– Далеко не пойдем, – твердо сказал Рувим, как будто дедушка Моисей Соломонович уговаривал его и тянул отправиться отсюда и прямо сейчас на Южный полюс. – Просто немного прогуляемся.

Но и прогуляться не пришлось со спокойной душой. В ста метрах от особнячка, из-за аккуратного взлобочка появилась молодая пара – парень в эластичных спортивных штанах и привлекательная барышня с пупком наружу, с подсолнушком за коричневой бархатной ленточкой соломенной шляпы. Рувим и дедушка настороженно остановились. Вежливо остановились и встречные и глядели по-добрососедски.

– Доброе утро, – неуверенно сказал Рувим, не трогаясь с места.

Тогда парень отставил мускулистую ногу и пропел сахарным тенором:

– Двадцать восемь – сорок шесть – тридцать девять – восемнадцать!

А барышня, с казенной улыбкой глядя на оторопевших встречных, напрягла загорелый животик, привела диафрагму в должное состояние и поддержала своего музыкального кавалера сильным и чистым дискантом:

– Цать! цать! цать!.. Сто четырнад-цать! Восемь сорок – три пятнадцать – сорок восемь – тридцать пять.

Дедушка Моисей Соломонович вопросительно поглядел на Рувима, а потом полуотвернулся от артистов и деликатно сплюнул в траву. Барышня ему понравилась.

– Вы теперь тут живете? – с искательной улыбкой задал вопрос Рувим. – Соседи?

Тенор снова отставил ногу, подрожал плотной икрой и пропел:

– Три – четыре – сто семнадцать – двести шесть – четырнадцать!

– Цать! цать! цать! – немедля поддержала милая барышня.

На сильные музыкальные звуки из-за взлобка, как из-за кулис, вышел грудастый хмурый бык, на его широкой и плоской спине помещалась совершенно уже голая девка. Она лениво там лежала, опершись на локоть и уложив подбородок в чашку ладони. Пшеничные ее волосы были неряшливо распущены, а округлое простоватое лицо выражало скуку. Тенор, обернувшись, поглядел на быка и его ношу безразлично, как на кошку.

– Ну, мы пойдем... – сказал Рувим и попятился, не сводя круглых безумных глаз с бычьей девки. – Извините...

– Тридцать пять – сорок четыре! – наклонив голову к плечу, прожурчал тенор, а барышня его преданно поддержала своим дискантом:

– Тыре-тыре-тыре!

Возвращались молча, не оглядываясь. Уже на крыльце, перед самой дверью, Рувим сказал «ну и ну», покачал головой и вытянул губы дудкой. Делать было нечего.

Полина сидела за столом, грызла сухарь с рокфором.

– Что ж ты маску свою не мажешь? – цепляясь, спросил Рувим и указательным пальцем обвел вокруг лица, показывая, каким образом и где Полина ежеутренне устраивала противоморщинную маску из какой-то коричневой дряни.

– Не думай, что я такая идиотка, – не дала прямого ответа Полина, – чтобы с тобой связываться и тебе вообще отвечать. Подлец! Ты разрушил мою жизнь! Я тебя

просто ненавижу! Я тебе все скажу, все, прежде чем... – и всхлипнула, покрывив красный рот в сырных крошках.

– Там соседи цифрами поют, – сообщил дедушка Моисей Соломонович.

Полина взглянула недоверчиво, а потом сказала:

– Ты еще выпей, алкоголик.

Рувим не слушал. Он решительно, размашистыми шагами прошел на лужайку с кедром, а дедушка потащился за ним. Усевшись за дачный столик, он неприязненно взглянул на обезьяну над головой и сказал:

– Может, поесть ей дать что-нибудь?

Дальше такого хорошего намерения дело не пошло: не собачьими же шариками ее кормить, да и подходить страшно. Глядя на обезьяну, на ее сильные опасные руки Рувим растроганно подумал о том, как хорошо было бы сейчас по-хозяйски приласкать какое-нибудь преданное животное, родную какую-нибудь четвероногую душу – и свистнул Юку. Собака, стуча когтями по полу, послушно добежала до порога и остановилась, как будто уперлась в стеклянную стену. С опущенной головой и поджатым хвостом она и не собиралась выходить из дома и глядела на хозяина виновато.

– Ну, иди! – сказал Рувим. – Я тоже боюсь!

Собака дрожала и не двигалась с места. Рувим отвернулся и забыл о ней.

Приятное опьянение пришло к Рувиму, он ощущал необременительное опустошение сердца и был равно готов и к дальнейшей жизни, и к немедленной смерти. Он не сожалел больше о том, что исчезла неизвестно куда строительная площадка за забором, с ее привычным уже созидательным шумом и привезенными из Румынии чернорабочими. Он обреченно не думал о будущем с его отвратительным завтрашним днем – а только о теплом прошлом, и ему хотелось плакать. С облегчением и благодарностью он отметил, что нет Полины в этом прошлом и нет ничего, что напомнило бы ему о Полине. А обнаружилась там, в светящейся голубой глубине, девушка Клава Фефелкина, с тяжелой шаткой грудью, крупная и крутого замеса, с простоватым округлым и добрым лицом. Эта Фефелкина встретила когда-то, в незапамятные почти времена, в октябрьский золотой и высокий день тощему студенту Рувиму Гутнику то ли в какой-то нищенской столовке, то ли на площади трех вокзалов, куда она прибыла то ли из Иванова, а то ли вообще из Кривого Рога. И они были вместе, по молодому и милому делу, шлялись по осенним улицам, ели и спали, глазели по сторонам и находили темы для ненавязчивого бегущего разговора. Они сошлись, вошли друг в друга на отрезочное недолгое время, а потом распались на всю оставшуюся жизнь. Она и имени его не могла толком выговорить, и звала – Роман, Рома... И вот теперь, сегодня, в день конца света он вспомнил почему-то именно эту деревенскую деваху, заворачивавшую мыло на какой-то заштатной фабрике, и имя ее вспомнил, почти стершееся в ряду других, как бы случайных имен. Наивная бессребреница, вспоминал и думал Рувим, всегда благодарная, а характер какой – просто золотой. И никак ведь уже не вспомнишь, почему у них ничего не вышло, о какой камень они споткнулись, – да это сегодня уже и не важно.

– Я сейчас вспомнил одну, – глядя в стол, тихонько сказал Рувим дедушке Моисею Соломоновичу, – девушку одну, Клаву. Легкий она была человек... Где она теперь, что...

– У меня тоже гойка была, – охотно сообщил Моисей Соломонович, – в Екатеринославе, еще до покойной Славы Мироновны. Это был праздник, это была любовь! Если б я тогда на ней женился, может, все пошло бы по-другому...

Да, с горечью подумал Рувим, да-да. Если б ты, старый хрыч, женился на той гойке, а не на Славе Мироновне, то и никакая Полина не появилась бы на свет Б-жий и, таким замечательным образом, ему, Рувиму, не пришлось бы жениться ни на какой Полине. Вот так, из ничего, из дурацких каких-то случайностей, и происходят ужасные катастрофы. А что, разве женитьба на Полине и вся последующая жизнь, выброшенная козе под хвост, – не катастрофа? А то, что сейчас, перед самым концом света, когда каждая минутка может стать последней, – они с Полиной, с этой манерной идиоткой, расположены как бы на разных концах жизни, они не вместе, они не составляют одно душистое целое, как когда-то с Клавой Фефелкиной – разве это не катастрофа?

– Самое интересное, что она всегда врет, – подумав, сказал Рувим. – Всю жизнь врала. Или выдумывала: несла всякую чушь, и ей казалось, что это правда. А я слушал, дурак.

– Да, прошла жизнь... – беспечально сказал дедушка Моисей Соломонович, и с этим нельзя было не согласиться.

Собака Юка завyla в доме, вой был жуток. Рувим огляделся. Обезьяна, задрав тесаную башку, глядела в небо. Там, в небе, как распылителем по потолку, размашисто писали цифру за цифрой, в ряд: 6,1,0,1,9,6,1.

– Пишут... – поглядывая из-под белых бровок, уважительно сказал дедушка Моисей Соломонович и потянулся за бутылкой неверной рукою.

Обезьяна с кедра наблюдала за небесной работой неодобрительно, сунув нечистый палец в рот.

– Буквы куда лучше цифр, – мертвым голосом сказал Рувим. – Я всегда так думал. А вышло все по-другому...

Полина, пряча руки за спиной, возникла на пороге, взглянула на небо, на черные цифры, и устало поморщилась.

– Как бы там ни было, – сказала Полина, – имей в виду: мы чужие. Да, сейчас надо говорить правду. Так вот: ты – ничтожество, неудачник и вообще импотент. Я совершила страшную ошибку, когда пошла за тебя замуж. Но можешь не волноваться, ты свое получил. У тебя рогов больше, чем волос на голове. – Она высвободила из-за спины руку с зеркальцем. – На, смотри! – Рувим взглянул, хмыкнул удовлетворенно.

– Где только охотники нашлись! – сказал Рувим. – Дичь-то с вонцой!

Полина вздрогнула, как будто к ее спине приложили кубик льда, повернулась на пятках своих китайских шлепанцев и вернулась в дом. Поднявшись наверх, она заперла дверь спальни на ключ, села к окну и заплакала, бормоча и подвывая. Какой подлец! «С

вондой!» Сквозь слезы небо в цифрах казалось зыбким, как море. Сочетание плывущих цифр вдруг дошло до ее сознания, она перестала всхлипывать и поспешно вытерла глаза мягкими подушечками пальцев. 610-19-61. Номер телефона Бори.

Раньше, до иммиграции, Боря Белый был артистом вышневолоцкого ТЮЗа, человеком богемы и замечательно высокого полета. Здесь он устроился сторожем в механическую мастерскую, но душа его от такой резкой перемены жизненной атмосферы ничуть не задубела и не загубела, он остался тем же игровым легким человеком и высота его полета не снизилась ничуть. В Полине он обнаружил родственную душу – немного загнанную, но открытую настежь в ожидании приятного чуда.

Они познакомились случайно, где-то. На исходе первого часа знакомства Полина уверилась в том, что Боря – полная и совершенная противоположность Рувима с его инженерскими шуточками, с его патологической любовью к гороховому супу, с его диким ночным храпом. Особнячок и лужайка – это, несомненно, хорошо, это лучше, чем квартира и балкон, но Рувим своим присутствием, самым своим существованием окрашивал все в серые тона. А Боря Белый был весь разноцветный, как радуга... Много вопросов задавала себе Полина: на сколько лет Боря моложе, есть ли у него другая любовница, был ли он женат когда-нибудь. Один только вопрос не догадывалась задать Полина: на кой черт она, Поля Гутник, в девичестве Просьяная, немолодая и сварливая женщина, понадобилась разноцветному Боре? А Боря похохатывал, обнимал за плечи и лез за пазуху, и на море с ней ходил, и деньги брал.

Но случались и другие, до Бори. И во всем виноват был Рувим.

Но теперь все кончено. Совершенно все. Конец света? Ну, что ж, пожалуйста. Лучше уйти из этой жизни свободной, чем подневольной и стреноженной. Этот Рувим, этот пьяный идиот, просто не понимает, что они уже чужие друг другу люди, что они больше не муж и жена. Она свободна. Обидно только, что Боря об этом никогда уже не узнает.

Время поворачивалось ни шатко, ни валко, и трудно было прикинуть, сколько привычных часов прошло с утра. Однако и застывшим время назвать было никак нельзя: солнце по исписанному цифрами небу двигалось не быстрее и не медленней, чем в обычные дни, и перевалило уже, как будто, зенит. Западный ветерок дул с моря приятными порывами. Птиц не было слышно, но крылатые твари испокон веков не злоупотребляли пением в этих местах.

На ливанском кедре, на лужайке, крупная лазоревая птица со стальным отливом, с красной грудкой и белым шелковистым хохолком на голове появилась неожиданно-негаданно и вначале была не замечена сидевшими за столом, за второй уже бутылкой бренди Рувимом и дедушкой Моисеем Соломоновичем. Обезьяна оказалась наблюдательней: завидев птицу, она вкатила голову в сильные плечи и погрозила пернатой мореным кулаком. Птица, однако же, ничуть не испугалась. Вертясь на ветке, невысоко над обезьяной, она принялась прихорашиваться, а потом, приняв напряженную позу, обронила крупную, величиной с лесной орех, каплю. Капля пролетела мимо обезьяны, проводившей ее угрюмым взглядом, и шлепнулась на стол меж Рувимом и дедушкой Моисеем Соломоновичем. Мужчины задумчиво поглядели на каплю и – враз – подняли глаза вверх.

– Что за птица... – сказал Рувим. – Тут таких раньше не было.

– Птичка хорошая, – оценил дедушка Моисей Соломонович. – Только дерьмом вот кидается. Хорошо, что не в стакан.

– Не было, не было, – повторил Рувим и пожал плечами.

– Раньше много чего не было, – согласился дедушка Моисей Соломонович.

Полина показала на пороге, глаза ее были заплаканы.

– Обедать давай, – сказал дедушка. – А то ждем-ждем, а есть-то хочется.

Полина открыла уже рот, чтобы сказать Рувиму все, все. И про Борю Белого, и про Антона Марковича, и про немедленный развод, – но Рувим смотрел отрешенно вверх, мимо птицы, над которой, выше кроны кедра, было натянуто небо в цифрах. 6101961. 6.10.1961. 6 октября 61. День, когда он встретил Клаву. Клаву Фефелкину.

Полина повернулась и ушла. Дедушка Моисей Соломонович смотрел ей вслед с дурацкой улыбкой, покачивая головой, а Рувим не заметил ни прихода ее, ни ухода. Вернувшись в дом, Полина достала из холодильника кусок рокфора, села к столу и, отщипывая кусочки, принялась жевать без азарта. Шар неотпускающего страха висел над ее головой, она уже не думала ни о Рувиме, ни о Боре Белом – а только о неизбежной тоскливой смерти, которая вот-вот придет. Крошки подсохшего рокфора падали на грудь ее халата, она не стряхивала их. Хотелось плакать, всхлипывать. Подошла собака Юка и положила теплую голову ей в колени.

Смерклось рано, тьма без луны и звезд накрыла особнячок на улице Ливанских кедров. Людям в доме не о чем было говорить между собой, они урывками вспоминали прошлую жизнь, и горечь заливала их память. Ничего не было сделано в их жизни, никакое дело не было закончено. Спать разошлись каждый в свой угол и заснули, уткнув лица в подушки.

Их разбудило рычание бетономешалок на стройке. Рувим, волоча ноги, подошел к двери, ведущей во дворик, и приоткрыл ее. Не было на лужайке никакого кедра, и обезьяны не было видно. На дачном столе стояли две порожние бутылки из-под бренди, между ними серела лепешка подсохшего птичьего помета. Собака Юка проскочила мимо Рувима на волю и взялась бегать вокруг масличного дерева. За белым ажурным забором загорелые рабочие тюкали молотками по звонким доскам опалубки. Полина в халате и китайских шлепанцах спустилась из спальни, а дедушка Моисей Соломонович спал у себя наверху.

– Давай, давай, Рува, – сказала Полина. – Доброе утро. Садись, ешь. У тебя есть бензин? Подбрось меня до работы.

– Ну, конечно, – сказал Рувим. – Одевайся быстрее. У меня сегодня дел выше головы.

Начался новый день, очередной.

Ві аади-о аадиі 1997

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

Прочитал в октябрьском номере «Лехаима» большой материал об И. Эренбурге и захотел поделиться воспоминаниями о своей переписке с писателем.

О том, что написал мне Илья Эренбург

В домашнем архиве разыскивал нужную бумагу. В одной из папок наткнулся на два письма в голубых конвертах и... пригласительный билет. Кончики пальцев похолодели, болью тяжких воспоминаний сжалось сердце: эти письма сыграли зловещую роль в моей судьбе.

Вспомнился октябрь 1959 года. Неожиданно почта принесла пригласительный билет в Дом ученых. Днепропетровское отделение Союза советских писателей Украины и правление Дома ученых приглашали на вечер, посвященный 100-летию со дня рождения выдающегося еврейского писателя Шолом-Алейхема. По решению ЮНЕСКО 1959 год был объявлен годом этого писателя.

Пригласительный билет удивил. И борьба с «космополитами», и «дело врачей», и другие антиеврейские акции были совсем недавно. И вдруг... На вечере должен был выступить писатель Федор Залата. Затем – лекция о жизни и творчестве Шолом-Алейхема, выступление талантливой актрисы русского драматического театра им. Горького, заслуженного деятеля искусств Украины А. Солнц...

Однако вечер не состоялся. Вопреки расклеенным афишам и разосланным пригласительным билетам. В дверях Дома ученых стоял его директор В.М. Соколов. Смущенно улыбаясь, он что-то лепетал о «технических причинах». Люди в недоумении уходили. Было это 21 октября. Как потом выяснилось, «техническими причинами» оказался запрет обкома партии. Якобы ни местная писательская организация, ни Дом ученых «не согласовали» с ним сие мероприятие. Такова версия.

Еще в юности я читал и перечитывал в русском переводе рассказы, повести и романы Шолом-Алейхема. Смеялся и плакал: похождения его героев были и смешны, и печальны. В скобках замечу: по своему воспитанию и литературным вкусам в те времена лично мне духовно были ближе Толстой и Чехов, нежели Шолом-Алейхем.

И все-таки... Я кипел возмущением и негодованием. Так бесцеремонно, неуважительно отнестись к памяти великого писателя!.. Я был молод и горяч. И по тем временам совершил безрассудный поступок. Написал взволнованное, гневное письмо на имя члена Всемирного Совета мира, писателя Ильи Григорьевича Эренбурга.

Отправил письмо и – пожалел. Но было уже поздно. Пришел ответ. Письмо в голубом конверте, адрес написан рукой писателя. Вот текст письма:

Москва, 3 декабря 1959 г.

Уважаемый Эдуард Ефремович!

Ваши письмо я получил и чувства Ваши в отношении несостоявшегося вечера, посвященного Шолом-Алейхему, разделяю. Я считаю, что выдвинутые препятствия были актом произвольным и советую написать об этом в ЦК КПСС, в отдел литературы. Я согласен поддержать Вашу жалобу, тем более что эта юбилейная дата отмечалась в Москве.

Айяй Айяй айяйяй.

Е. Юдай аюда

Словно загипнотизированный этим письмом, совершаю еще один безрассудный по тем временам поступок, имевший для меня роковые последствия. По совету И. Эренбурга пишу письмо в ЦК КПСС.

Спустя неделю грянул гром. Из обкома партии пришла открытка. Мне надлежало явиться к заведующему отделом пропаганды и агитации Воробьеву. Поскольку я беспартийный, пришлось пройти долгую и унижительную процедуру оформления пропуска. Кордон милиционеров.

И вот я в кабинете Воробьева. На его столе подлинник моего письма в ЦК КПСС. Воробьев не один. Поодаль, у окна, сидит с независимым видом, положив ногу на ногу, худощавый мужчина средних лет с пронзительным темным взглядом. За все время моего пребывания в кабинете он не проронил ни слова. И не спускал с меня глаз, был как-то напряжен, очень внимательно вслушивался. Впоследствии из достоверного источника узнал: то был сотрудник КГБ.

С того памятного дня пинкертоны этого учреждения взяли меня «под колпак». Не хочется приводить подробности тягостного разговора с Воробьевым. Конечно, он обрушил на меня поток обвинений, упреков, угроз. Как я, историк, посмел, мол, через голову обкома обратиться в ЦК КПСС?! Только, мол, сионистам на руку мое письмо!.. И как я, педагог, могу учить и воспитывать молодежь после такого поступка!..

Я не захотел дальше слушать весь этот вздор. Встал, намереваясь покинуть кабинет. Не тут-то было. Мне властно приказали сесть. И объяснили: обком не покинуть, если пропуск не подписан... Пришлось еще долго молча слушать оскорбительные нравоучения.

И это не все. Я тогда работал преподавателем обществоведения в профессионально-техническом училище № 5. Расправились со мной оперативно, спустя всего несколько дней: меня уволили... по сокращению штата. Затем перестали печатать в местных газетах, лишили возможности читать лекции в обществе «Знание», долго не давали работу в школе.

Характерная деталь того незаконного времени. Заведующий горно А.А. Ковура, ныне покойный, глядя не на меня, а в стол, внятно и жестко заверил: пока он жив, учительской работы я не получу.

Я голодал. Сдал в комиссионку все, что мог. Кое-как жил случайными заработками. В конце концов бывший в те годы заведующий Амур-Нижнеднепровским районо Федор Кириллович Панченко – порядочный и интеллигентный человек, на свой страх и риск дал мне работу в одной из школ района.

Я стал ниже травы и тише воды. Негодовать, жаловаться не хотелось. Спустя несколько месяцев неожиданно получаю еще одно письмо:

Москва, 6 мая 1960 г.

Уважаемый Эдуард Ефремович!

По поводу Вашего письма о несостоявшемся вечере в связи с юбилеем Шолом-Алейхема я беседовал с работником Центрального Комитета КПСС тов. Поликарповым Д.А. Он сказал мне, что выяснил обстоятельства этого дела и считает, что отмена вечера была неправильной: если даже юбилейный вечер по дате был назначен слишком поздно, его можно было провести как вечер памяти Шолом-Алейхема. Я счел полезным Вас осведомить об этом устном ответе на мой запрос товарища Поликарпова.

Եսեմբ Ասի անի անձնա. Ե. Կոմիտե

Каюсь: письмо это оставил без ответа. К стыду моему, струсил. Опасался снова потерять работу...

Կոմիտե Եսեմբ, Ասի անձնա անձնա

Уважаемая редакция!

С живейшим интересом прочла в № 1 «Лехаима» материал о Шафирове и его потомках, среди которых, как утверждает автор, и писатель Алексей Толстой. Если у него на самом деле есть еврейские корни, совершенно по-новому воспринимается такой рассказ о нем Фаины Раневской из ее «Дневника на клочках»:

«Последнюю встречу с ним не забуду. Он остановил меня на улице, на Малой Никитской. Я не сразу его узнала, догадалась – это Толстой. Щеки обвисли, он пожелтел, глаза были тоже не его. Он сказал: “Я вышел из машины, не могу быть в машине – там пахнет. И от меня пахнет, понюхайте...”».

Я сказала, что от него пахнет духами.

А он продолжал говорить: “Пахнет, пахнет, всюду пахнет”.

Машина стояла рядом, но он не хотел в нее садиться. Я предложила проводить его до дому. Взяла его под руку. По дороге он просил меня запомнить и сказать всем, что с фашистами нельзя жить на одной планете, что их надо поселить к термитам, чтоб термиты ими питались, или же чтобы фашисты питались термитами.

Его не надо было вводить в состав комиссии, которая изучала все злодеяния фашистов. Нельзя было...

Нельзя, нельзя было заставить его смотреть на то, чего нельзя вынести, после чего нельзя жить. Это зрелище убило его, прикончило».

К сожалению, ничего не знаю об участии А. Толстого в упомянутой комиссии. Если кому-то из читателей «Лехаима» это известно, поделитесь. Думаю, не только мне, но и другим все это будет весьма интересно.

Ń ōŃæáí èáì , Öèÿ ÊæéèèŃ

Çáì îŃæüü

1 ФЕВРАЛЯ

70 лет со дня рождения физика-теоретика, члена-корреспондента РАН, профессора МФТИ, автора свыше 100 трудов по физике твердого тела, магнетизму, статистической физике; создателя термодинамической теории антиферромагнетизма, объяснившего явление слабого ферромагнетизма (взаимодействие Дзялошинского – Мория), и на ее основе предсказавшего пьезомагнитные и магнитоэлектрические эффекты; совместно с Е.М. Лившицем и Л.П. Питаевским построившего общую теорию ван-дер-ваальсовых сил в конденсированных средах; принявшего участие в разработке квантово-полевого диаграммного метода для решения задач статистической физики при конечных температурах; автора общей теории геликоидальных и синусоидальных структур в антиферромагнетиках и теории спиновой плотности волн; развившего теорию фазовых переходов 1-го рода в магнетиках и теорию квазиодномерных металлов; лауреата Государственной премии СССР, премий им. М.В. Ломоносова и Л.Д. Ландау **Игоря Ехиельевича Дзялошинского** (р. 1931, Москва).

2 ФЕВРАЛЯ

100 лет со дня рождения скрипача, репертуар которого охватывал почти всю мировую скрипичную литературу; профессора Калифорнийского университета, в качестве ансамблиста концертировавшего с А. Рубинштейном, Г. Пятигорским, У. Примразом и другими, исполнителя посвященных ему и специально для него написанных произведений ряда композиторов, в том числе И. Ахрона и Ф. Ваксмана, автора скрипичных пьес, многих транскрипций для скрипки, в том числе 5 фрагментов из оперы «Порги и Бесс» Дж. Гершвина, «Полета шмеля» Н. Римского-Корсакова, «Танца с саблями» из балета А. Хачатуряна «Гаянэ», пьес А. Аренского, А. Бородина, С. Рахманинова, С. Прокофьева **Яши (Иосифа Робертовича/Рувимовича) Хейфеца** (1901, Вильна – 1987, Беверли-Хиллз, США).

3 ФЕВРАЛЯ

55 лет со дня рождения предпринимательницы, председателя совета директоров косметологической компании «Макс-фактор», генерального менеджера

компании «Варнако», единственной женщины, вошедшей в список лучших менеджеров американских компаний журнала «Форчун», **Линды Вахнер** (р. 1946, Нью-Йорк).

4 ФЕВРАЛЯ

100 лет со дня рождения экономиста, члена-корреспондента АН СССР, автора трудов по политэкономии, денежному обращению **Генриха Абрамовича Козлова** (1901, Вильна – 1981, Москва).

80 лет со дня рождения активистки феминистского движения США, основательницы и первого президента Национальной женской организации США **Бетти Фридан** (р. 1921, Пиория, США).

5 ФЕВРАЛЯ

145 лет со дня рождения режиссера, критика, театрального деятеля, основоположника немецкого сценического натурализма, основателя и первого директора литературно-театрального общества «Свободная сцена», руководителя берлинского Немецкого театра, поставившего ряд спектаклей по пьесам Ибсена, Гауптмана, Гольца, Золя, Л. Толстого и др., **Отто Брама** (наст. фамилия Абрамзон; 1856, Гамбург – 1912, Берлин).

30 лет со дня смерти политического деятеля, генерального секретаря ЦК КП Венгрии, Председателя ЦК Венгерской партии трудящихся, председателя Совета министров Венгрии **Матяса Ракоши** (1892, Ада, Сербия – 1971, Горький).

6 ФЕВРАЛЯ

10 лет со дня смерти вирусолога и генетика, члена Американской национальной академии наук, профессора Иллинойского университета, Массачусетского технологического института, Солковского института биологических исследований, основателя и директора Центра раковых исследований США, одного из основоположников генетики микроорганизмов, исследовавшего структуру и механизм воспроизведения бактериофагов, открывшего эффект их множественной реактивации, лауреата Нобелевской премии по медицине за 1969 год (совм. с А.Д. Херши и М. Дельбрюком) **Сальвадора Эдуарда Лурия** (1912, Турин – 1991, Лексингтон, США).

13 ФЕВРАЛЯ

100 лет со дня рождения социолога, автора работ по методологии и применению математических моделей в социологии «Язык социального исследования», «Латентно-структурный анализ» и др. **Пауля Феликса Лазарсфельда** (1901, Вена – 1976, Нью-Йорк).

105 лет со дня рождения историка, академика АН СССР, Героя Социалистического Труда, автора трудов по истории Октябрьской революции и гражданской войны в России, международным отношениям и советской внешней политике, лауреата четырех Государственных премий СССР **Исаака Израилевича Минца** (1896, Кринички Екатеринбургской губ. – 1991, Москва).

15 ФЕВРАЛЯ

5 лет со дня смерти киноактера, сыгравшего в фильмах «Двенадцать разгневанных мужчин», «Психоз», «Все по домам», «Семь дней в мае», «Тысяча клоунов» (премия «Оскар» за лучшую мужскую роль второго плана 1965 года), «Маленький большой человек», «Уловка 22», «Признание комиссара полиции прокурору республики», «Вся президентская рать», «Серебряные медведи»,

«Предупреждение» (в советском прокате «Следствие с риском для жизни») и др., **Мартина Болсама** (1919, Нью-Йорк – 1996, Рим).

16 ФЕВРАЛЯ

75 лет со дня рождения режиссера, постановщика фильмов «Такого рода любовь» (главная премия Мкф в Западном Берлине 1962 года), «Билли-лжец», «Дорогая», «Полуночный ковбой» (премия «Оскар» за лучшую режиссерскую работу 1969 года), «Воскресенье, проклятое воскресенье», «День саранчи», «Марафонец», «Англичанин за границей» и др. **Джона Шлезингера** (р. 1926, Лондон).

17 ФЕВРАЛЯ

145 лет со дня смерти поэта и публициста, автора сборников «Книга песен», «Романсеро», поэм «Атта Тролль», «Германия. Зимняя сказка», прозаического обзора «Путевые картины», публицистических эссеистских книг «Романтическая школа», «К истории религии и философии в Германии» **Генриха Гейне** (наст. имя Гарри; 1797, Дюссельдорф – 1856, Париж).

25 лет со дня смерти одного из основоположников и теоретиков авангардистского направления в киноискусстве Германии, директора «Сити колледжа» и института кинотехники в Нью-Йорке, поставившего (в сотрудничестве с Ф Леже, М. Реем, А. Колдером, М. Дюшаном) фильм «Сны, которые можно купить за деньги» (премия Мкф в Венеции 1947 года), и др., **Ханса Рихтера** (1888, Берлин – 1976, Локарно, Швейцария).

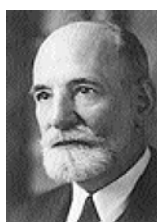
110 лет со дня рождения математика и логика, члена израильской АН, профессора Марбургского, Кильского университетов, профессора, первого декана факультета математики и естественных наук и ректора Еврейского университета в Иерусалиме, одного из основателей Иерусалимского института математики, главы израильской Ассоциации во имя прогресса науки, автора трудов по теории множеств и математической логике, одного из авторов важной системы аксиом теории множеств **Авраама (Адольфа) Френкеля** (1891, Мюнхен – 1965, Иерусалим).

18 ФЕВРАЛЯ

80 лет со дня рождения композитора, народного артиста РСФСР, автора многих популярных песен, в т.ч. «Черное море мое», «Баллада о красках», «Ландыши», «Ходит песенка по кругу», «Мир дому твоему», 8 оперетт, 2 ораторий и других музыкальных произведений **Оскара Борисовича Фельцмана** (р. 1921, Одесса).

20 ФЕВРАЛЯ

25 лет со дня смерти юриста, дипломата, общественного и государственного деятеля, профессора университетов Лилля и Парижа, представителя Франции в Лиге наций, создателя и президента Французского союза ассоциаций инвалидов и престарелых ветеранов войны, вице-президента национального совета по опеке, секретаря Совета обороны правительства «Свободной Франции» генерала де Голля, комиссара юстиции и просвещения, вице-президента Государственного совета, члена конституционного совета, главы Совета национальной школы управления, председателя Комиссии прав человека при ООН, подготовившего Всеобщую декларацию прав человека, одного из основателей ЮНЕСКО, члена Международного суда в Гааге, председателя Европейского суда по правам человека, директора Международного института прав человека в Страсбурге, президента Еврейского альянса во Франции, лауреата Нобелевской премии мира 1968 года, кавалера Большого креста, ордена Почетного легиона **Рене-Самюэля Кассена** (1887, Байонн, Франция – 1976, Париж, в 1987 году перезахоронен в Пантеоне).

140 лет со дня смерти актера, театрального педагога, организатора собственных трупп, участника Болонского восстания 1831 года **Густава Модены** (1803, Венеция – 1861, Турин).

21 ФЕВРАЛЯ

65 лет со дня рождения общественного и государственного деятеля, первого заместителя премьера правительства Москвы, академика Российской инженерной академии, члена-корреспондента Российской академии архитектурных и строительных наук, профессора Международного университета, а также Российской экономической академии им. Плеханова, лауреата двух Государственных премий России, двух премий Совета министров СССР **Владимира Иосифовича Ресина** (р. 1936, Минск).

24 ФЕВРАЛЯ

55 лет со дня рождения математика, доктора физико-математических наук, члена американской академии наук и искусств в Бостоне, автора трудов по теории групп Ли, лауреата золотой медали и премии Дж. Филдса **Григория Александровича Маргулиса** (р. 1946, Москва).

26 ФЕВРАЛЯ

70 лет со дня смерти химика-органика, профессора Боннского и Геттингентского университетов, президента Германского химического общества, открывшего и исследовавшего многие терпены, одного из инициаторов создания промышленности душистых веществ, лауреата Нобелевской премии по химии 1910 года **Отто Валлаха** (1847, Кенигсберг – 1931, Геттинген).

130 лет со дня рождения историка, общественного деятеля, дипломата, академика АН СССР, профессора МГУ, одного из лидеров левого крыла британской социалистической партии, участника создания КП Великобритании, автора трудов по истории Великобритании, в том числе английского рабочего движения, и Германии, международных отношений конца XIX-начала XX века **Федора Ароновича Ротштейна** (1871, Ковна – 1953, Москва).

27 ФЕВРАЛЯ

110 лет со дня рождения инженера, предпринимателя, одного из создателей телевидения, в том числе цветного; первым принявшего сигналы бедствия с тонущего «Титаника»; президента и председателя правления «Радио Корпорейшн оф Америка», председателя и директора национальной радиовещательной корпорации Эн-Би-Си, советника Д. Эйзенхауэра по связи, бригадного генерала, кавалера американского ордена Доблестного легиона, командора ордена Почетного легиона **Давида Сарнова** (1891, Узляны Игуменского уезда Минской губ. – 1971, Нью-Йорк).

28 ФЕВРАЛЯ

180 лет со дня рождения актрисы, исполнительницы ролей в трагедиях Корнеля, Расина, Вольтера и др. **Рашели** (наст. имя и фамилия Элиза Рашель Феликс; 1821, Мумпф Швейцария – 1858, Ле-Кане, Франция).